

H
Φ

11

11

ВЫПУСК 11

**СБОРНИК
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1972**

C 23 Сборник научной фантастики. Выпуск 11. М., «Знание», 1972.

240 с.

В очередном сборнике научной фантастики опубликованы произведения не только известных советских фантастов Д. Билленкина, К. Булычева, И. Варшавского, А. Горбовского, С. Жемайтиса, Р. Подольного, но также и дебютантов этого жанра А. Пологребского, Г. Шаха.

Очень разнообразны проблемы, решаемые авторами сборника.

Кроме того, читатель познакомится с одним из первых научно-фантастических произведений, опубликованном в 1902 г. в С.-Петербурге.

7-3-2

т. п. 1971 г., № 6

P2

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ. ВЫПУСК 11

Составитель В. РЕВИЧ

Редактор Н. Огородникова

Оформление художника М. Н. Ромадина

Художественный редактор Л. Морозова

Техн. редакторы А. Красавина и Т. Самсонова

Корректор Н. Мелешкина

А02246. Сдано в набор 14/X-1971 г. Подписано к печати 10/IV-1972 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Бум. л. 3,75. Печ. л. 7¹/₂. Условн. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 14,69. Тираж 100 000 экз. Издательство «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ 459. Сортавальская книжная типография Управления по печати при Совете Министров Карельской АССР, Сортавала, Карельская, 42. Отпечатано с матриц, изготовленных на книжной фабрике № 1 г. Электросталь. Цена 47 коп.

**ЗАГЛЯНЕМ
В ДАЛЕКОЕ БУДУЩЕЕ...**

КИР. БУЛЫЧЕВ

ВЕЛИКИЙ ДУХ И БЕГЛЕЦЫ

ПОВЕСТЬ

ИЗБУШКА

В пятницу он придумал афоризм. Он лежал на песке и придумал афоризм: «Человек не может сделать того, чего он сделать не может». Афоризм Павлышу не понравился. Начинался вечер. Павлыш лежал на песке и представлял себе, что загорает. Припекало. Павлыш жмурился и отгонял мошкарку, застилавшую тучкой солнце. Можно было открыть шлем, но вскоре начало бы мутить и мошкарка набилась бы в скафандр. Павлыш закрыл глаза и постарался услышать стук мяча и голоса купальщиков. Голосов не было — мошкарка крутилась беззвучно, а купальщики остались на Земле. Тишина мешала думать.

Павлыш перевернулся на живот. Песок был серым, мелкие ракушки, похожие на полосатые горошинки, рассыпались под пальцами в пыль. Тень «Компаса» добралась до Павлыша. Тень была длинной и росла с каждой минутой.

Пора возвращаться на корабль и чем-нибудь заняться. Можно запустить зонд и смотреть, как он превращается в белую точку, дергается в воздушных потоках. Можно сварить ужин. Или съесть его холодным. Приняться за разборку третьего отсека. В нем должны быть медикаменты и оборудование, на самом же деле — стеклышки, пыль, щепки и куски металла. Судовому врачу известно, что

в третьем отсеке не может быть деталей для ракеты. Зная это, Павлыш все равно будет, подобно археологу, перебирать мусор, пока не убедится в полной тщетности поисков.

Павлыша удручала предопределенность. И уже этого было достаточно для возникновения тупой неприязни к серому берегу и машине искаженного металла, именуемого по инерции кораблем «Компас».

Странная тварь вылетела из колючих зарослей, подступавших к пляжу, и уселась в тени корабля. Тварь была ростом с собаку, но хрупка и члениста. Она пристально смотрела на Павлыша стрекозиными глазами. Мошкара смерчком замельтешила над ней. Тварь, наконец, приняла решение, подпрыгнула и принялась биться об обгоревший бок корабля, словно комар об оконное стекло.

Павлыш поднялся, стряхнул с колен песок, ракушки и побрал к люку. Четыре дня назад он открывал его дольше часа, думал, что никогда не сможет этого сделать. Тогда казалось, что открытый люк — спасение. На самом деле это ничего не рвало.

Тварь стукнулась о шлем. Отмахнувшись, Павлыш сломал ее пополам. Туча мошкары сразу скрыла останки твари. Павлыш закрыл люк, припер его изнутри стальным стержнем. Мошкара, боясь тени, внутрь не залетала, но с наступлением вечера мог появиться какой-нибудь гость покрупнее. Павлыш ошупью разделся, повесил скафандр в нишу.

Аварийное освещение в коридоре работало плохо. Свет мерцал, терялся в углах. Его все равно придется отключить. Павлыш решил изобрести светильник на сливочном масле. Или спиртовку. Он уже представил себя пишущим очередное письмо при свете самодельного светильника, как вдруг ударился об обломок трубы.

Корабль был разбит. Это никуда не годилось. Если уж случается несчастье, он взрывается, исчезает бесследно. Но корабль, разбитый, как автомобиль о столб, — это даже унижительно. Налетевший с моря ветер качнул развалину, на пол посыпался сор, и в перекореженных недрах судна что-то заскрипело, заныло.

Не было энергии. Не было связи. Останься жив капитан или кто-нибудь из механиков, может, они что-нибудь и придумали бы. Хотя вряд ли. Корабельный врач Павлыш придумать ничего пока не смог. Чтобы не раскисать, он запускал зонды, методично обыскивал трюмы, привел в относительный порядок мостик, вел корабельный журнал и написал письмо Снежинке. Конверт с обратным адресом «Планета Форпост» опустил в остатки мусоропровода.

Было еще одно дело. Главное. Анабиозные ванны. У них был автономный блок питания. Температура поддерживалась на нормальном уровне. Так будет, подсчитал Павлыш, еще два месяца.

На самом экономном режиме. И все. Павлыш останется последним человеком на этой планете. Потом умрет тоже, если не сможет приспособиться к местному воздуху. Может быть, доживет до старости.

Павлыш представил себя старичком в рваном, измызганном скафандре. Вот он выходит на лесенку перед вросшим в серый песок кораблем и кормит с ладони членистых тварей. Они толкаются, мешают друг дружке и глядят на него внимательно и строго. Потом старичок возвращается в чистенькую, ветхую кабинку, убранную сухими веточками, и сквозь слезы рассматривает потускневшую фотографию Снежины. Она не состарилась. Все та же, стоит прислонившись к березе, и смотрит на старичка голубыми глазами.

Есть возможность пойти и на такой шаг: отключить анабиозные ванны. Ни один из спящих не заметит перехода к смерти. Энергию блока тогда можно переключить на один из отсеков и прожить в безопасности несколько лет. От такой мысли стало еще паскудней. Павлыш заглянул в реанимационную камеру, бывшую реанимационную камеру. Он каждый день заглядывал сюда, надеясь на чудо. За дверью его встречала та же безнадежная путаница проводов и осколки приборов. И сколько ни приглядывайся, ни один провод не вернется на свое место. Нет, разбудить вторую вахту он не сможет.

И все-таки они были еще живы. Он был не один. Оставалась забота о живых.

Отсек анабиоза спрятан в центре корабля, охвачен надежными объятиями амортизаторов и почти не пострадал. Здесь было ощутимо холодней, чем в коридоре. Под матовыми колпаками ванн угадывались человеческие фигуры.

— Бывают же случайности,— сказал Павлыш термометру.— Сегодня мы сюда попали. Завтра еще кто-нибудь. Возьмет и попадет.

Павлыш знал, что никто сюда не попадет. Незачем. Когда-то, много лет назад, планету посетила разведгруппа, провела здесь два месяца или две недели, составила карты, взяла образцы флоры и фауны, выяснила, что день здесь равен четырем земным дням, а ночь — четырем земным ночам, установила, что планета пока интереса для людей не представляет, и улетела. А может, даже и группы не было. Пролетел автомат-разведчик, почружил...

Павлыш щелкнул пальцем по матовому куполу ванны, будто хотел разбудить лежавшего там Глеба Бауэра, усмехнулся и вышел.

Солнце, по расчетам, должно опуститься уже к самой воде. Момент этот мог представить интерес для будущих исследователей. Так что перед ужином имело смысл снова выбраться на пляж и заснять смену дня и ночи. Кроме всего, это должно быть красиво...

Это было красиво. Солнце ползло по касательной к ярко-зеленой линии горизонта. Оно было полосатым — по лиловым штрихам бежали, вспыхивали белые искры. Небо, ярко-бирюзовое вблизи солнца, становилось изумрудным, глубоким и густым по мере удаления от него, а за спиной уже стояла черно-зеленая ночь, и серые облака, зарождаясь где-то на суше, ползли к морю, прикрывая яркие звезды. Кустарник на дюнах превратился в монолитный черный частокол, оттуда доносились шипенье, треск и бормотанье, настолько угрожающие, что Павлыш предпочел не отходить от корабля. Он снимал закат ручной любительской камерой — единственной сохранившейся на борту, и слушал шорохи за спиной. Ему хотелось, чтобы скорей кончилась пленка, чтобы скорей солнце расплылось в оранжевое пятно, провалилось в зелень воды. Но пленка не кончалась, оставалось ее минут на пять, да и солнце не спешило уйти на покой.

Мошकारа пропала, и это было непривычным. За четыре дня Павлыш привык к ее деловитому кружению, к ее безобидности. Ночь грозила чем-то новым, незнакомым, скорее всего злым, ибо планета была еще молода, и здесь должна идти беспощадная борьба за существование. Победленного здесь, видимо, не обращают в рабство, не перевоспитывают, а уничтожают.

Наконец солнце, до половины погрузившись в воду, уползло направо, туда, где вдоль горизонта тянулась черная полоска берега, образуя залив, в глубине которого упал «Компас».

— Ну, что же, — сказал себе Павлыш. — Доснимем и начнем первую полярную зимовку. Четверо суток сплошной ночи.

Павлыш не смог заставить себя дожидаться полного заката. Палец сам нажал на кнопку «стоп». Ноги сами сделали шаг к люку, надежному убежищу.

И тут Павлыш увидел огонек. Огонек вспыхнул на самом конце мыса — черной полоски по горизонту, недалеко от которой спускалось в воду солнце. Павлыш подумал, что это луч солнца отразился от скалы или волны или обманывают уставшие глаза.

Через двадцать секунд огонек мелькнул снова, в той же точке. И больше вспышек Павлыш не увидел — солнце подкатилось к мысу, его оранжевые лучи били в лицо, слепили. Павлыш не мог более ждать. Он вскарабкался в люк, не снимая скафандра и шлема, пробежал на мостик.

Чуть фосфоресцировал в темноте мертвый экран телеглаза. На него Павлыш и направил камеру, проецируя отснятое изображение. Может быть, камера заметила огонек раньше, чем Павлыш.

На экране солнце ползло вдоль зеленой воды, разбрасывая слишком яркие краски, снова по нему бежали сизые полосы и вспы-

живали искры. Глаз камеры последовал за солнцем. У Павлыша устали руки, они немного дрожали, и оттого волновалась и покачивалась на импровизированном экране изумрудная вода.

— Смотри,— предупредил себя Павлыш. В правой стороне кадра обнаружилась оконечность мыса. И тут же в этой точке, увиденной камерой, вспыхнул огонек.

Экран погас. Павлыш оказался в полной темноте. Лишь перед глазами мелькали багровые и зеленые пятна. Он ощупью отмотал пленку обратно до того кадра, где вспыхнул огонек. На экране застыло, остановилось солнце, застыла и белая точка у правой хромки экрана — огонек.

Это было невероятным, этого не могло быть! Огонек должен был оказаться оптическим обманом, галлюцинацией, потому что Павлыш очень ждал события, способного вернуть надежду. Мозг жаждал ухватиться за что-нибудь, пусть за мираж... Но огонек не был миражем. Камера тоже увидела его.

— А почему бы и нет? — спросил Павлыш.

В ответ — молчанье.

— Чего же я здесь стою? Солнца уже спряталось и не мешает смотреть на мыс. А вдруг огонька уже нет!

Павлыш подумал, что если где-то неподалеку есть разумные существа, по крайней мере разумные настолько, что обладают сильным источником света, то ни к чему беречь аварийные аккумуляторы. Он наощупь отыскал кнопку, врубил на полную мощность освещение, и корабль ожил. В нем стало теплее, раздвинулись стены, коварные предметы — обломки труб, петли проводов, заусеницы обшивки — теперь не мешали Павлышу пробежать коридором к люку, переставшему быть страшным и враждебным.

Павлыш оперся руками о края люка, высунулся по пояс наружу и стал считать, глядя на малиновое пятно у горизонта: раз, два, три, пять... Вспышка!

Огонек продержался с секунду, погас, и Павлыш успел усесться поудобнее на край люка, свесить вниз ноги в тяжелых башмаках, прежде чем он вспыхнул снова. У огонька был приятный цвет. Какой? Чрезвычайно приятный белый цвет. А может быть, желтый?

Когда пятно, оставшееся на облаках от солнца, потемнело, огонек перестал мигать. Он горел ровно, будто кто-то, долго шутивший с выключателем, уверился, наконец, в приходе ночи и, включив свет на полную мощность, уселся за стол ужинать. И ждать гостей...

Из темноты к Павлышу бросилось что-то живое. Павлыш не успел подобрать ноги и укрыться в корабль, лишь вытянул вперед руку. Нечто оказалось уже знакомой тварью. Она опутала сухими тонкими ножками руку Павлыша, и стрекозиные глаза укоризненно

сверкнули, отразив свет, падавший из люка. Павлыш стряхнул тварь, как стряхивают паука, и та шлепнулась на песок. Закружилась голова. Тут только человек понял, что забыл опустить забрало шлема и дышит воздухом планеты. С осознанием этого пришла дурнота. Павлыш закрыл люк и уселся прямо на пол шлюза. Опустил забрало и увеличил подачу кислорода, чтобы отдышаться.

Теперь надо дать сигнал, думая Павлыш. Надо пустить ракету, зажечь прожектор. Надо позвать на помощь.

Но ракет не было. А если были, поиски их займут еще несколько суток. Прожекторы разбиты. Есть фонарь, даже два фонаря, но оба очень слабые, шлемовые. Ну что же, начнем с них.

Павлыш долго стоял у открытого люка, закрывая и открывая ладонью свет и свободной рукой отмахиваясь от тварей. Огонек не реагировал, светил так же ярко и ровно. Хозяева его явно не догадывались о том, что неподалеку кто-то потерпел бедствие. Павлыш вытащил из корабля множество предметов, которые могли гореть, и поджег их. Костер был неярким — в воздухе было слишком мало кислорода, да и твари, слетевшиеся на огонек, попадали в пламя и обугливались, шипя, как мокрые дрова. Павлыш извел весь запас спирта и после десяти минут борьбы с тварями бросил эту затею.

Он отошел к люку и смотрел на огонек. Тот был словно светлым окошком в сказочном домике лесника, костром охотников... А может быть, отсветом от очага под котлом людоеда?

— Ладно, — сказал Павлыш тварям, покоившимся живописной кучей над обуглившимися дверцами шкафчиков, книгами, бумагами и тряпками. — Я пошел.

Хорошо, когда решение принято. Оно требовало действий многочисленных, разнообразных и спешных. Чем-то это было похоже на хлопоты, связанные с отъездом в отпуск, надо убрать квартиру, оставить корм рыбкам в аквариуме, договориться с соседкой, чтобы поливала цветы, достать стереопленку, позвонить друзьям, позаботиться о билете...

Во-первых, Павлыш отправился в анабиозную камеру. Поход к огоньку мог продлиться часа три, и за это время ничто не должно было нарушить сон подавленных. Если что-нибудь с ними случится, пропадет весь смысл похода. Павлыш обесточил корабль и подключил к блоку питания камеры уже порядком севшие аварийные аккумуляторы. Проверил стабильность температуры в ваннах, контрольную аппаратуру. Насколько Павлыш мог судить, камере ничто не угрожало. Даже если он будет отсутствовать целый месяц.

Правда, человеку, идущему в грехчасовую прогулку по берегу моря, ни к чему планировать на месяц вперед, но прогулка предпологалась несколько необычная. Павлыш не без оснований думал, что станет первым человеком, путешествующим ночью по берегу здешнего моря.

Затем следовало позаботиться о собственном снаряжении, запасе воды и пищи. Наконец, надо было задрать сломанный люк так, чтобы даже слон (если здесь бродят слоны) не смог его отворить.

Закончив дела, Павлыш выбрался наружу и неожиданно почувствовал почти элегическую грусть. Затянувшиеся сумерки окрасили негостеприимный мир во множество разновидностей черного и серого цвета, и единственной родной вещью в этом царстве был искалеченный «Компас», печально гудящий под порывами ветра, одинокий и беспомощный.

— Ну-ну, не расстраивайся,— сказал кораблю Павлыш и погладил корпус, изъязвленный при аварийной посадке.— Я скоро вернусь. Дойду по бережку до огня и обратно.

Огонек горел ровно, Павлыш в последний раз проверил поступление кислорода в шлем,— его хватит на шесть часов, в крайнем случае можно дышать и воздухом планеты. Хоть это неприятно и весьма вредно. Павлыш вытащил лучевой пистолет, прицелился в камень на берегу и выстрелил. Луч полоснул по камню, распилил его пополам, и половинки засветились багрово и жарко. Все. Пора идти.

Павлыш разгреб башмаком остатки костра и перепрыгнул через него, не из молодечества, хотел узнать, достаточно ли надежно все приторочено?

Идти было удобнее по самой кромке пляжа. Здесь волны, набегавшие языками пены, спрессовали песок, сделали его упругим. Фонарь был пока не нужен, и так видно все, что нужно видеть. Бесконечная полоса песка, темная вода слева, черный кустарник на дюнах справа. И так до бесконечности, до огонька.

Павлыш прошел несколько десятков шагов, остановился, оглянулся на корабль. Тот был велик и страшно одинок. Несколько раз Павлыш оглядывался — корабль все уменьшался, мутнел, сливался с небом, и где-то в конце первого километра пути Павлыш вдруг понял, как мал он и беззащитен. И ему стало страшно, захотелось убежать к кораблю, скрыться в люке. И он вдруг решил, что забыл что-то очень важное для пути, ради чего хочешь-не хочешь,— придется возвратиться. Но пока придумывал причину, зашевелился стыд, заговорило чувство долга — возвращаться нельзя. И тогда Павлыш попытался вообразить себя женой Лота, которая превра-

тится в соляной столб, если обернется назад. И к утру его слижут жадные до кристаллической соли обитатели кустов...

Павлыш решил петь. Пел он плохо. Кустарнику такое пение, кажется, не понравилось, и после второго куплета он замолк. Песок под ногами струился ровной лентой, порой язык волны доползал до ноги путника, и Павлыш сворачивал чуть выше, обходя пену. Один раз его испугало белое пятно впереди. Павлыш замедлил шаг, нащупал рукоять пистолета. Пятно росло, и видно было, как нечто черное, многопалое высунулось из него, готовясь схватить пришельца. Но Павлыш все-таки шел, выставив вперед пистолет, и ждал, чтобы пятно первым решилось на нападение.

Пятно оказалось большой раковиной, а может, панцирем какого-то морского жителя. Несколько тварей ползали по нему, вытаскивая тонкими лапками остатки внутренностей. Их-то и принял Павлыш издали за щупальца.

— Кыш, несчастные! — сказал Павлыш тварям, и те послушно сядились, улетели к кустам. Из-под раковины выскакивала всевозможная жадная мелочь, зарывалась в песок, удирала к воде. В темноте не разобрать ни форм, ни позадок. Некоторые растворялись в пене, другие — фосфоресцировали и светящимися пятнами суетились у берега.

После случая с раковиной Павлыш почувствовал себя уверенней — обитатели моря и кустов занимались своими делами и на человека нападать не собирались.

Прошел уже час с тех пор, как Павлыш покинул корабль, позади по крайней мере пять километров пути. Единственное, что всерьез беспокоило сейчас путника, — то, что огонек не приближался. Так же далек был черный мыс, так же ровна полоса песка. Правда, это не могло продолжаться вечно. Хотя диаметр Форпоста больше земного, но планета все равно круглая, и достаточно отдаленные предметы обязательно скрываются за линией горизонта...

И тут Павлыш увидел реку.

Вначале он услышал шум, который примешивался к однообразному ритму прибоя. Потом Павлыш увидел и саму реку. Вливаясь в море, река разбилась на множество рукавов. Берег здесь, укрепленный речным песком, выдавался в море небольшим полуостровом. Между рукавами и с обеих сторон дельты земля была покрыта зелеными пятнами лишайника, травой. Какие-то растения, схожие с трезубцами, гнездились прямо в воде. Переход вроде бы не представлял трудностей, но когда в нескольких метрах от воды нога Павлыша вдруг провалилась по щиколотку, он понял, что от реки можно ждать каверзы.

Уже следующий шаг дался труднее. Песок был податливым, он с хлюпаньем затягивал ногу и старался не отпускать ее.

— В конце концов,— подумал Павлыш,— мне ничего не грозит. Я в скафандре, и даже если провалюсь поглубже, не промочу ног.

И в этот миг Павлыш, потеряв опору под ногами, провалился по пояс. Попытка вылезти из ловушки привела к тому, что он погрузился еще на несколько сантиметров. Скафандр был мягким, и жижа, поймавшая в плен Павлыша, давила на грудь, подбираясь к плечам. Павлыш вспомнил, что охотники, угодившие в болото, всегда хватаются за сук или хотя бы за куст. Сука поблизости не было, но куст рос впереди, метрах в трех. Павлыш рассудил, что почва возле него должна быть тверже, и прыгнул вперед.

Наверно, со стороны прыжок выглядел странно: существо, увязшее по грудь в песке, делает судорожное движение, вырывает несколько сантиметров тела из плена, продвигается на полметра вперед и тут же почти полностью пропадает из вида.

Прыжок был ошибкой, простительной только потому, что Павлышу никогда раньше не приходилось попадать ни в болота, ни в зыбучие пески. Теперь над поверхностью, чуть колеблющейся, вздыбливающейся пузырями, виднелась лишь верхняя половина шлема. Павлыш скосил глаза и увидел, что граница песка медленно поднимается по прозрачному забралу.

Все произошло так быстро, что Павлыш не успел даже испугаться. Стараясь не делать лишних движений, Павлыш повернул голову к далекому мысу. Огонек светил. Ждал. Пришлось задрать голову, над песком оставалась лишь верхушка шлема с ненужной антенной, настроенной на корабль, в котором никто не услышит. Через несколько секунд огонек пропал. И все пропало. Было темно, страшно тесно и совершенно непонятно, что же делать дальше.

Страх пришел с темнотой. Павлыш задыхался часто и неглубоко, хотя баллоны добросовестно выдавали ровно столько воздуха, сколько положено. Шлем был достаточно тверд, так что угроза погибнуть от удушья не возникала. Погибнуть... Мысль эта промелькнула в мозгу, за что-то зацепилась там и осталась. Погибнуть. В этой яме можно в два счета погибнуть. Ведь останься здесь — и погибнешь. Как рыба, выкинутая на берег, как мышь в мышеловке. Погибнуть...

Слово обладало какой-то магической силой. Это было отвратительное слово, лживое, злое. Павлыш понимал, что оно не может к нему относиться, потому что... потому что его ждут. Его ждут Глеб Бауэр и Кира Ткаченко, и штурман Батурия, без Павлыша они тоже погибнут. И если когда-нибудь придет сюда корабль, а он обязательно придет, то будет поздно. Люди найдут тела в анабиоз-

ных ваннах, тела погибших, потому что никто не успел их разбудить, и поймут, что кто-то еще был на корабле, потом исчез. Будут его искать и, конечно, никогда не найдут. Даже если планету заселят, множество людей будет жить на ней, все равно никто никогда не найдет доктора Павлыша, тридцати четырех лет, шатена, рост 183, глаза голубые...

— А ну, хватит, — сказал себе Павлыш. — Так можно размышлять до рассвета. Надо действовать.

Твердый песок за спиной. Больше рисковать нельзя. Никаких движений вперед, только назад, к берегу.

Павлыш попробовал поднять руки. Это можно было сделать, но с трудом, песок был вязким и тяжелым. Павлыш попытался подгрести руками вперед, но лишь глубже ушел в жижу, и пришлось снова замереть, чтобы побороть вспышку паники, сжавшую мозг. Паника была иррациональна — тело, ощутившее близость гибели, начало метаться. Павлыш переждал панику. И тут неожиданно ноги ощутили твердую почву.

— Великолепно, — сказал Павлыш, успокаивая бунтарей и трусов, гнездившихся в его теле. — Я же знал, что эта трясица не бездонна. Обычная яма. Мы стоим на дне и теперь пойдем обратно.

Сказать было легче, чем сделать. Песок не хотел отпустить добычу и тянул ее вниз, в глубину. Дно было скользким и ненадежным. Но Павлыш все-таки сделал шаг вверх по склону ямы и, сделав, почувствовал, что чертовски устал. Тяжелый груз сдавливал его. Почему-то представился водолаз, медленно идущий в глубине...

— Стойте, — сказал Павлыш. — Догадался.

Через минуту правая рука пробилась сквозь песок и нащупала кнопку подачи воздуха. Павлыш выжал ее до отказа и не отпускал, пока воздух, сдавивший горло, грозящий выжать из орбит глаза, останавливающий сердце, не наполнил скафандр настолько, что следующий шаг наверх дался значительно легче...

Павлыш отпустил кнопку подачи воздуха лишь тогда, когда вылез по пояс из зыбучего песка и, стерев свободной рукой грязь со шлема, увидел огонек...

Павлыш сидел на берегу, вытянув ноги и позволяя волнам накатываться на них. Он улыбался, то и дело поднимая руки, чтобы ощутить, как легко им и свободно.

Река текла в море так же спокойно, как и раньше, и невозможно было угадать место недавнего заточения. Песок разгладился и ждал новых жертв.

Но реку нужно было перейти, чтобы продолжить путь по ровному берегу, начинавшемуся метрах в ста от Павлыша.

Отдышавшись, Павлыш поднялся и пошел по песку к кустам. Раковинки трещали под башмаками, впереди слышался шорох, треск ветвей, писк. Павлыш остановился, вспомнив, что в пистолет мог набиться песок. Вытащил, проверил. Ствол был чист.

Павлыш держался подальше от безобидной на вид речки. Поднялся на невысокий холм и остановился перед плотной стеной кустов, попытался раздвинуть ветки, колючки цепко держались друг за друга.

Провозившись несколько минут у стены кустов, тщетно стараясь отыскать в них лазейку, Павлыш полоснул по ним лучом пистолета. Поднялся белый столб дыма, и кусты настороженно затихли. Павлыш включил шлемовой фонарь и увидел, как кустарник залечивает образовавшуюся рану. Через щель тянулись пальцы ветвей, когти колючек, осыпались на землю мертвые сучки, и на их месте вырастали свежие побеги.

Луч фонаря привлек тварей, и Павлыш впервые увидел, как вылетают они из кустарника сквозь возникающие в непроницаемой стене отверстия, которые тотчас исчезают.

Павлыш отступил, отмахиваясь от тварей, которые стучали прозрачными крыльями по шлему. Он вернулся к берегу. Прямой путь через реку не годился. Сквозь кусты не пробиться, чтобы добраться до такого места выше по течению, где нет зыбучих песков. Возвращаться нельзя. Оставался третий путь — по морскому дну. Павлыш ступил в воду.

Дно понижалось полого, волны стучали по ногам, отталкивали к берегу. Павлыш медленно переступал по твердому дну. Когда погрузился по грудь, движения стали плавными и неловкими, словно в полусне. Где-то шагах в пятидесяти от берега дно неожиданно ушло из-под ног, и Павлыш погрузился в воду с головой. Плыть не мог — скафандр был тяжел, хотя, к сожалению, не настолько, чтобы подошвы надежно припечатывались ко дну. При каждом шаге Павлыш терял равновесие, его тянуло кверху, но, как назло, не удавалось нащупать башмаками никакого камня, чтобы взять его в руку.

Фосфоресцирующая живность прыскала в стороны от человека. Было темно, и Павлыш включил фонарь, чтобы не сбиться с пути. Справа был песчаный откос, уходивший кверху — край дельты, слева дно опускалось ступеньками. Ощущалось течение реки — вода давила в бок, гнала в глубину и видно было, как по дну передвигались струйки песка, уносимые течением.

Спустившись глубже, Павлыш попал в джунгли водорослей, мягких и податливых. Никто не мешал идти по дну моря, но это не вселяло спокойствия, потому что Павлыш не мог отделаться

от ощущения, что за ним следят, пытаются угадать, насколько он силен и опасен...

Морда глядела на него из водорослей единственным узким глазом. Свет шлемового фонаря отразился в глазу, и глаз еще более сузился, силясь, видно, разобрать, что же скрывается за пятном света.

Павлыш замер и от резкой остановки потерял равновесие, течение подхватило его, приподняло и повалило вперед, к морде. Павлыш взмахнул руками, чтобы удержаться на месте, и задрал голову, чтобы не потерять противника из луча света. Человек был беспомощен, даже не мог достать пистолет, так как для этого сначала надо было вернуть руки к телу.

Глаз закрылся, на его месте появился разинутый рот, пасть, усеянная иглами. Павлыш отлично мог бы уместиться в пасти, и мгновенно он достроил в воображении морду, «приставив» к ней соответствующее тело и хвост с шипами на конце. Морда закрыла пасть, вновь открыла глаз, она, возможно, была удивлена странным поведением пришельца: чуть касаясь ногами дна, тот махал руками, качался, поворачивался и при этом приближался к морде.

Чудовище не выдержало этого зрелища, видно, решив, что Павлыш хочет его съесть. Морда вдруг развернулась и бросилась наутек. Тела у нее не было, не было и хвоста с шипами, лишь нечто вроде скошенного затылка, снабженного плавниками. Стебли водорослей завертелись в водовороте.

Паутина, почти невидимая среди схожих цветов водорослей, была слабо натянута и колебалась вместе с растениями, окружающими ее. Испуганное животное влетело в ловушку с размаху и теперь билось в мешке. А на поверхность его, шустро перебирая лапками, сбегались многоножки с тяжелыми светящимися жвалами и впились в морду, рвали ее, не обращая внимания на яркий луч фонаря, и вода мутнела от крови, движения жертвы становились все более вялыми, судорожными.

Павлышем овладела нерешительность, воображение заполнило подводные джунгли сотнями зеленых мешков, и казалось, что первый же шаг приведет в ловушку. И когда Павлыш все-таки двинулся, он пошел назад, по уже пройденному пути, потом, выбравшись из водорослей, спустился глубже, чтобы обойти джунгли по краю. У многоножек были сильные и острые жвалы, скефандр не приспособлен для защиты от таких хищников.

В глубине мешало идти течение. Оно было подобно сильному ветру. Павлыш разыскал все-таки длинный, похожий на обломочный палец камень, взял его в свободную руку, чтобы не всплывать при каждом шаге. Стена водорослей покачивалась совсем рядом,

и однажды в прогалине между растениями он увидел еще одну паутину, у основания которой дежурили многоножки. А может быть, показалось.

Шагая вдоль джунглей, Павлыш взглянул на часы. Уже прошло два часа с тех пор, как он покинул корабль. Заросли поредели, видно, им лучше жилось в том месте, где пресная вода реки смешивалась с морской. Значит, можно понемногу забирать к берегу. Скоро путешествие по морскому дну закончится. Павлышу очень хотелось поскорее возвратиться на воздух, где живут безарядные суетливые твари. Павлыш начал взбираться по пологим ступенькам вверх и, закинув голову, увидел, что над головой сквозь тонкий слой воды видны колеблющиеся звезды и полосы пены на вершущках волн.

И тут его сильно ударили по спине. Он инстинктивно качнулся вперед, ударился лбом о забрало и попытался обернуться. Злость брала, как медленно он оборачивался, чтобы встретить следующий удар лицом.

Сзади никого не было.

Павлыш постоял с минуту, вглядываясь в темноту, поводя фонарем, и снова почувствовал удар в спину. Слово некто быстрый и веселый заигрывал с ним.

— Ах, так,— сказал Павлыш.— Как хотите. Я пошел на берег. Он снова совершил оборот вокруг своей оси, но тут же резко обернулся и столкнулся носом к носу с тупорылым существом, подобным громадному червя. Существо, увидев, что обнаружено, мгновенно взвилось вверх, выскочило из воды и исчезло.

— Так и не познакомился,— сказал ему вслед Павлыш.

Он сделал еще шаг и почувствовал, что вода расступилась. Павлыш стоял по горло в воде. Берег был пуст и уходил вдаль, к огоньку (его Павлыш увидел сразу) ровной полосой. Река шумела сзади, бессильная остановить его. Павлыш уронил камень и поднял ногу, чтобы выйти из воды. И тут же его кто-то схватил за другую ногу, сильно рванул вглубь.

Вода взбурлила. Павлыш потерял ориентировку и понимал только, что его тащат вглубь, чего ему никак не хотелось. Он старался выдернуть ногу, включить фонарь, выстрелить в того, кто тащит, все это одновременно.

Наконец фонарь вспыхнул, но в замутненной воде Павлыш никак не мог разглядеть своего врага; и тогда он, достав все-таки пистолет, выстрелил в его сторону. Луч пистолета был ослепительно ярк, хватка ослабла, Павлыш сел на дно и понял, что его старался увлечь вглубь игривый червь. Теперь же он извивался, рассеченный лучом надвое, вода вокруг мутнела. Павлыш пожалел червя и по-

думал, что тому просто не хотелось расставаться с человеком, к которому он испытывал интерес.

Павлыш уже хотел было выходить на берег, как из глубины выскочила стая узких, похожих на веретено, рыб, привлеченных, видно, запахом крови. Веретена раздваивались, словно щипцы, впивались в червя. Их было много, очень много, и зрелище схватки половинок червя с хищниками было ужасным. Павлыш стоял и наблюдал за неравным боем. Когда же одно из веретен метнулось к нему, Павлыш понял, что задерживаться не следует, и послешил к берегу.

Веретено впилось в бок Павлыша и рвало ткань, как злая собака. Пришлось разрезать хищника лучом. Тут же, будто услышав крик о помощи, несколько веретен покинули червя и бросились вдогонку за Павлышем. Тот отступал к берегу, вода лучом по телам хищников, но, казалось, что на место погибших приплывают другие, да еще двое или трое, и принимаются пожирать разрезанного лучом собрата. Раза два хищники добирались до скафандра, но ткань не поддавалась, и они продолжали дергать и клевать скафандр, неподатливость которого прибавляла им силы.

Одному из хищников удалось все-таки прокусить крепкую ткань. И ногу. Павлыш зарычал от боли и почувствовал, что вода через отверстие льется в скафандр. Он видел, как все новые и новые веретена впиваются в ноги, с отчаянием рвали к берегу, полосуя по воде слабющим лучом, и вода кипела вокруг, фейерверком разлетались искры и клубы пара.

Павлыш выбрался на песок, вытащил вцепившихся мертвой хваткой хищников, вернее не хищников, а части их, ибо все они были разрезаны лучом. Павлыш обхватил щиколотку двумя руками, провел ими вверх по ноге, чтобы вода вылилась из скафандра.

Икра саднила, Павлыш чувствовал, что идет кровь, но остановить ее было нечем. Он совершил непростительную для врача ошибку — не взял с собой даже пластырь.

— Гнать надо таких,— сказал сам себе.— Ожидал провести приятный вечерок. Прогулку под луной.

Павлыш почувствовал, что страшно устал, что хочет лечь и никуда больше не ходить. И даже не возвращаться к кораблю, потому что возвращаться можно лишь по морскому дну.

Закопайся в песок и спи,— подсказывало усталое тело. Никто тебя не тронет. Отдохнешь часок-другой, потом пойдешь дальше.

Немного мутило и было трудно дышать. Павлыш понял, что сквозь дыру идет здешний воздух. Вот неудача. Павлыш отмотал

кусок шнура, висевшего аксельбантом через плечо, отсек лучом пистолета кусок с полметра и наложил пониже колена жгут. Это было не очень разумно—нога затечет и идти будет труднее, но на смеси своего и местного воздуха тоже долго не протянешь.

Отрезая шнур, Павлыш заметил, что пистолет дает совсем слабый луч. То ли часто стрелял, то ли энергия утекла раньше, еще на корабле. Павлыш спрятал пистолет. Оставался нож, но вряд ли его можно считать надежным оружием.

Затем Павлыш сделал еще одно неприятное открытие—во время битвы каким-то образом раскрылся ранец и запасы пищи достались рыбам. На дне ранца валялся лишь тубик с соком. Павлыш выпил половину, остальное спрятал понадежнее.

Разумнее было возвратиться на корабль. Может, удастся подзарядить пистолет и, главное, возобновить запасы воды, сменить скафандр. Дальше идти безрассудно. С каждым шагом вперед возвращение становится все более проблематичным, тем более, неизвестно, что ждет впереди. Может, там всего-навсего действующий вулкан?

Чтобы не герзаться сомнениями, Павлыш поднялся и быстро пошел к огоньку, не оглядываясь назад.

Хотелось пить. Когда знаешь, что питья осталось два глотка, особенно хочется пить. Чтобы отвлечься, Павлыш сконцентрировал внимание на боли в ноге, хотя, впрочем, шагов через двести усилий воли уже не требовалось—нога так ныла, что ни о чем другом думать уже не было возможности. Еще не хватало, чтобы укусы были ядовитыми, подумал Павлыш. И что стоило сразу побежать к берегу, как я только их увидел. А ведь стоял и смотрел, потерял целую минуту.

Упрямота хватило еще на полкилметра. Потом пришлось пригнесть и распустить шнур, усилить приток кислорода. Но все равно мутило. Пожалуй, я потерял много крови, думал Павлыш, и, словно оценив ситуацию со стороны, решил о себе: «Он не дойдет».

— Должен дойти,—сказал Павлыш.— Там Глеб ждет. И вся вторая вахта.

Он снова затянул шнур. Отдых не помог, лишь кислород зазря уходил в небо. Доковылял до кустов. Кусты здесь были выше, не такие колючие, больше похожи на деревья. Найдя прямой сук, Павлыш хотел срезать его ножом, но руки не слушались, пришлось прибегнуть к помощи луча.

Дальше Павлыш шел, опираясь на упругую палку и волоча больную ногу. Был он, наверное, похож на умирающего в пустыне путника или на полярного исследователя давних времен, из

последних сил стремящегося к полюсу. И если за полярным путешественником полагено было бежать верному псу, то и у Павлыша были спутники не столь приятные, как псы, но верные — несколько тварей прыгали по песку, взлетали, поднимались над головой и вновь опускались на песок. Они были неназойливы, даже вежливы. Но они ждали, чтобы упрямое двуногое существо поскорее упало.

Когда-нибудь здесь будут жить люди, думал Павлыш. Построят дома и дороги. Может быть, назовут какую-нибудь из улиц именем «Компаса». Длинными вечерами будут приходить на берег моря по тропинкам, проложенным в кустарнике, будут любоваться полосатым солнцем, зеленой водой, и прирученные твари будут присматривать за детьми или восседагь на хозяйских плечах.

Может быть, люди научатся собирать зеленую псутину с водорослей и изготавливать из нее изящные шали, переличатые, легкие. А пока он, Павлыш, ковыляет по песку и его преследуют совершенно неприрученные твари, которые не знают, что человек — царь природы, и полагают, что он всего-навсего потенциальная пища. Совершенно один...

Но кто зажжет огонек? Кто ждет путника за отворенными ставнями? Приветлив ли? Удивится? Встретит выстрелом, испугавшись незнакомца? Ведь если разумные существа появились здесь сравнительно недавно, то они могут оказаться недостаточно разумными, чтобы спешить на помощь каким-то космонавтам.

Сейчас главное — дойти. Независимо, враг там ждет или друг, вулкан это или светящийся куст. Если дать сомнениям одолеть себя, силы кончатся. Упадешь и доставишь незаслуженную радость членистым тварям.

А огонек между тем приблизился... Берег довольно круто загибался к мысу, в конце которого, невероятно далеко, но куда ближе, чем раньше, горел огонек. Кусты отступили от берега, разорванные невысокой скалистой грядой, хребтом мыса. Включив на минуту фонарь, Павлыш разглядел поблескивающие черные скалы, однообразно зубчатые, как старая крепостная стена. Фонарь пришлось выключить — твари бросались на него, каждое столкновение отзывалось в пышкой боли, подползшей уже к бедру, и приступом тошноты.

Стало еще темнее, облака превратились в сплошную пелену и принесли дождик, частый, мелкий, стекавший по забралу ветвистыми струйками. Павлышу вдруг захотелось, чтобы дождь охладил лицо. Он поднял забрало шлема и наклонил голову вперед. Капли, падавшие на лоб, были теплыми и ароматными. Дождь па-

хнул, он нес дурманящие запахи земли, запахи дремучих лесов, сочных степей, громадных, распластанных по земле хищных цветов, ущелий, наполненных лавой, педников, поросших голубыми лишайниками, гниющих пней, из которых ночами вылетают разноцветные искры...

Отчаянным усилием, теряя сознание, одурманенный видениями, которые принес теплый дождь, Павлыш опустил забрало. Пришлось сесть на песок и гнать видения, дышать глубоко и ровно и бороться с неодолимым желанием заснуть. И Павлыш старался разозлить себя. Он ругал себя, смеялся над собой, издевался, он кричал что-то обидное тварям, рассевшимся в кружок на песке...

Потом он снова шел. И ему казалось, что за ним следует слон. Большой белый слон с упругим хоботом и вислыми ушами. Слон топал по песку и подгонял Павлыша. Слон был видением. Твари тоже были видением. Огонек был видением. Ничего в самом деле не было—только песок и вода. И вода была зеленая и добрая. В ней мягко лежать. Она понесет обратно, к кораблю, положит у люка, и Глеб Бауэр, вышедший из анабиоза, подойдет, возьмет Павлыша на руки, отнесет в каюту и скажет: «Ты молодец, Слава, ты далеко ушел».

Потом было просветление. Сизое небо. Жесткий песок. Скалы, нависшие над узкой песчаной полоской, скрывающие огонек. И в этот момент, борясь с болью и благодаря ее за то, что вернула разум, Павлыш прислонился к скале, достал тюбик с соком, допил его. Стало еще мутрней, но голова просветлела. И Павлыш зашагал вперед, боясь снова потерять сознание, сойти с ума.

Но слон все шел и шел сзади. И шаги его были тяжелы. Казалось, песок вздрагивает и прогибается под ним.

Беспокоило отсутствие огонька. Вдруг пройдешь мимо, но не было сил свернуть, взобраться на скалу. Павлыш никак не мог сообразить, сколько времени прошло с тех пор, как он свернул на мыс.

А слон совсем близко. Дышит в спину. Павлышу всего-то нужно повернуть голову, и видение исчезнет. Но никак не мог заставить себя это сделать. Он устал не только физически. Устало все: и разум, и чувства—мозг отказывался впитывать новые образы, реагировать на них, пугаться их или игнорировать. Было в общем все равно, идет ли сзади слон или он—плод воображения.

И все-таки Павлыш оглянулся. Он надеялся, что никого там нет, кроме тварей.

Но слон был. Нет, не слон, никакой не слон. Аморфная гро-

мада непонятным образом покачивалась сзади, соизмеряя движение со скоростью человека, даже припадая на одну сторону, будто притягивая ногу. У нее не было ни глаз, ни хобота. Только в самых неожиданных местах вдруг вспучивалась светлая оболочка, образуя короткие щупальца.

Павлыш включил фонарь. И тут же пришла злость, которую так безуспешно старался вызвать в себе Павлыш. Ведь несколько десятков метров, несколько шагов осталось до цели, до огонька! Так нельзя... Это нечестно, нечестно со стороны планеты.

Громада не отступала. Лишь в том месте, куда уперся луч фонаря, образовалась воронка, словно свет ощутимо давил на оболочку. Павлыш провел лучом по телу громады, и та с неожиданной легкостью ушла из-под луча, разделившись на две формы, став похожей на песочные часы.

Павлыш выхватил пистолет, нажал гашетку, но луч протянулся тонкой полоской, нежаркой и нестрашной, и оборвался, не достигнув громады. Павлыш выкинул пистолет. Он был тяжел, он оттягивал руку, он был совершенно бесполезен.

Павлыш и громада стояли друг перед другом. Павлыш выключил фонарь. Громада расширилась в середине и снова стала бесформенным кулем ростом с двухэтажный дом. Одна из тверей наосторожно подлетела близко к ней, вытянувшись из оболочки щупальца схватили ее и упрятали в тело. И нет твари.

— К черту!—сказал Павлыш, и громада канулась, услышав голос.—Я все равно дойду.

И он повернулся к громаде спиной, потому что ничего иного не оставалось. И пошел. Дождь слишком громко стучал по шлему, и звенело в ушах. Но надо было идти.

Громада настигала его. Он чувствовал это и не оборачивался. Скалы расступились. Мыс кончился. Одна скала, выше других, с плоской вершиной, стояла на самой оконечности мыса. И на ней горел огонек, ослепительно яркий фонарь, укрепленный на столбе. Вокруг света вертелись твари, и почва вокруг столба была усеяна их трупами. До вершины столба, до площадки, на которой крепился фонарь, было метров пять. Черный кубик, метра в два высотой, уместился на этой площадке рядом с фонарем. Там, верно, находилась силовая установка, питающая источник света. И все.

Не было ни домика с открытыми окнами, ни пещеры, в которой горел огонь, ни даже действующего вулкана. Был автоматический маяк, установленный кем-то, кто живет далеко и вряд ли навещается сюда.

И путешествие потеряло смысл. Павлыш вполз на скалу, с

одной стороны она была пологой. Этот последний отрезок пути отнял все силы. Их неоткуда было брать—человек может одолеть любые трудности, если впереди есть цель, а если ее нет...

Громада тоже ползла на скалу, чуть быстрее, чем Павлыш. И когда он дотронулся, наконец до гладкого столба, блестящего под дождем, громада выпустила щупалец и дотронулась до ноги Павлыша. До больной, онемевшей ноги. Жуткая боль заставила вскрикнуть, потому что ядовитый щупалец коснулся раны.

Павлыш отдернул ногу, прижался к столбу, и рука «цепилась» в перекладину. Короткие перекладины торчали по обе стороны столба—по этой лестнице забирался, наверно, смотритель маяка. Человеком двигал лишь инстинкт самосохранения. Сознание отключилось, лишь билась мысль: хорошо бы приехал смотритель... Потом была темнота, и снова резкая боль—другой щупалец елозил по ноге. Сознание вернулось лишь на площадке маяка. Как сумел одолеть эти пять метров, обессиленный Павлыш так и не понял. Он смотрел вниз. Светлая громада обволокла столб и медленно ползла по нему вверх. Павлыш выхватил нож, полоснул им по первому из взобравшихся на площадку щупальцев, тот исчез, но на его месте появился новый. Павлыш помогал себе лучом фонаря, заставлявшим щупальца замирать, но их было много, и уже со всех сторон они лезли на маленькую площадку, поднимаясь над краем, как лепестки хризантемы.

Павлыш отступил к черному кубу энергоблока, увидел люк, который был заперт, и стал наощупь отыскивать кнопку или ручку. Он не смел повернуться к кубу лицом, потому что надо было полосовать ножом по упрямым «лепесткам», мотать головой, задерживать их лучом. А лепестки, загибаясь, сползали к центру, к ногам Павлыша. Люк открылся внезапно, и Павлыш, падая внутрь, потерял сознание.

Павлыш открыл глаза. Ровно горел свет. Он лежал в неудобной позе, упиравшись головой в угол куба.

Опершись на полость, приподнялся. За открытым люком поблескивали капли дождя, освещенные лучами маяка, и капли чуть вздрагивали на лету, как и все, на что смотришь сквозь силовую защиту.

Павлыш сел. Огляделся. Голова болела так, что хотелось откинуть ее и пожить хоть немного без головы. Ноги не было. Вернее, Павлыш ее не чувствовал. Черный снаружи куб внутри был светлым, белым и оттого казался просторным. Во всю боковую стену тянулся пульт. И над ним висела небольшая картина, обычная стереокартина, какие посылают люди друг другу на Новый год: березовая роща, солнечные блики на листьях, мягкая

трава и облака на очень голубом небе. Космонавты вдалеке от Земли становятся сентиментальными. И если где-то в пути, на Сатурна ли, на Марсе, их догонит почта, они хранят эти открытки и вешают их на стены кают.

Все остальное было понятно и просто: пульт дальней связи, запасной скафандр на случай, если потерпевший бедствие космонавт доберется до автоматического маяка, оставленного разведчиками на безлюдной планете, шкафчик с водой, лекарствами, едой, оружие, переносной энергоблок...

Когда-то на Земле существовал обычай: таежные охотники, уходя из затерянной в глуши леса избушки, оставляли в ней запас соли, спички, патроны, которые могли пригодиться заблудившемуся путнику. И космические радиомаяки по традиции тоже звали «избушками».

Шуршали приборы, непрерывно давая информацию о температуре воздуха, влажности, сейсмике планеты. «Избушка» ждала человека. Она заслонила его силовым полем от преследователя и даже открыла ему дверцу люка, потому что могла отличить человека от любого другого существа.

Сначала Павлыш открыл аптечку, разыскал антисептик и тонизирующие таблетки. Стащил с себя скафандр, покачал головой, увидев, во что превратилась его нога. Пожалел, что в избушке нет фотокамеры, чтобы запечатлеть сизое бревно, еще недавно бывшее ногой судового врача Павлыша. Потратил несколько минут, стараясь привести себя в порядок.

Затем проковылял к пульту связи, переключил радио на ручное управление и отбил SOS по космическим каналам. Вне очереди. И знал, слышал, как замирает связь в Галактике, как прерывают работу станции планет и кораблей, как прислушиваются радисты к слабым, далеким призывам, как в Космическом центре загораются сигналы тревоги, и антенны вертятся, настраиваясь на избушку номер такой-то, и уже неизвестный Павлышу корабль, находящийся в секторе 12, получает приказ срочно изменить курс...

Скоро пришло подтверждение связи, Павлышу сообщили даже название корабля, идущего на помощь,—«Сегежа». И будет она здесь через неделю или чуть раньше.

Потом Павлыш спал. Он спал часов шесть и проснулся от ощущения неловкости, необходимости что-то предпринять, сделать, куда-то спешить. И понял, что отдыхать в этом уютном кубике больше нельзя. Просто неприлично. Особенно, когда нога почти прошла (хоть и побаливает), а в карманах нового скафандра спрятаны сразу два пистолета.

И космонавт сообщил в центр, что возвращается на корабль. Там ответили «Добро», потому что не знали, что до корабля десять километров пешком. Да и что десять километров для диспетчера Центра, где расстояние мерялись только парсеками?

Павлыш спустился по лесенке. Было совсем темно. Сумерки кончились. Твари бились, как мотыльки, о стекла маяка.

Павлыш с омерзением представил, как придется ему лезть в воду, когда будет обходить предательскую речку, и поморщился. Подумал, что «слон» может прийти не один. Но в конце концов все это пустяки. Корабль «Сегежа» в любом случае через неделю или даже раньше приземлится на берегу.

Прихрамывая, он пошел по плотному песку у самой зеленой воды. Волны приносили на гребнях светлую фосфоресцирующую пену и старались лизнуть башмаки человека. Шел мелкий дождь, несущий видения о лесах, степях и хищных цветах.

БЕГЛЕЦЫ

Жало выбрался, наконец, на ровную площадку, прислонил к скале копье и присел на корточки. Он устал. Если воины Старшего заметили, что его нет в деревне, они уже бегут вдогонку.

С площадки не видно пещер и цветочной долины. Осыпь у ледника пуста, и лишь две большие мухи дерутся над камнями, не могут поделить какого-то зверька. Их крылья отражают синь ледникового обрыва. Если погоня близка, то воины должны пройти по осыпи. Другого пути нет. Они будут осторожны, потому что знают, как ловко Жало владеет своей пращей.

Солнце уже согнало ночной иней со скал. Длинные сизые облака уползли к Синим горам. Колючие заросли раскрыли навстречу солнцу узкие листья. Там, в тени, прячется Белая смерть, которая стережет долину. Через заросли не пробраться. И никто не знает, где на скале нарисована желтая стрела. О ней рассказал перед смертью Немой Ураган.

Немой Ураган знал, что утром за ним придут воины Старшего, чтобы отдать во власть богов. Он нарушил закон, попытавшись уйти из долины к морю, где пасутся стада долгоногов и бродят дикие люди. Море — бесконечная зеленая вода. Ураган разводил руками, чтобы показать, как много воды. Ураган до самой смерти так и не научился хорошо говорить, помогал себе руками. Только Жало и Речка понимали его. Он всегда хотел уйти из долины, и Старший однажды пытался убить его, но боги не согласились, не дали знака. Когда же Урагана, изуродованного Белой смертью, на-

шли на Цветочной поляне, Старший ушел в храм. Это было ночью, и Ураган успел рассказать Жало о желтой стреле и скалах. А утром Старший вернулся из храма, где молился всю ночь, и сказал, что боги берут Урагана к себе. Ураган не мог идти. Воины принесли его на алтарь у храма, сорвали тряпки с ран, отрубили ему кисти рук, потом ноги. Потом голову. Ураган перестал жить.

Белая смерть стерегла выход из долины. Те охотники, кто не успел прийти в деревню до темноты, редко возвращались обратно. Ночью Белая смерть подходила к самой деревне и топталась у возделанных полей. Старший говорил, что она стережет поля от ночных мух и долгоногов. Ночью нельзя было выходить из пещер и хижин.

Жало дождался рассвета и ушел, когда небо стало серым и Белая смерть спряталась в заросли за Цветочной поляной. Если подняться по скалам, следуя за желтой стрелой, то можно выйти из долины. Там страна Диких. И море.

Погони не было. Жало подобрал копье и начал спускаться по склону, поросшему редкими деревьями. Иглы деревьев были опутаны розовой паутиной. Паутину таскали за собой многоножки, накрывали ею цветы и, не опасаясь мух, высасывали сок. Со склона заросли кустов, в которых таилась Белая смерть, казались ровными, как болото. Когда налетал ветер, по кустам проходили серебряные волны—листья переворачивались обратной стороной. Внутри была тайна. Лишь большие мухи и звери, живущие в Темноте, знали путь сквозь колючки. Раньше, рассказывали охотники, жители деревни поджигали кустарник, и сонные, перепуганные таари выскакивали на солнце. Тогда было много мяса. С тех пор, как в кустах поселилась Белая смерть, охотники обходили их стороной.

Жало был еще молод, и охотники не брали его с собой. Он рыхлил суком землю, в которую женщины кидали семена. Так велели боги. Через одну зиму Жало станет настоящим мужчиной. Тогда боги, может быть, разрешат ему стать охотником, а Старший выберет ему жену. Жало лучше всех в деревне умел метать камни из пращи и попадать копьем с двадцати шагов в шкуру долгонога. Но шкура была старая. Долгоноги редко приходили в долину. Старший сказал, что если боги решат, что Жало будет охотником, он даст ему хорошую жену. Может быть, даже свою дочь. Это была большая честь, но Жало не хотел жениться на Бурой Заре. Он хотел увидеть море, о котором рассказывал Ураган, большое, как небо, зеленое и глубокое.

Мухи, заметив Жало, перелетели с осыпи и завертелись над головой. Жало кинул в них камнем, чтобы отпугнуть. Воины Старшего знают, что мухи выются над людьми.

Скоро будет поворот к Мокрой скале. Жало остановился и прислушался. Сзади покотился камень. Кто-то шел по его следам. Жало бросился в тень дерева, и многоножки, сматывая паутинные мешочки, спрятались в глубь ветвей. Жало положил в пращу круглый камень и поднял руку. Из-за скалы вышла девушка и остановилась в нерешительности. Солнце светило ей в спину, но Жало сразу догадался, что это Речка. Он опустил руку.

— Жало,— позвала Речка.— Ты здесь?

Жало еще глубже отошел в тень и принялся: не идут ли за девушкой войны. Но запах был только один. Тогда он, подождав, пока Речка поравняется с деревом, прыгнул на нее сзади и схватил за волосы. Речка извивалась в его руках, кусалась и царапалась. Жало удерживал ее за плечи, смеялся и повторял:

— Разве так ходят по долине, глупая? Тебя сожрет зверь.

— Я знала, что ты здесь,— сказала Речка, высвободившись из его рук.— Я шла по следам. Здесь нет никого, кроме нас с тобой.

— Я оставил след?

— До ручья. Потом ты шел по ручью и вышел у крутого камня. Но я знала, куда ты идешь. Ты идешь к перевалу. Я нашла твой след в Цветочной долине. Не бойся. Солнце поднялось высоко, и наши следы унесет ветер.

— Ты зачем пришла? — спросил Жало, прислонясь спиной к стволу дерева. Многоножки проторили дорогу по его голой груди и тащили в норы мешочки с нектаром.

Речка протянула руку, набрала горсть многоножек и открывала мешочки со сладким нектаром. Она ела сама и угостила Жало.

— Я спросила у матери,— сказала Речка.— Ты еще спал. Ночью. Я спросила, будешь ли ты работать в поле. Она сказала, что ты с утра пойдешь к ручью за рыбой. Ты обманул мать, но я догадалась. Возьми меня с собой.

— Нельзя,— ответил Жало.— Там Белая смерть.

— Я все равно уйду из деревни. Старший сказал, что через одну ночь отдаст меня в жены Скале. У Скапы уже три жены. Он страшный.

— Скала — великий охотник,— ответил Жало.

— Я не хочу быть женой Скалы. Возьми меня с собой.

— Я иду по дороге Немого Урагана. Никто еще не прошел этой дорогой.

— Немой Ураган был моим отцом.

— Ты женщина. Ты слабая. Ты не умеешь метать копье.

— Я буду твоей женой.

Жало ничего не ответил. Он хотел, чтобы Речка стала его женой, но Старший сказал — нельзя. Немой Ураган овдовел и взял в жены

мать Жало, когда ее муж не вернулся ночью с охоты. Хоть у Жала и Речки были разные отцы и матери, их считали братом и сестрой. Старший сказал, что отдаст Речку Скале. Жало был зол на Старшего, но промолчал. Потому что охотнику нельзя идти против воли богов.

— Ты не боишься богов? — спросил Жало.

— Но мы уйдем из долины. За перевалом другие боги. Так говорил отец.

— Если Белая смерть возьмет меня, Старший прикажет тебя убить.

— Я не боюсь. Я — дочь Немого Урагана.— Речка села на землю и вытянула ноги.

— Я целый час бежала по твоим следам,— сказала она.— И нашла тебя. Я могу стать охотником.

Жало рассмеялся.

— Женщины кидают в землю зерна и варят мясо. Охотники — мужчины.

— Ты сам копаешь землю,— сказала Речка.

Она погладила его ногу. Волосы девушки, сбритые в храме в день совершеннолетия, уже отросли и топорщились над ушами.

— Я хотел бы взять тебя в жены,— сказал Жало.— Но нельзя нарушать волю богов.

— Ты нарушил ее, когда ушел к перевалу.

— Погоди,— сказал Жало, подтянулся на суке дерева, вспрыгнул на него, чтобы сверху посмотреть на тропу.— Ты так громко говоришь, что войны услышат.

— Они еще спят. Дверь в их дом закрыта.

— Старший все слышит. Он никогда не спит. Помнишь, как мы с тобой украли целую ногу подземного зверя и спрятались в маленькой пещере? Никто нас не видел.

— Толстый Жук нас видел. Он рассказал Старшему.

— Нет, Толстый Жук не знал, где наша пещера. А он пришел туда.

— А потом,— засмеялась Речка,— он вел нас по деревне, останавливался у каждого дома, вызывал всех на улицу и говорил: «Эти дети украли мясо».

— «Они украли мясо, которого мало».

— Правильно. «Они украли мясо, которого так мало». И бил нас палкой. Но ты не плакал.

— Я не плакал. А он сказал, что мы теперь не увидим мяса до самого лета. Так велют боги. И будем работать в поле с утра до ночи. А мне хотелось мяса.

— Но отец давал нам мясо. Разве ты забыл? Он давал нам

от своей доли. Он говорил, что не хочет, чтобы мы умерли с голоду.

— Он не говорил, а показывал руками, что мы умрем.

— Отец был хороший.

Речка поднялась на ноги, подобрала с земли копьё Жала и спросила:

— Мы пойдем к перевалу? Или ты забыл?

Жало прыгнул с сука. Он обиделся. Речка не должна была напоминать мужчине, что ему следует делать. Но она была права. Что толку сидеть на суку и болтать ногами. Дождешься, что воины нападут на след.

Утро кончилось. Теми стали короче, и ветер стих. От темной массы кустов поднимался легкий пар — растения отдавали воду, накопленную за длинную ночь. Запахи земли, животных, растений стали гуще; многочисленные следы, оставленные зверями и людьми, пропадали в испарениях долины. Лучшие часы охоты — от рассвета до жары — прошли. Жало потянул Речку за волосы.

— Будь покорна, жена, — сказал он слова, которые мог произносить лишь Старший.

— Пусти, мне больно.

Они шли вдоль кустарника, но ни разу не аступили в его тень. Жало вспугнул красную змею, метнул в нее камнем из пращи, змея взвизгнула, завертелась в траве и рассыпалась на десяток змеенышей. Между кустарником и скалами оставался узкий проход, пропадающий шагов через сто. Но Жало смело шел вперед. Так велел Ураган. Речка ступала ему в след и дышала в затылок. Иногда она протягивала вперед руку и касалась пальцами спины юноши. Жало дергал плечом, сбрасывал ее руку. Ему тоже было страшно. Если из кустов вдруг кто-нибудь выскочит, бежать некуда. Три шага — и скала.

Потом осталось два шага. Потом настал момент, когда можно было развести руками, и правая упрется в иглы кустарника, а левая коснется холодной мокрой скалы. По скале стекали тонкие струйки воды, и брызги попадали на кожу. Здесь было холоднее, чем у деревьев. Жало замер. Впереди, в нескольких шагах, кустарник прижимался к скале.

— Здесь, — сказал Жало тихо.

— Дороги нет, — сказала Речка. — Ты не ошибся?

— Ураган сказал: «Где кусты и скала станут вместе, беги вперед».

— Никто еще не ходил здесь.

— Твой отец ходил. Он был великий охотник.

Жало ткнул копьём в кусты. Ветка шевельнулась, словно живая, и подобрала иглы. Жало отвел копьём ветку и шагнул вперед. Речка держалась за его набедренную повязку. Жало копьём отодви-

гал ветви и протискивался между ними и скалой. Ветви смыкались сзади, стало темнее, и кто-то зашевелился совсем рядом.

Речка испуганно вскрикнула, Жало кинулся вперед, кусты хватали его крючками иголок, побеспокойные обитатели темноты ворчали, пищали и шипели вслед.

Жало бежал, зажмурив глаза, и не он, а Речка первой поняла, что они ушли из долины. Кусты расступились, и беглецы оказались в широкой расщелине, дно которой устилало мелкие камни, а скалы по сторонам, темные, покрытые лишайником, сходились над головой.

Жало перевел дух. Речка сорвала пук травы и вытирала кровь с лица и груди. Жало поторопил ее.

— Если мы разбудили Белую смерть, она нас здесь легко догонит. Мы пойдем до желтой стрелы.

— Мне больно,— сказала Речка.

— Тогда оставайся. Или иди в деревню.

— Не могу. Меня отдадут богам.

Жало не стал тратить времени на разговоры с девушкой. Он быстро пошел вперед, не сводя глаз с левой скалы. На ней должна быть желтая стрела.

Речка плелась за спиной, всхлипывала и ругала спутника. Сзади раздался свист.

— Белая смерти! — крикнул Жало.— Мы разбудили ее. Не обращивайся!

Речка все-таки оглянулась. Кусты шевелились, колыхались, будто старались выплюнуть что-то большое. Среди ветвей мелькали светлые пятна, и никак нельзя было разобрать ни формы, ни размеров Белой смерти.

Жало бежал вперед, расщелина все не кончалась. Перед глазами маячил все тот же кусок неба и полосы облаков на нем. Вдруг скалы раздвинулись в стороны, и беглецы оказались на краю обрыва. Обрыв уходил отвесно вниз к зеленому полю, посреди которого извивалась река. Она терялась в тумане, за которым было море.

Заунывный свист и пощелкивание приближались. Белая смерть настигала их, и на этот раз обернулся Жало. У Белой смерти не было глаз, рта и ног. Она переваливалась, как тесто, выпуская короткие отростки, тянула их к беглецам.

— Стрела! — крикнула Речка.

Небольшая желтая стрела косо указывала вверх, на карниз, узкий и почти незаметный со дна расщелины.

Жало сгреб Речку в охапку и поднял ее к карнизу. Девушка вцепилась в камень, подтянулась и исчезла за скалой. И тут же

протянула руку, чтобы помочь юноше взобраться. Жало оперся о копьё, босые ноги впились пальцами в шершавый камень. Речка, не выпуская руки, отступила дальше вдоль стены.

Один из белых отростков потянулся к карнизу. Жало ткнул в него копьём, и отросток сразу исчез.

Беглецы стояли, прижавшись спинами к скале, и молчали. Боги ждали над ними. Карниз постепенно расширился и спускался вниз, к реке. Ветер, прилетевший с моря, упруго бил в лицо, будто боялся, что, ослабевшие после страшной встречи, они сорвутся и упадут вниз.

Они прошли немного по карнизу, а когда он расширился, присели.

Туман рассеивался, и казалось, что небо, такое большое с высоты, загибается книзу, темнеет и по нему идут белые полосы. В небо вливалась река, разбившись на множество узких протоков.

— Море,— сказал Жало.— Ураган говорил, что море — сестра неба. Теперь нас никто не догонит.

Карниз вел вниз, к речной долине, к розовым сладким деревьям. Стадо долгоногов паслось около одного из них. Жало никогда не видел столько долгоногов сразу.

— Мясо,— сказал он.— Много мяса.

Пощелкивание Белой смерти послышалось совсем рядом. Чудовище, распластавшись по стене, забралось на карниз и медленно ползло вперед. Жало пошел было навстречу, но Речка вцепилась ему в руку.

— Не смей! — кричала она.— Мы убежим. Белую смерть нельзя убить.

Жало отступил.

— Бежим!

Они бежали вниз, хватаясь за выступающие камни, перепрыгивая через трещины. Откуда-то взялись большие мухи, привлеченные запахом людей. Мухи вились над головами и мешали бежать. Белая смерть отстала. Она струилась по карнизу, меняя форму. Двигалась медленно, но упорно, потому что знала, что людям не уйти от нее.

Карниз превратился в осыпь. Между выступами скал росли кустики и желтые светящиеся цветы. Долгоноги заметили людей и бросились наутек, высоко подбрасывая толстые зады. С осыпи видна была скала, с которой они спустились. Она тянулась в обе стороны от моря до синих гор, и расщелина, по которой вышли Жало с Речкой, казалась отсюда черной трещинкой, словно кто-то всадил в скалу острый топор. На середине скалы виднелось белое пятно.

— Мы дойдем до реки,— сказал Жало,— и войдем в воду. Белая смерть не умеет плавать.

— Откуда знаешь?

— Так говорил Немой Ураган. Когда он был в другом племени, охотники спасались от ночных зверей тем, что входили в воду. Потом мы найдем то место, где можно перейти реку пешком. Ураган говорил, что есть такое место. И придем в племя Урагана.

— Я не умею плавать,— сказала Речка.

— Я тоже. Никто в нашем племени не умеет плавать. Но мы ушли, и никто не смог нас поймать. Даже Белая смерть. Я — настоящий охотник. Я возьму тебя в жены, а потом с новым племенем вернусь в деревню и убью Старшего.

— Ты настоящий охотник, Жало,— согласилась Речка.— Но пойдём скорее к воде. Смотри, Белая смерть близко.

Белая смерть, добравшись до широкой части карниза, поползла быстрее. По осыпи она покатилась, словно шар, выставляя вперед, чтобы удержаться, короткие толстые отростки.

Но беглецы не успели сделать нескольких шагов к реке, как пришлось остановиться. Вдоль воды шли люди.

— Это охотники,— сказал Жало.— Поспешим к ним. Это охотники из племени Урагана, они нас не тронут.

— Стой,— ответила Речка,— ложись в траву, пока они нас не заметили. Ты видишь, какие у них копья?

Жало нырнул в траву и осторженно выглянул из-за камня. У людей, шедших вдоль реки, копья были раздвоены на концах, чтобы рвать мясо и чтобы рана была глубокой и смертельной. Таким копьем трудно убить зверя. Даже долгоног может спастись от такого удара. Таким копьем охотятся только на человека. Это были воины Старшего.

Жало в отчаянии стал кататься по земле, кусал свои руки, бил кулаками по камням. От ярости и страха он ничего не видел.

— Это духи! — кричал он.— Это духи воинов! Они не могли выйти из долины.

— Тише,— умоляла его Речка.— Тише, они услышат.

Но Жало уже вскочил во весь рост и кинулся навстречу воинам, потому что им овладело бешенство, в которое впадает всякий мужчина племени, если чувствует, что близка его смерть.

Речка попыталась остановить его. Она бежала, спотыкаясь, за Жалом, кричала, плакала. А сзади, все ближе, все слышнее, раздавалось пощелкивание Белой смерти.

Воины увидели юношу, рассыпались полукругом и ждали, пока тот приблизится, чтобы бить наверняка. Речка увидела в их руках сеть, связанную из стеблей голубого тростника, и поняла, что они хотят взять Жало живьем, чтобы принести его в жертву богам, как и ее отца.

Девушка не заметила, как на нее упала тень, лишь ожог отрока Белой смерти заставил ее с криком прыгнуть вперед. Крик ее донесся до бегущего юноши и остановил его. До охотников оставалось несколько десятков шагов.

Жало увидел, что Речка бежит к нему, а белая громада преследует ее по пятам и отроки едва не касаются ее спины.

И что-то странное случилось с Жалом. Безумие покинуло его. Голова стала ясной, и ноги налились силой. Он кинулся наперерез Речке, вдоль цепи воинов, так, чтобы пробежать перед ней. Это ему удалось. Жало схватил девушку за руку и потащил за собой. Воины замешкались от неожиданности, а Белая смерть не успела изменить направление и проскочила вперед.

Воины поняли, что добыча может ускользнуть, и последовали за Жалом, держась ближе к берегу, чтобы не натолкнуться на Белую смерть. А чудовище вобрало в себя отроки и покатилося вслед за беглецами. В конце концов кто-то из преследователей обязательно достиг бы юношу и девушку.

Белая смерть оказалась проворней. Она догнала их у небольшого крутого пригорка, куда Жало втащил изнемогающую слутницу. И тут же белый шар расплылся по траве, стал жидким и со всех сторон окружил собой пригорок. Белая жижа стала стягиваться кверху, и воины остановились в отдалении, глядя, как уменьшается зеленая площадка под ногами юноши и девушки, как отчаянно Жало тычет копьем в белые отроки.

Вдруг из-за большого дерева вышел еще один свидетель этой сцены. Он не принадлежал ни к одному из племен. Он был выше ростом и тоньше. У него была блестящая большая голова, перепончатый хобот, горб за спиной и странные одежды. Он поднял руку с блестящей короткой палкой, из палки вылетела ослепительная струя, она достигла белого кольца, и кольцо стало чернеть, съеживаться, пряча щупальца. И этот человек или бог продолжал жечь Белую смерть, пока остатки ее, обгоревшие, мертвые, сползли с пригорка и рассыпались леплом по траве.

Тогда Жало отпустил Речку, она упала на траву, а юноше встал на колени и закрыл ладонями глаза.

ГОСТЬ

Тишина преследовала Павлыша до самого корабля. Казалось, с торжеством ночи все твари затаялись в норах или залегли в беспробудный сон. А может, до них донесся слух, что одинокий человек на берегу чувствует себя сильным, непобедимым и неуяз-

внимым. Причиной тому был не только новый скафандр, в котором можно не беспокоиться о хватке кислорода или когтях морских жителей, но и сознание победы. Недавнее путешествие к огоньку стало чем-то вроде воспоминания о миновавшей зубной боли, которую можно представить, но нельзя воспроизвести.

Но не оставляло беспокойство о корабле. Оно росло с каждым шагом, с каждой секундой. Воображение рисовало неизвестное чудовище, которое спокойно разбирает доморощенную баррикаду, оставленную Павлышем у люка «Компаса».

Тишина казалась злоеющей. Невысокие ленивые волны приподнимали головы над черной маслянистой поверхностью моря и искристой пленкой растекались по песку. О длинном дне напоминала лишь узкая зеленая полоса над горизонтом, но свет, позволяющий разглядеть полосу пляжа и стену кустов на дюнах, исходил не от догорающего заката и не от светящегося моря — из-за дюн подчлалась медная луна и залила ночь отблеском далекого пожара.

Огонек остался далеко сзади. Он подмигивал равномерно и надежно. Он внушал уверенность в будущем. В отдаленном будущем, которое никак уже не зависело от Павлыша. От него зависела теперь безопасность корабля в ближайшие дни. Звезды отражались в лужицах, оставшихся после прилива, и светлая полоса паны отделяла песок от моря. Идти было легко. Слежавшийся песок пружинил под ногами.

Наконец впереди черным провалом в звездном небе обозначился «Компас». Павлыш включил на полную мощность шлемовый фонарь, и пятно света уперлось в металлический корпус. Павлыш обошел груды деревяшек и обгорелых тварей — остатки неудачного костра. Казалось, что все это случилось очень давно, много лет назад: и первые вспышки маяка, и отчаянные попытки привлечь внимание жителей далекой избушки.

Хитрые запоры люка были не тронуты.

Из шлюзовой камеры Павлыш включил аварийное освещение и воздушные насосы. Спасательный корабль придет через шесть дней, и можно позволить себе роскошь жить со светом и без скафандра.

Павлыш задрал дверь в шлюзовую камеру и прислушался к свисту воздуха, который весело врывался в отсек, будто соскучился в темноте резервуаров. Можно было снять нагубник. Привычные запахи, которые останутся в корабле еще долго после того, как последний человек покинет его, окружили доктора, словно радуясь возвращению хозяина.

Душ не работал. Павлыш сбросил скафандр и вышел в коридор. Плафоны в коридоре горели вполнекала. Еще месяц назад

врачу показалось бы здесь темно и неудобно, но после долгого путешествия в темноте коридор показался Павлышу сверкающим веселыми и яркими огнями, словно зал театра, заполненный праздничной публикой. Все было в порядке. Сейчас откроется дверь и выйдет капитан, и спросит: «Почему вас так долго не было, доктор?»

Но капитан не вышел. Капитан был мертв. Павлыш дошел до конца коридора и перед тем как заглянуть в анабиозные камеры, обернулся, пытаясь вновь вызвать в себе приятный обман, ощущение, что ты не один.

Какой-то человек выглянул из-за угла и, заметив Павлыша, спрятался. Судовой врач воспринял этого человека как продолжение игры в живой корабль. Но тут же сработали внутренние системы предупреждения: Павлыш, ты один на корабле. Здесь не может больше никого быть. Это галлюцинация.

— Это галлюцинация,— сказал вслух Павлыш, чтобы развеять видение, стереть память о нем. Надо держать себя в руках. Что-то странное было в облике человека, нырнувшего за угол. Он не принадлежал к экипажу корабля, ни к живым, ни к мертвым, не походил ни на кого из земных знакомых Павлыша. Это был чужой человек. Высок он или низок, мужчина он или женщина, этого разглядеть Павлыш не успел. Но был уверен, что никогда раньше не видел этого человека.

Галлюцинация галлюцинацией, но надо проверить. Павлыш пожалел, что оставил пистолет в скафандре. Он возвращался по коридору медленно, готовый прижаться к стене или нырнуть в одну из кают. Ему вдруг стало страшно, может, потому, что самое тяжелое было уже позади, и новая опасность, возникшая столь неожиданно, застигла его врасплох. Крадучись по коридору, Павлыш поймал себя на том, что уговаривает пришельца оказаться игрой воображения.

За углом никого не было. Люк в шлюзовую камеру был задраен, и плафон под потолком чуть мерцал, будто издевался над Павлышем. Если он скрывается где-то здесь, то Павлыш должен услышать его дыхание. Тишина мертвого корабля была почти невыносимой, тяжелой и гулкой.

Простояв с минуту неподвижно, Павлыш уверился в том, что он на корабле один. Подвели нервы. И все-таки надо убедиться в этом до конца. Павлыш взял из шкафчика нагубник, накиннул на спину баллон и вошел в шлюзовую камеру. Здесь тоже было пусто. Откинул крышку люка. Его встретили темнота и шуршание моря. И уж совсем на всякий случай Павлыш взял ручной фонарь и провел его лучом по песку — там было пусто, по морю — море было пустынным. По кустам. Там луч света поймал фигуру человека,

бегущего по рыхлому песку. Фигура задержалась на мгновение, метнулась в сторону, чтобы уйти из светлого круга, и исчезла в колочках. Кусты не помешали гостю скрыться в их чаще.

Значит, это была не галлюцинация. Гость существовал, обитал на этой планете.

Павлыш подержал еще немного свет на той части кустов, где скрылся человек, потом потушил фонарь и вернулся в корабль. Его вновь охватило беспокойство. Ночной житель планеты мог добраться до анабиозных камер.

Павлыш бросился обратно в коридор, забыв снять нагубник и положить фонарь на место. Дверь в анабиозный отсек была задрена, но Павлыш все равно не успокоился, пока не оказался внутри и не увидел показания приборов. Приборы работали нормально. Вторая вахта спала. Ночной гость сюда не добрался.

Павлыш обошел весь корабль, заглядывая в отсеки и трюмы, пробираясь среди разбитого оборудования и искаженных переборок. Ему вдруг показалось, что открылся грузовой люк, и он потратил минут двадцать, прежде чем убедился, что люк заклинило так надежно, что без лазера его не вскрывшь. И все-таки не мог успокоиться. Он вернулся в шлюзовую, надел скафандр, взял пистолет и выбрался наружу. Медленно посторил путь гостя, стараясь разглядеть его следы. Павлыш дошел, увязая в песке, до самых кустов. Но ни следов, ни просвета в кустах, где мог бы скрыться человек, не обнаружил.

Перед тем как лечь спать, Павлыш забаррикадировал люки и прибавил света. Есть раскотелось, и он долго не мог заснуть, прислушиваясь к звукам за притворенной дверью. Звуков не было. Так и заснул, держа под подушкой руку с пистолетом...

Рука за ночь затекла, снились кошмары, в которых Павлыш вновь и вновь шел по берегу, тонул, и перед ним, оглядываясь, шел ночной гость, заманивая к черной бездне.

Павлыш проспал двенадцать часов и проснулся в деловом настроении. В конце концов нет ничего удивительного в том, что на планете живут ее хозяева. Возможно, они еще ходят нагишом и не строят городов, поэтому при разведполете их не обнаружили. Разумные они или стремятся к такому состоянию — в любом случае они любопытны, за что их нельзя корить.

Он лежал и прислушивался к шорохам. Потом вздохнул, сказал сам себе «Доброе утро». Осталось провести здесь шесть суток в полном одиночестве. Проблемы выживания, спасения товарищей, перспектива медленной смерти — все это позади. Но шесть дней — не малый срок, и глупо провести их, лежа на койке и читая в четвертый раз пятый том Ключевского. Потом знакомые будут спра-

шивать, а что ты, Слава, делал, когда вернулся на корабль? Можно ответить, что залег в спячку. Знакомые улыбнутся, ничего не скажут и подумают: «Вот дурак. Попасть на новую планету и проспять на ней шесть дней подряд».

Если верить справочнику, через трое земных суток наступит утро. Тогда надо будет пойти по берегу в обратную от маяка сторону. Где-то там должен быть просвет в бесконечных кустах, и можно будет заглянуть внутрь, посмотреть, где и как обитает ночной гость.

Придя к такому решению, Павлыш, чтобы не тратить времени даром, выбрался наружу, отыскал в груде щепок более или менее сохранившееся тело летучей твари и перетащил его в лабораторию. Дверь в анабиозный отсек он задраил намертво, так что если сам доктор заразится какой-нибудь местной болезнью, ни один вирус к ваннам не проникнет.

В лаборатории пришлось повозиться, пока в куче лома удалось отыскать и привести в рабочее состояние кое-какие инструменты. Павлышу со школьных лет не приходилось препарировать без помощи микроскопа, под тусклой желтой лампочкой, пользуясь вместо предметных стекол донышками от колб и стаканов. Павлыш, с наслаждением ругая первобытные условия своего существования, разделал несколько тварей, увлекся. Выловил в море на свет фонаря трех мелких морских жителей, отыскал в трюме контейнер со спиртом, перетащил из камбуза гнутые кастрюли, сковородки, превратил лабораторию в весьма неряшливую кунсткамеру, набил на ладошках мозоль и несколько водяных пузырей и к исходу третьего дня стал первым в Галактике специалистом по биологии планеты. Правда, по биологии низших форм ее жизни, строение которых давало все основания полагать, что эволюция здесь зашла довольно далеко. Утром, при свете, можно будет весьма и весьма расширить свои знания.

Самый интересный сюрприз таили в себе кусты. Они оказались не только растениями, но и животными—сложным симбиозом растений с полыми стеблями с простейшими организмами, населявшими внутренность стеблей. Организмы эти были общественными, сродни муравьям, и именно они заставляли ветви сопротивляться попыткам чужаков проникнуть внутрь кустарника, где кишела разнообразная жизнь, связанная в единую систему.

Павлыш долго бился над задачей, как заставить кусты расступиться перед ним, но пришлось отказаться от этой затеи—на горизонте появилась голубая полоса. Надвигался рассвет, и пора было готовиться к большой экспедиции под кодовым названием «Робинзон идет по острову».

На этот раз Павлыш проявил великолепную изобретательность, которой позавидовал бы неандерталец, уходящий из пещеры на трехмесячную охоту и оставляющий там, по соседству с хищными зверями, любимую жену и детей. Когда он, наконец, запер входной люк и вспомнил, что забыл нож, лежащий на полке в шлюзовой камере, то справиться с запором ему удалось лишь через полчаса. И то лишь после того, как он, придя в полное отчаяние, в упор выстрелил в него из пистолета. Потом пришлось мастерить новый запор. В результате Павлыш покинул стоянку корабля, когда солнце уже поднялось на границе воды и песка, продираясь сквозь сизые полосы облаков. Вновь, как и вечером, пришлось идти навстречу солнцу, только в противоположную сторону.

Павлыш экипировался основательно, ему были не страшны ни звери, ни стихийные бедствия. За спиной висели баллоны с запасом воздуха на трое суток. Сбоку сверкал пистолет, на другом бедре—хороший охотничий нож, кустарным способом переделанный из кухонного. Поверх баллонов горбился рюкзак с запасом пищи и воды. Был при себе даже надувной спальный мешок—вдруг придется остановиться на отдых.

Часа через три, когда солнце растопило иней на кустах, когда поднялся ветер и переворачивал, серебрил приоткрывшиеся узкие листья кустов, Павлыш, наконец, увидел широкую реку, которая вливалась, разбившись на множество протоков, в море, прерывая линию кустарника. Берег реки был болотистым, но пружинил под ногами и держал Павлыша. Короткие острые стебли с синими венчиками колючек цеплялись за башмаки, и с травы в разные стороны прыскала летучая мелочь. Из кустов выскочили спугнутые твари, покрутились над Павлышем и спрятались обратно. Берег стал выше, суше, кусты расступились, и Павлыш очутился у края широкой долины.

С одной стороны долина была ограничена морем, отороченным полосой кустарника, с другой—упиралась в отвесный скалистый обрыв. Река поворачивала километрах в трех от устья и текла вдоль долины, деля ее на две длинные зеленые полосы.

Павлыш дошел до поворота реки. Здесь течение было быстрым, в чистой воде виднелись обкатанные камни и длинные нити водорослей. Короткие оранжевые червяки дергались, словно прыгали друг за дружкой, между водорослей, и, прежде чем войти в воду, Павлыш на всякий случай кинул в них камнем, отгоняя от брода.

Быстрое течение мешало идти, вода вздыбливалась у ног, всплескивала урча, и дневной мир этой планеты пришелся Павлышу по душе. Большая птица с длинным гибким хвостом сделала

круг над ним, ринулась вниз и тяжело поднялась с воды, держа в зубах какое-то водяное животное.

В самом глубоком месте вода доставала Павлышу до пояса, поток чуть не снес его в глубину, но тут берег пошел вверх, и Павлыш, на ходу стряхивая с себя воду, выбрался на траву, к большому дерезу, покрытому розовой листвой. Вблизи оказалось, что это не листва, а паутинные мешочки, которые таскали за собой гусеницы, перебиравшие с ветки на ветку. Гусеницы при виде Павлыша поднимали головы и пугали его, шевеля передними ножками.

Неподалеку бродило стадо каких-то животных странного вида. Несколько пар длинных тонких лап несли тело, схожее с бурдюком. Вместо головы из бурдюка торчали хоботки. Сверху бурдюк был украшен острыми шипами. Животное шустро рвало хоботками траву и совало себе под живот, видно, там была паста. Павлыш достал камеру и несколько минут снимал фильм о жизни долины, он даже заставил себя вновь приблизиться к розовому дереву с отвратительными гусеницами, которые весьма разозлились, увидев, что он возвращается, и делали вид, что вот-вот прыгнут ему в лицо.

Напоследок Павлыш отснял панораму скалистой стены. Нечто светлое и округлое двигалось по обрыву. Павлыш дал максимальное увеличение, и в видоискателе обнаружилась белая бесформенная туша, ползущая по узкому карнизу. Он узнал тушу. Это был тот белый «слон», что чуть не погубил его ночью у маяка. Надо быть осторожным. Оказывается, эти гады выползают из своих нор и днем.

Камера скользнула дальше, вниз, и в объектив попали еще два существа. Они значительно уступали «слону» в размерах и передвигались на двух ногах. Они бежали по тому же карнизу, что и «слон», явно спасаясь от преследования.

— Здравствуйте,— сказал Павлыш вслух.— Вот мы и встретились, ночные гости. В случае чего можете рассчитывать на нашу помощь.

Павлыш переместился к вершине небольшого холма, где росло дерево без паутины и гусениц на нем. Это был отличный наблюдательный пост. Оставалось только ждать, как развернутся события дальше. Пока что белый «слон» не настигал двуногих. У них были все шансы скрыться. Если им удастся сделать это без посторонней помощи, тем лучше. Всегда предпочтительнее не вмешиваться в чужие дела. Где гарантия, что господствующая разумная форма жизни на этой планете — не белые «слоны»? Может, и за Павлышем тогда гнался какой-нибудь береговой сторож или любитель лунного света, принявший путешественника за сувенир или за

двуногую обезьяну, представляющую собой изысканное лакомство в слоновьих зажиточных слоях?

Беглецы спустились к долине, задержались на осыпи, посоветовались. В руке одного из них Павлыш разглядел длинную палку или копье. Это говорило в пользу разумности двуногих.

Двуногие направились к реке. Они шли не спеша, не видели, как «слон», миновав узкий карниз, вобрал в себя щупальца и покатился вниз по осыпи, словно мягкий мяч. С каждой секундой расстояния между ним и двуногими сокращалось. Рука Павлыша сама потянулась к пистолету.

Но тут одно из существ заметило приближение «слона» и предупредительно крикнуло. Двуногие припустили к реке. Потом остановились. Что-то новое привлекло их внимание.

Павлыш опустил пистолет и посмотрел в направлении их взгляда. Он увидел, что вдоль берега идут другие двуногие. Тех, новых, было шестеро. Все они были вооружены копьями, похожими на огромные вилки.

Переведа взгляд к первым двум, Павлыш увидел, как они нырнули в траву.

— Ага,— сказал он себе.— Враждующие племена. И наших меньше. Положение обостряется. Сзади «слон», спереди — соперники. Что будем делать?

Один из его двуногих (Павлыш невольно, как болельщик на стадионе, разделил присутствующих на команды и выбрал ту, за которую намерен болеть) катался по траве и бил кулаками по камням. Другой его спутник суетился рядом. Первый вскочил на ноги, подобрал копье и бросился на шестерых врагов.

— Как древний викинг, впавший в боевое безумие,— комментировал Павлыш. Ему было очень жалко парня, который шел навстречу бессмысленной гибели. Второй бежал вслед за викингом.

Шестеро у реки без излишней спешки рассыпались в цепь и начали сходить так, чтобы захватить парня в полукольцо. Один из них развернул небольшую сеть.

Накинут сеть,— подумал Павлыш,— и прибьют копьями. Выйти бы сейчас и заявить: «Я ваш новый бог, прекратите кровопролитие».

Но Павлыш не успел выполнить своих намерений. Викинг вдруг замер на месте, затем повернул обратно, словно забыл о шестерых, и помчался к товарищу, которого настигала Белая смерть.

Теперь ясно, кто из вас разумен, а кто нет, констатировал Павлыш. Копья и сети сами по себе аргумент, но то, что ты бежишь на помощь, когда друг в беде, располагает в твою пользу.

Первый беглец подхватил товарища и оттащил его с пути бе-

лого «слона». Шестеро врагов остановились, не решаясь приблизиться.

Беглецы взобрались на крутой пригорок, совсем неподалеку от Павлыша. Белый «слон» настиг их и, расплывшись в кисель, охватил подножие пригорка, медленно стягиваясь, как резиновое кольцо.

И когда уже спасения не было, а шестеро здоровых мужиков, вместо того, чтобы прийти на помощь, стояли в стороне и деловито обсуждали происходящее, Павлыш нажал курок, раскаленный луч, вырвавшись из дула пистолета, распорол кольцо белой хищной массы. Он не отпускал курка, пока белая плоть чудовища не превратилась в серый пепел.

Теперь скрываться было поздно. Там более что «своих» двуногих нельзя оставлять на произвол судьбы. Павлыш сошел с холма и медленно направился к участникам и зрителям только что закончившегося боя.

ДЕРЕВНЯ

Павлыш показался Жало горбатым великаном в блестящей одежде, с большой прозрачной головой, внутри которой, как зародыш в икринке, виднелась другая, белая с голубыми глазами и странным зрачком—словно кто-то уронил в голубую лужу черное семечко. Жало не знал, убьет он его, как и Белую смерть, или помилует, и опустился на колени, бросив копьё, чтобы показать, что он безоружен.

Павлыш тоже рассматривал Жало. Это было странное существо, очень схожее с человеком. Его темная синеватая кожа была покрыта редкой бурой шерстью, более плотной на голове и груди. Бедрa были обмотаны повязкой, с которой свисала связанная в кольцо веревка. Кривые короткие ноги заканчивались расплюснутыми ступнями, а длинные ногти на руках, казалось, росли прямо из ладоней. Но более всего Павлыша удивили глаза. Желтые зрачки их были разрезаны вертикальной черной полосой, словно у кошки. Черная полоска сужалась и расширялась, чутко реагируя на малейшую перемену освещения.

У ног спасенного лежало второе существо, оно было меньше размером и оказалось самкой.

Шестеро врагов подошли и остановились за спиной Павлыша. Жало, взглянув в сторону своего спасителя, быстрым движением подобрал копьё и затараторил, обнажив редкие клыки.

Павлыш настроил черную коробочку «лингвиста» на прием ин-

формации. Пусть послушает, наберется грамматики и лексики. Тогда можно будет объясниться. А пока Павлыш сказал, стараясь, чтобы слова его звучали убедительно:

— Не волнуйся, дружище. При мне они тебя не тронут.

Потом обернулся к воинам Старшего и сказал им:

— Попрошу без кровопролития.— И показал им пистолет.

Воины посовещались, потом тот, что постарше, густо обросший лежалой клочковатой шерстью, поморгал кошачьими глазами и сказал небольшую речь, указывая копьём на каменную стену, солнце и различные предметы вокруг. Речи Павлыш не понял. Переводчик тихо жужжал на груди, но из него не выходило ни единого членораздельного слова. Павлыш предположил, что смысл речи сводится к тому, что они рады бы подчиниться, да долг не велит отпускать беглецов на волю.

Павлыш вновь оказался перед дилеммой. Не исключено, что его дауногие натворили что-нибудь дома. Съели, к примеру, свою бабушку, и теперь им грозит общественное порицание. Разгонишь карательную экспедицию—поможешь росту молодежной преступности на этой планете. Хотя возможны и другие варианты.

Так что Павлыш просто пожал плечами, решив, что события должны идти своим чередом.

Старший из шестерых обратился теперь с речью к беглецу. Тот сначала возражал, и оратор повысил тон. Наконец Жало (это было первое слово, которое удалось понять «лингвисту») понурил голову, подхватил совсем ослабевшую девушку и поплелся к стене. Уходя, он обернулся и, если Павлыш правильно истолковал его взгляд, попытался внушить ему: «Идем с нами! Мне так страшно!»

И Павлыш последовал в хвосте процессии.

Ему представлялась соблазнительная возможность увидеть, как живут дауногие. Вряд ли путь очень далек—обе партии, и преследователи и беглецы, шли налегке. Кислород есть. Вернуться обратно никогда не поздно. И, в крайнем случае, можно прийти на помощь желтоглазому беглецу. Разум здесь в младенчестве, и вряд ли жизнь особи ценится высоко.

Заметив, что Павлыш следует сзади, главный воин остановился и сказал что-то.

«Лингвист» вздохнул и перевел неуверенно: «Уходи, сильный дух».

Павлыш погладил черную коробочку и сказал лингвисту: «Молодец!»

Лингвист тут же (неизвестно, насколько правильно) передал слово Павлыша на языке аборигенов, и воин даже споткнулся от

удивления. Но, не сказав ничего, он повернулся и бросился догонять остальных.

Павлыш шел за старшим след в след. Воин был ниже его на голову. Сквозь редкую пегую шерсть на затылке просвечивала синая кожа. На спине шерсть светлела, дыбась гребешком вдоль позвоночника, в шерсти возились букашки.

Воины вели пленников не к карнизу, а прямо к обрыву, значительно правее расщелины. У скалы остановились. Один из воинов быстро вскарабкался на дерево и оглядел с него долину.

— Никого нет!— крикнул он.— Никто не видит.

Основание стены было в этом месте засыпано глыбами, сорвавшимися сверху. Воины отвалили одну из глыб, и за ней обнаружился черный лаз.

— Вы здесь живете?— спросил Павлыш.

Воины посмотрели на Павлыша, как на идиота. Пришлый дух сказал глупость. Кто может жить в черной пещере?

— Мы живем в деревне,— сказал Жало.

— Ага,— согласился Павлыш. В будущем надо избегать наивных вопросов. Нельзя забывать, что безопасность в какой-то степени зависит от его репутации как духа. Покажись он воинам безвредным, они, пожалуй, проткнут его копьем, дабы не вмешивался в чужие дела.

Пока воины растаскивали камни, чтобы удобнее пройти внутрь скалы, Павлыш, глядя на них, подумал, что они не похожи на ночного гостя на корабле. И Павлыш вспомнил, что тот бежал по песку и кустам, не сгибая спины. Да и руки его были куда короче, чем у аборигенов. Впрочем, здесь может оказаться несколько пламен. Жили же на Земле одновременно кроманьонцы и неандертальцы.

Воины сложили камни у входа в пещеру таким образом, что можно было вытащить нижний, и остальные засыпали бы вход так, что снаружи никто не догадался бы о его существовании. Павлыш отдал должное их сообразительности. Затем двое забрались внутрь, повозились, выбивая искры из камней, и засветили заготовленные факелы.

— Пошли,— сказал главный.

Перед тем как войти в черную дыру, Жало вновь обернулся и спросил Павлыша, словно угадав его сомнение:

— Ты идешь, дух?

Павлышу стало совестно перед парнем, которого, вроде бы, обязался защитить. И он ответил, по возможности тверже:

— Не бойся, иди.

Послушно защебетал «лингвист».

Один из воинов задержался у входа, нагнулся, вырвал нижний камень и глыбы обрушились, отрезав солнечный свет и звуки утренней долины. Остался лишь мрак, отступающий шаг за шагом перед зыбким мерцанием факелов.

Путь по пещере был долг и однообразен. Павлыш не включал фонаря. Впереди покачивались оранжевые пятна факельных огней. Ключья дыма, схожие по цвету со стенами, отделяли порой Павлыша от согнутой спины воина, шедшего впереди. И тогда рождалось ощущение, будто ты замурован в горе и следующий шаг приведет к стене. Павлыш даже протягивал вперед руку, чтобы пальцы, проникая сквозь податливый дым, изгнали из мозга ложный образ.

Воины находили нужные повороты, отыскивали ответвления пещеры по лишь им ведомым признакам, и Павлыш, который некоторое время старался запомнить путь, вскоре понял, что, если ему придется возвращаться одному, все равно заблудится.

В одном из обширных залов Павлыш решил сфотографировать красиво искрящиеся сталагмиты, дал вспышку, и спутники его пали ниц. Может, решили, что разверзлось небо. Пришлось подождать, пока они придут в себя, подберут брошенные факелы. Воины молчали.

— Ничего страшного,— сказал Павлыш.— Можно идти.

— Мы ничем не обидели тебя, дух,— сказал укоризненно глазный воин.

— И я вас,— улыбнулся Павлыш. Но улыбки никто не увидел, а эмоций «лингвист» передавать не умел.

Подземный ход перешел в лестницу. Ступени были выбиты неровно, приходилось нащупывать следующую башмаком и держаться за стену.

Процессия остановилась. Путь закончился. Впереди была деревянная дверь. Первый воин постучал в нее древком копья.

— Кто пришел?— донесся голос с той стороны.

— Слуги богов,— ответил воин.

— С добром ли пришли?

— С удачей. Боги будут довольны.

Дверь отворилась со скрипом, и из расширяющейся щели проник желтый свет. Когда Павлыш вошел внутрь, воин, шедший последним, запер дверь, а тот, кто впустил их, отступил к стене и спросил:

— Я позову Старшего?

— Да. И скажи ему, что с беглецами пришел незнакомый дух.

— Где он?— спросил воин, разыскивая взглядом Павлыша. По-

мещение было освещено плашками с жиром, стоящими вдоль стен. Он увидел Павлыша и спросил:

— Откуда этот дух?

— Он пришел сам. Мы не звали его. Так скажи Старшему.

Жало и Речка стояли посреди комнаты, будто отделенные от остальных невидимым барьером.

Павлыш достал камеру, но один из воинов заметил движение и сказал:

— Не ослепляй нас, дух. Подожди, пока придет Старший.

Человек, вошедший в комнату, остановился на пороге. Неровный свет от плашек и дым от погашенных факелов мешал Павлышу разглядеть его. Он должен быть либо вождем либо жрецом племени. Голос его был высок и резок. Лингвист перевел слова:

— Беглецов закройте. Боги скажут, что с ними делать.

Старший был мал ростом, зябко кутался в толстую ткань.

Жало обернулся к Павлышу и сказал:

— Защити меня, дух.

Павлыш сделал шаг вперед, и воины расступились, чтобы пропустить его.

— Здравствуй, Великий Дух,— сказал Старший.— Ты знаешь, что мы не можем отпустить их, боги решат.

— Жизнь в руках богов,— сказал один из воинов.

— Жизнь в руках богов,— забормотали, словно заклинание, остальные.

— Ты пойдешь со мной, дух? — спросил Старший.

— Да,— сказал Павлыш.— Я хочу, чтобы им не было причинено вреда.

— Идем,— сказал Старший, не двигаясь с места, ожидая, пока Павлыш приблизится к нему.

Старший стоял, чуть наклонившись вперед, настороженно и крепко. Темное лицо его было покрыто желтой шерстью. Глаза спрятались под нависшими надбровными дугами. Взгляд упирался в грудь Павлышу. Ростом Старший был даже ниже Речки.

— Идем,— сказал он. Повернулся и миновал дверь, уверенный, что дух последует за ним. Уши Старшего были прижаты к затылку. Они были странной формы, не такие, как у прочих,— длинные, заостренные.

Следующая комната была маленькая, полутемная, и Старший быстро прошел ее. Он чуть припадал на правую ногу. Сзади доносились голоса спорящих.

— Жало бонтса,— сказал Старший, не оборачиваясь.— Он нарушил закон.

— Что он сделал?— спросил Павлыш.

Старший толкнул еще одну дверь, и они вошли в длинный коридор. Плошки с жиром покачивались под потолком.

— Он нарушил закон,—уклончиво сказал Старший.

— В чем его проступок?—настаивал Павлыш.

— Дух знает,—сказал Старший.—Дух знает дела смертных.

— Я пришел в долину, когда твои воины уже настигли его.

— Дух знает,—повторил Старший.

В конце коридора появилось светлое яркое пятно — дневной свет. Старший взмахнул рукой, спугнув с потолка спящих там тварей. Они засуетились и пропали в светлом прямоугольнике. Павлыш зажмурился. На глазах выступили слезы, Павлыш приподнял забрало и приостановился, чтобы вытереть их. Старший обернулся. Он стоял у входа, опершись о стену, и равнодушно наблюдал за действиями незнакомца.

Они вышли на небольшую площадку, где было еще три черных отверстия и четвертое, прикрытое дверью из тонких бревнышек, связанных веревками.

С площадки открывался вид на горную долину, огражденную отвесными скалами. Здесь, в верхней части, долина была узкой. Противоположный склон глядел на Павлыша рядом черных дыр-пещер. На дне долины сгрудились хижинки. Возле них протекал голубой ручей, который впадал в небольшое озеро, окруженное деревьями. В долину вонзался язык ледника, отороченный каменной осыпью, откуда брал начало еще один ручей, также стремившийся к озеру. Язык ледника создавал перемычку, за которой, еле различимые в дымке, виднелись заросли, тянувшиеся до самого откоса. Откос запирает долину.

— Пойдем,—сказал Старший и указал на закрытую дверь. Теперь, при дневном свете, он показался Павлышу менее похожим на разумное существо, чем Жало и Речка, чем даже воины. Хотя нельзя же мерить чужую жизнь по своим меркам. Не исключено, что местный гений куда больше похож на орангутанга, чем деревенский дурачок, могущий оказаться двойником человека.

— Опять в пещеру? — спросил Павлыш, выказывая явное нежелание расставаться с солнечным светом.

— Это мой дом,—сказал Старший.—Ты не знаешь?

— Не приходилось бывать.

Возможно, духам в долине положено быть всезнающими, и Павлыш подрывал этими словами свою репутацию.

— Ты пойдешь в храм?—спросил Старший.—Ты слышишь?

Один из воинов вышел на площадку и присел на корточки у стены, греясь на солнце. Старший не обратил на него внимания. Он раскрыл бревенчатую дверь и вошел первым. Павлыш последо-

гал за ним. В распахнутую дверь проникал свет, и ветерок шевелил мех на шкурах, которыми был покрыт пол. Посреди комнаты лежал большой плоский камень, на нем — глиняная плошка с каким-то варевом. Павлыш вспомнил, что проголодался. В углу стояли прислоненные к стене копыя, громоздились глиняные горшки и плошки, рога, сучья, корни — словно в бутафорской театра.

— Я знал, что ты придешь,—сказал Старший, усаживаясь на шкуру.

— Откуда?

— Я знал.

Старший опять уклонился от объяснения. Он хитро смотрел на Павлыша, узкие зрачки сходились в черную ниточку, и казалось, он ведет игру, правила которой известны и ему и духу, столь обычно появившемуся в долине.

Пауза несколько затянулась. Старший ждал, что скажет Павлыш. А Павлыш не знал, то ли начать задавать вопросы о жизни племени, то ли уйти отсюда, спуститься к хижинам.

— Что вы хотите сделать с теми?—спросил, наконец, Павлыш, разглядывая собеседника.

— Отведем их в храм,—сказал Старший, как само собой разумеющееся.

— Они будут живы?

Старший не ответил. Поднес ко рту плошку и отхлебнул из нее. Павлышу не предложил. Тогда Павлыш достал из кармана скафандра тюбик с соком, откинул забрало шлема и утолил жажду. Потом положил пустой тюбик на стол. Старший смотрел на него заинтересованно, не более того. И лишь когда тюбик покатился по столу и звякнул о плошку, Старший изумился. Он отпрянул от стола, странно поглядел на Павлыша, протянул длинную волосатую руку и осторожно дотронулся до тюбика, словно ожидал, что тот исчезнет. Тюбик не исчез. Старший поднес его к носу, обнюхал и положил на место. Покачал головой.

— Ты удивлен?—спросил Павлыш.

— Духам позволено многое,—сказал Старший.

— Я хотел бы спуститься в деревню,—сказал Павлыш.

— Вниз?

— Да.

— Тебе плохо здесь?

— Нет, хорошо. Но я хочу взглянуть на деревню.

— Ты не пойдешь в храм?—спросил Старший.

— Пойду. Мне интересно сходить в храм.

Старший опять удивился.

— Интересно?—спросил он. Низкий лоб наморщился. Стар-

ший решал какую-то задачу.—Ты пойдешь в храм,—сказал он, наконец.— И будешь там ждать.

— Ну, ладно,—согласился Павлыш.—И долго я там буду ждать?

— Нет,—сказал Старший.

Тюбик интересовал его. Рука все время возвращалась к нему, длинные когти переворачивали желтую игрушку.

— Ты убил Белую смерть,—сказал Старший.— Зачем ты убил ее?

— Белую смерть?—спросил Павлыш.—Я не знаю ее.

— Там, у реки. Воины сказали, что ты убил Белую смерть.

Павлыш догадался, что так называют здесь «слона».

— Да,—сказал он.—Белая смерть угрожала людям.

— Но они нарушили закон.

— А разве Белую смерть нельзя убивать?

— Жало нарушил закон.

«Господи, подумал Павлыш, разберись с ними». Беседа зашла в тупик. И Старший и Павлыш не понимали друг друга. Нечто совершенно очевидное ускользнуло от понимания Павлыша. И он чувствовал, что Старший знает больше него.

— Кто-то из твоих людей ходил в мой дом?—спросил Павлыш.

— Где твой дом?—спросил Старший.

— На берегу моря. За рекой.

— Твой дом?—спросил Старший.

— Ну, да, конечно. Я прилетел с неба. И мой дом на берегу моря. Потом я улечу обратно.

— Конечно,—сказал Старший.

— Кто-нибудь ходил туда?

— Никто не выходит из долины,—сказал Старший.

— Неправда,—сказал Павлыш.

— Никто не выходит из долины. Тот, кто выходит, нарушает закон. И его убьет Белая смерть.

— Твои воины вышли из долины,—сказал Павлыш.

— Мои воины шли по следам того, кто нарушил закон.

Закондванный круг. Никому нельзя, но воинам можно, потому что никому нельзя.

— Пойдем,—сказал Старший.—Идем в храм.

Они вышли на площадку. Воин все так же сидел у стены, дремал. Длинная серая туча проходила краем над дальним концом долины, и там шел дождь. У одной из хижин возлились дети. Ветер поднимал пыль и крутил ее смерчком у обрыва. Планета была мирной, доброй.

— Нам далеко идти?—спросил Павлыш.

— Ты знаешь,—сказал Старший.

— Ага,—согласился Павлыш. Духу положено знать, где стоит храм.

Старший подошел к краю площадки, и там обнаружилась широкая тропа, отлого спускавшаяся вдоль обрыва. Шагов через десять Старший остановился, поглядел на Павлыша, затем неожиданно прыгнул вперед. Павлыш посмотрел под ноги. Под тонким слоем гравия и песка проглядывали сучья. Похоже, что они маскируют ловушку. Павлыш примерился и прыгнул вперед так, чтобы встать рядом со Старшим. Это сделать было нелегко — мешали вещи, притороченные к скафандру. Но Павлышу не хотелось терять престиж. Если аборигены прыгают, духу тем более положено. Прыжок был неудачным. Под башмаками хрустнуло, и земля ушла из-под ног Павлыша. Только руки остались на тропе. Вниз, в глубокую расщелину, летели сучья и камни. Павлыш даже не успел испугаться. Ноги скользили по обрыву, никак не удавалось упереться носками башмаков, чтобы вылезти на тропу.

— Помоги,—сказал Павлыш как можно спокойнее Старшему. Тот не двинулся с места. Он думал. Дух, видно, не выдержал испытания, и Старший переваривал в мозгу окрепшие сомнения.

Башмак, наконец, отыскал уступчик, Павлыш уперся локтями в край тропы и подтянулся. Вдруг нехорошее предчувствие заставило его поглядеть вверх. Старший сделал неуверенный шаг вперед, но встретился взглядом с глазами Павлыша и остановился.

— Отойди,—сказал Павлыш.

Камень, на который опиралась нога, улетел вниз за своими собратьями, но, к счастью, Павлыш уже по пояс вылез наверх. Рычком он вытащил на тропу колено и поднялся, стараясь не повредить баллонов.

Старший стоял, прислонившись спиной к обрыву, почесывая живот, блаженно сощурился глаза, будто забыл о существовании духа.

Павлыш поднялся на ноги, отряхнул пыль со скафандра и позволил себе обернуться. Ложный мостик перекрывал расщелину, уходившую до самой реки. Павлышу захотелось обидеть коварного хозяина.

— Ты боишься, что по тропе поднимутся люди снизу?

— Я ничего не боюсь,—сказал Старший.—Мы идем в храм?

— Да,—сказал Павлыш. В конце концов он сам был виноват. В следующий раз надо быть осторожнее. Нельзя расслабляться в чужом мире.

Павлыш ступал в след Старшему. Старший остерегался опас-

ности снизу. Боялся своих соплеменников? Белой Смерти? Соседей из другого племени?

Храм был вырублен в скале, как и дом Старшего. Может, использовали старую пещеру. От широкой площадки к входу вела грубо вытесанная лестница. Сам вход был невелик, сужался кверху, по сторонам возвышались две невысокие колонны, на каждой высечен глаз, разделенный пополам узким зрачком. И все.

— Иди туда,— сказал Старший.

— А ты?

— Я пойду обратно.

Что еще задумал его спутник? Павлыш решил, что вернее всего, на голову ему свалится каменная балка.

— Ты пойдешь первым,— сказал он.

— Почему?— удивился Старший. Гребень шерсти на его голове приподнялся.

— Мне здесь не нравится,— сказал Павлыш,— я пойду вниз, в деревню.

— Нельзя,— сказал Старший.

— Старший!— раздалось сверху.

— Что?

По тропе приближался воин. Старший сделал шаг ему навстречу, и воин, сообразив, что сведения, которые он несет, не предназначены для духов, наклонился к уху Старшего и прошептал что-то.

Новости, видно, пришлись Старшему не по душе. Шерсть на загривке стала торчком, перекатились мышцы плеч, ноги согнулись в коленях, словно для прыжка.

— Й-ех!— крикнул он. Рванулся вперед, когтями вцепился в лицо воину, тот выпустил копье, упал на колени. Старший пинал его ногами, потом мгновенным движением подхватил с земли копье и метнул в воина. Тот успел отскочить, и наконечник разбился о камень, брызнув осколками.

Старший уже бежал вверх по тропе, забыв о воине, о Павлыше, отпрянувшем в сторону. Старший исчез за поворотом, будто проглоченный скалой.

Павлыш подошел к воину, тот оскалился угрожая.

— Ну, и черт с вами,— сказал Павлыш.— Мы воспитывались в разных колледжах.

Отправиться в храм? Этого хотел Старший. Старшему Павлыш не верил. Лучше пойти в деревню. Черт его знает, что еще придумает Старший, когда вспомнит о Павлыше. Воин зализывал разодранную руку.

Павлыш пошел к хижинам...

Пустая утоптанная площадка перед ними была пуста. От кучи отбросов к Павлышу бросились насекомые, засуетились над шлемом. Вот на солнышко выполз ребенок с костью в руке и при виде человека замер в ужасе. Длинные руки высунулись из хижины и втащили ребенка внутрь, оттуда донесся визг. Дверь в другую хижину была задвинута большим камнем.

Хижины были похожи одна на другую, даже не хижины, а примитивные убежища, кое-как прикрытые сучьями и сухими листьями.

Павлыш отошел к берегу ручья и оттуда снял панораму деревни. Потом оглянулся, поглядел вверх. Вход в пещеру, через которую он проник в долину, не был виден. На площадке у храма темнело пятно—воин так и остался лежать у ступеней.

Павлышем вдруг овладело беспокойство. Что могло так разозлить Старшего? Может быть, воины сделали что-то дурное с пленниками? Может, Жало с девушкой убежали? Как он не думал об этом раньше?

Павлыш повернул обратно к осыпи и у ручья столкнулся со старой женщиной, которая отличалась от прочих, виденных им аборигенов. Она шла, касаясь земли кончиками пальцев рук, и руки были так длинные, что ей не приходилось для этого нагибаться. Неровно слеппенный большой горшок похачивался на плоской голове. Казалось, что женщина придерживает его бровями—лба у нее совсем не было. Глаза, скрытые в глубоких глазницах, горели желтым светом. Увидев Павлыша, старуха присела, словно ее не держали ноги, и забормотала невнятно, подняв трясущиеся руки к лицу.

— Не бойся, — сказал Павлыш. — Я не сделаю тебе дурного.

— Дух, Дух, Великий Дух... — бормотала старуха. Лингвист потрескивал, слясь перевести ее слова... — Дай, мясо... дай... пощади.

— Можно подумать, что встреча со мной, хоть и страшна, но не неожиданна, — сказал Павлыш вслух, отходя от старухи и поднимаясь к храму.

Воин приподнялся, увидев Павлыша. Песок вокруг него потемнел от крови.

— Иди домой, — сказал ему Павлыш. — А то истечешь кровью. — Воин словно не слышал его, хотя лингвист внятно прошептал перевод. Павлыш поглядел на вход в храм, но решил отложить визит.

Ловушка, в которую чуть было не угодила Павлыш, разрешила тропу. На этот раз Павлыш разбежался так, чтобы с запасом перепрыгнуть провал. Звякнули за спиной баллоны.

На площадке перед пещерой и жилищем Старшего не было ни души.

— Эй, хозяева,— позвал Павлыш.— Куда все запропастились? Вы забыли о госте.

Никто не откликнулся. Из темного лаза выскочила испуганная криком тварь и улетела, подхваченная порывом ветра.

Павлыш включил шлемовый фонарь и осторожно вступил в темный коридор, ведущий к комнатам перед подземным ходом. Он ступал медленно, но песчинки хрустели под подошвами, и оттого тишина была еще более гулкой и глубокой. Павлыш обошел все помещения, но и войны и их пленники словно сквозь землю провалились. Дверь в подземелье была приоткрыта, оттуда не слышалось ни шороха, ни звука.

ДУХИ

Могучий дух ушел за Старшим. Жало понял, что погиб. Очень хотелось жить, но обитатели долины редко доживали до зрелых лет. Смерть подстерегала на охоте и в поле, она таилась в болезнях, лавинах, могла обернуться немилостью Старшего. И тогда Старший прикажет взять тело умершего в храм, за крепкую дверь. И воины, унесшие труп, выйдут из храма и у входа будут петь страшные песни о смерти. И лишь Старший останется в храме. А потом воины вновь войдут в храм и вынесут тело, разрезанное, чтобы выпустить злых демонов, что прячутся в мертвых и больных. И тело сожгут. Еще недавно, деды помнят, мертвых съедали и лучшие куски доставались воинам. Но это было в дикие времена.

Жало знал о смерти, видел ее, но то была чужая смерть. Своя смерть далека, своя смерть должна уйти, как уходит утренний дождь. Она уйдет обратно, в тот мир духов, в бесплотный мир, в котором нет долгоногов, яркого солнца и чистой воды.

— Теперь ты больше не убежишь,— сказал сизый воин, которого звали Тучей. Старший взял его из деревни мальчишкой. Туча толкнул юношу в спину к темноте и засмеялся.

— Туча,— сказала Речка,— ты помнишь, что у нас с тобой одна бабушка?

— Я воин храма,— ответил Туча,— у меня нет матери и отца.

— Так было раньше,— сказал Жало.— Теперь у каждого есть мать и отец. Так говорил Немой Ураган.

— Ты чего с ними разговариваешь? — прикрикнул на Тучу главный воин Косой Иней.

От толчка Жало упал на каменный пол. Дверь закрипела.

Слышно было, как Туча устранивается у двери, с той стороны, стеречь пленников.

— Я пошел,— сказал Иней.— Не спи.

— Иди,— ответил сторож. Стало тихо.

В темноте Жало отыскал руку Речки и сел рядом, прижался, чтобы было теплее. Стены нависали, низкий потолок давил.

— Туча,— сказал он.— Наш дух вернется за нами?

— Не знаю,— сказал Туча.— Старший пошел с ним в храм. Старший знает пути богов.

Речка вскрикнула — скользкая холодная змейка скользнула по ее ступням.

— Не бойся,— сказал Жало.

Туча запел песню о Великой тайне, о дороге к Темному ручью. Желтый лучик света, проникавший в щель двери, переместился. Туча подвинул поближе светильник, потому что, как и все жители долины, боялся темноты.

Речка когтем впилась в ладонь юноши.

— Что ты?

— Тише. Здесь кто-то есть.

— Здесь только змеи.

— Здесь есть кто-то большой. Он следит за нами.

Теперь и Жало почувствовал чужое присутствие. Чуткие уши не улавливали ни звука. Не было запаха. Не было ничего. Было присутствие. Кто-то стоял в углу пещеры и разглядывал пленников.

— Уйди, дух,— сказал Жало.— Уйди, если ты не хочешь нам помочь.

— Может, это наш дух? — спросила Речка.

— О чем вы там? — спросил Туча из-за двери.

Из угла пещеры раздался короткий смешок.

Туча распахнул дверь, и внутрь просунулась рука со светильником.

— Что здесь? — крикнул он.

Светильник на секунду вырвал из темноты человеческую фигуру, неясную, смутную, уходящую в стену, растворяющуюся в ней.

— Это не наш дух,— вздохнула Речка.

Но Жало думал о другом. Рука воина держала светильник. Рука была близка. Жало рванул Тучу за руку, и тот, ударившись о косяк, влетел в камеру, охнул, упал на каменный пол. Жало ударил его, подобрал копье и, не оглядываясь, побежал.

В долине, на свету, их поймают сразу же. Воины едят мясо и потому хорошо бегают. Только в темной пещере можно скрыться и отыскать потом дорогу к реке. Речка бежала сзади. Память привела их к деревянной двери. Страж возле, услышав глухой топот,

приподнялся, выставил копые, щурясь в полутьму. Жало, выскочивший из-за угла, опрокинул его, навалился плечом на дверь, и та треснула, поддалась. Жало чуть не упал на каменной лестнице — Речка успела подхватить его. Слабый отблеск света падал сверху, впереди — темнота. Надежда была на слух, обоняние и память, цепкую память первобытного существа, сохранявшую повороты, спуски, подъемы долгого пути от реки.

Сзади послышался шум преследования. Жало бежал, вытянув вперед руку с копьем. Ощувив нависший камень или трещину, не поворачивая головы, предупреждал о них Речку.

Преследователи не отставали. Они тоже знали эту пещеру. Знали ее куда лучше беглецов. Они были рассержены, потому что если не достигнут беглецов, их ждет гнев Старшего. И они боялись его гнева.

— Скоро мы выйдем? — спросила Речка. — Я устала. Я скоро упаду.

Жало понял, что не убежать, догонят. Он свернул в сторону, в неизвестную темноту и увлек за собой Речку.

— Мы отдохнем?

— Теперь молчи, — прошептал Жало. — Совсем молчи. Не дыши.

Топот и крики были так близки, что Жало с трудом сдерживал себя, чтобы не метнуться дальше, в глубь, куда угодно, лишь бы дальше от смерти, от страшных воинов. Он прижался к земле и придавил рукой Речку, которая задышалась и пыталась вскочить.

— Тише, молчи, — молил он беззвучно. — Тише.

Шаги слышались совсем близко, прерывистое дыхание, хрип и крики...

— Мы будем ждать? — шепнула Речка.

— Немного, — сказал Жало. — Они вернутся и будут искать нас.

— А потом?

— Отдохнем и будем ползти к выходу. Но не главным путем, а здесь, среди камней. Ты помнишь, сколько бежало воинов?

— Нет. Много...

— Может, шесть. Может, семь. Надо знать. Мы будем бежать потом узкой пещерой. Не попасть бы в ловушку между ними.

— Ты убьешь их?

— Если один, может, убью. Если два, они убьют меня.

Жало устал, ему хотелось прижаться к Речке и заснуть.

— Ты великий охотник, Жало, — сказала Речка. — А может, побегим обратно, пока они там? И спрячемся в деревне.

— Нельзя, сказал Жало. — Там Старший. И другие воины.

— Не будем ждать, — сказала Речка. — Они вынюхивают нас. Слышишь, течет вода? Пойдем по воде.

— А если глубоко?

— Нельзя ждать.

— погоди,— сказал Жало.— Сейчас они пробегут назад, и тогда мы пойдем.

Они говорили тихо, совсем тихо. Но пещера разносила даже шепот, и Старший, спешивший по следам воинов, услышал голоса и подобрался совсем близко, прежде чем Жало учуял его запах. Слишком близко...

— Стой,— сказал Старший тихо.— Ты не знаешь пути в темноте. Тебе некуда бежать.

Старший мог бы позвать воинов. Вместо этого говорил тихо. Он был осторожен. Стоял в десятке шагов от беглецов, за камнем. Он точно знал, где они. Их выдавали запах и тепло тел. Никто в племени не чувствовал тепло живых тел так, как Старший. Он мог бы стать великим охотником.

Копье ударилось о камень, сломалось, и Старший, выйдя вперед, наступил на древко.

— Жало, ты больше ничего не можешь сделать. Иди ко мне. И пусть Речка идет впереди.

— Не ходи, Жало,— сказала Речка.

— Духи великодушны,— продолжал Старший, будто не слышал слов Речки.— Они могут простить тебя.

Голоса воинов приближались. Они шли обратно, заглядывая в ответвления пещеры, перекликаясь.

— Если ты пойдешь сам,— сказал Старший,— я проведу тебя обратно и запру. И вы будете ждать решения духов. Если придут воины, они тебя убьют. Они злы, и я не могу остановить их. Ты знаешь. Иди.

— Не ходи, Жало,— молила Речка.

Жало на животе пополз навстречу ровному тихому голосу Старшего. Еще немного, и можно будет прыгнуть и...

Старший услышал, почуял, отступил на шаг в сторону, и Жало не смог ударить его, как хотел. Он упал рядом, ацепившись в жесткую шерсть Старшего, и с минуту было слышно лишь дыхание врагов, скрип зубов и шуршание подошв о камни. Речка бросилась на помощь, но не могла разобрать в темноте, где кто. И тут Старший закричал, и крик его заполнил всю пещеру.

— Э-эй! Сюда!

Воины были уже близко. Они навалились на беглецов. Жало отпустил Старшего, вырвался из лап воинов и прыгнул за сталагмит. Остановился на мгновение, сзади хопошились тела, визжала Речка. Что делать? И Речка словно угадала его мысли.

— Беги,— крикнула она.— Беги! Скорее беги к реке!

Жало послушно побежал вдоль пещеры, и его подгонял крик подружки.

Голос стих. Лишь отдаленное рычание воинов и невнятные слова Старшего разносились по пещере...

Павлыш вышел на площадку перед пещерой. Куда провалились все воины? Снова ушли в подземелье? Может быть, другое племя напало на них? Нет, вернее всего, что-то неладное с пленниками. Но соваться самому в черную пещеру...

Павлыш заглянул в жилище Старшего. Оно было пусто. Надо же было впутываться в эту историю... В конце концов логика требует, чтобы ты, Слава, оставил в покое эти существа. Если заняться спасением окружающих, можно добиться прямо противоположных результатов. Не вернуться ли тебе, судовой лекарь, к исполнению своих обязанностей? Но жалко парня с девушкой.

Павлыш вошел внутрь и опустился на шкуру. Здесь не донимали мухи, не стучались о забрало шлема.

Все равно сейчас из долины не выберешься.

— Отдыхаете, Павлыш?

Павлыш поднял голову. Против него на шкуре, там, где так недавно восседал Старший, уютно устроился большеглазый юноша. Он прижал колени к подбородку, подложив под него ладони, и смотрел на Павлыша в упор. Его огромные глаза были прозрачны и совсем без белков. У юноши были длинная шея и вытянутая сжатая с боков голова, словно природа старалась подчеркнуть птичье изящество этого существа. Тело юноши плотно облекая костюм без швов и складок, блестящий, будто по нему струилась темная вода.

— Размышляю, — ответил Павлыш, — и только тогда удивился. — Вы как сюда прошли?

— Я был здесь, — сказал юноша.

Мозг Павлыша усиленно работал, перебирая варианты: откуда этот юноша? Он знает русский язык. Он здесь без шлема, без скафандра, одет легко, то есть живет здесь, привычен к этому миру. Знает мое имя.

— Вы были в «Компасе»? — спросил Павлыш.

— Был. Вы спугнули меня.

— Почему вы ушли?

— Вы не спрашиваете, почему я пришел?

— Это почти одно и то же.

— Я не хотел зла. Просто любопытство. Не хотел, чтобы вы меня видели. Вы спокойно улетели бы обратно, как только дожда-

лись помощи. Но когда я понял, что меня увидели, подумал, что вас тоже охватит любопытство.

— Вы не хотели этого?

— Нет. И недооценил вас. Я не думал, что Вам удастся проникнуть в долину.

— Откуда вы знаете мой язык? — спросил Павлыш.

— Знаю.— Юноша не стал развивать эту тему. Заговорил о другом.— Простите,— сказал он,— что вам пришлось подвергнуться стольким неприятностям из-за аварии. Но, к сожалению, меня не было в те дни в долине. Я не мог прийти на помощь. Потом Старший сказал мне, что в долине видели падающую звезду. И я заинтересовался. Сначала решил, что корабль погиб. А вы добрались до маяка, не так ли?

Руки юноши все время были в движении.

— Так,— сказал Павлыш.— Несколько лет назад здесь кто-то был. Может, спускался робот?

— Несколько десятилетий,— поправил собеседник.

— И не обнаружил здесь следов цивилизации.

— Роботы могут ошибаться. Следы, которые доступны их суждению, должны быть слишком очевидными.

— Вы говорите по-русски почти без акцента.— Павлыш настойчиво и безнадежно пытался удовлетворить свое любопытство.

Юноша улыбнулся.

— Спасибо за комплимент.

— Но почему вас считают здесь духом? — спросил Павлыш.

— Вы так думаете?

— Ни Старший, ни воины не были особо поражены моим появлением. Меня это удивило с самого начала.

— Вы наблюдательны,— перебил юноша.— Теперь выслушайте меня внимательно. Я обещаю, что приду к вам на корабль и все расскажу. И о себе, и о вас, и о том, почему я знаю ваш язык. Тут нет никакой тайны. Однако сейчас у нас очень мало времени. В любую минуту сюда могут войти.

С этими словами юноша легко вскочил, он оказался высок и хрупок.

— Да, кстати, где Старший? Что с пленниками? — спросил Павлыш.

— Какие пленники?

— Жало и Речка.— Павлыш поднялся и посторонился, пропуская юношу.

— Вы уже познакомились?

— И при очень драматических обстоятельствах...

— Жало и Речка сидят в отведенной для них камере. Ничего

с ними не делается. Я там был несколько минут назад.— Юноша задержался в двери, и тонкие руки замерли в воздухе.

— Камера пуста.

— Вы ошибаетесь. Следуйте за мной. Повторяю, времени нет. Я встретил вас, совершенно случайно забредя в это помещение. Хозяин может появиться в любой момент.

— Старший тоже убежал.

— Никуда он не убежал. Так слушайте. Прошу вас не вмешиваться в дела долины. Я сейчас уведу вас отсюда лишь мне известным путем. Потом постараюсь распутать то, что вы натворили.

— Ничего такого я не натворил.

— Да не перебивайте! Вы будете ждать меня на корабле. Я приду. Приду очень скоро, может, через несколько часов. И даю слово, что все расскажу. А сейчас следуйте за мной. И чем быстрее забудут о вас в этой долине, тем лучше.

Навстречу им шел Старший.

Юноша замер на месте, и Павлыш чуть было не налетел на него.

— Поздно,— сказал юноша по-русски.— Молчите. Говорить буду я.

И тут же заверещал лингвист Павлыша, потому что юноша перешел на местный язык.

— Ты где пропадал? — обратился он к Старшему. Голос его был высок и отрывист.

Два воина, вышедшие из пещеры вслед за Старшим, остановились, попятнулись назад, в темноту.

— Великий Дух! — вскрикнул Старший, сгибаясь к земле и запрокинув при этом голову, чтобы не упускать взгляда юноши.— Повелитель духов, я виноват перед тобой. Но я думал, что он дживый дух, подосланный Великой Тьмой. Он во многом подобен простым смертным.

— Иди за мной,— сказал юноша, обходя Павлыша.— Не дело разговаривать под открытым небом. Нас могут увидеть.

— Ты прав,— Великий Дух,— согласился Старший. Пусть стены закроют нас от чужих глаз.

Павлыш увидел на лапах Старшего кровь.

— Говори,— сказал юноша, обращаясь к Старшему.— Говори, что произошло.

— Они убежали,— сказала Старший.— Я не знаю, как.

— В чем их грех? — спросил юноша.— Я видел их в пещере. Говори быстро.

— Мы поймали их,— сказал Старший.— Они бежали, но мы поймали их.

— Расскажи все сначала.

— Ты не знаешь?— Старший поднял голову, и Павлыш увидел кровоточащие порезы на его шее.

— Не спрашивай духа,— рука юноши взлетела вверх, и длинный палец на секунду замер у лица Старшего.— Ты знаешь, что нельзя спрашивать духа. Если я сказал, что хочу знать, рассказывай.

— Она была плохая,— сказал Старший.— Ты помнишь, Дух, что отец ее пришел с гор. Мы хотели убить его, но ты сказал «Пусть живет».

— Ее отца звали Немой Ураган?— спросил юноша.

— Да, Немой Ураган. Потом он хотел уйти из долины. Его пришлось унести в храм. Ты помнишь?

— Помню,— сказал юноша.— И у него осталась дочь?

— Речка. И еще был один мородой, Жало. Он тоже наслушался Немого Урагана.

— Я же велел найти путь, по которому прошел Немой Ураган, и завалить камнями.

— Путь берегла Белая смерть. Путь мог пригодиться.

— Ты хочешь сказать, что они ушли к реке?

— Да. Когда я узнал, послал вдогонку воинов. Через пещеру. Воины догнали их. И Белая смерть тоже. Но твой брат убил Белую смерть.

— Мой брат? — удивился юноша.

Старший мотнул головой в сторону Павлыша.

— Вы?

— Тут я и появляюсь на сцене,— признался Павлыш.— Чувствую теперь себя неловко. Будто залез в чужой огород и попался сторожу.

— Виноват я сам,— быстро сказал юноша по-русски.— Не надо было мне отлучаться.

— Они вернулись вместе,— сказал Старший, не глядя на Павлыша.— Воины не смели спорить с духом.

— Хорошо, что вы не продолжали творить суд и расправу,— сказал юноша Павлышу.

— Я не агрессивен,— возразил Павлыш и обернулся к Старшему, приглашая продолжать.

— Великий Дух вчера сказал, что может прийти его брат. Но глаза мои обманули меня. Я старый человек и не достоин быть Старшим. Боги наградили твоего брата плотью.

— Боги всемогущи,— сказал юноша назидательно.

— Твой брат чуть не погиб, провалившись в ловушку на тропе.

— А что с Речкой и Жалом? — спросил Павлыш.

Старший молчал, смотрел на юношу, словно ждал разрешения ответить.

— Говори,— сказал юноша,— Нам надо покинуть долину. Я вернусь.

— Мы настигли их.

— Они в темнице!

— Его скоро поймут. Воины гонятся за ним.

— Так.— Юноша наклонился вперед, чуть не касаясь Старшего кончиками вытянутых, дрожащих, как струны, пальцев.— Так.

— Не гневайся, Великий Дух. Его поймут.

— А Речка где? Что с девушкой? — спросил Павлыш.

— Ее догнали. Она дралась, как дикий зверь.

— Что с ней?

— Она умерла.

— Как? — юноша качнулся вперед.

— Я не мог остановить воинов. Она дралась. Воины были злы.

— Без моего разрешения? — Юноша взмахнул рукой, будто хотел ударить ею по камню.

«Ушибется»,— мелькнула мысль у Павлыша.

Рука свободно прошла сквозь камень. Заметив удивленный взгляд Павлыша, юноша тотчас же подтянул руку к груди и сказал быстро, словно ничего не произошло:

— Ты совершил плохое дело, Старший. Ты ослушался богов, ибо сказано, что нельзя убивать, не получив слова.

— Я виноват, Великий Дух.

Старший был и в самом деле напуган. Его даже не удивило происшествие с рукой великого духа. Он склонил голову.

— Ты убил девушку. Ты упустил Жало. Куда он побежал?

— К долине, к реке. Но его настигнут у завала. Я бы побежал с воннами, но не могу бежать быстро.

Юноша на мгновение прикрыл глаза, думал. Посмотрел на Павлыша, сказал тихо и настойчиво:

— Прошу вас, посидите здесь. Никуда не отлучайтесь. Если бы не вы, девушка была бы жива.

— Хорошо,— ответил Павлыш растерянно.

Юноша обернулся к Старшему:

— Иди за воинами. Ты вернулся, потому что боялся Жало. Ты не хочешь умереть. Иди за воинами. Я пойду вперед и увижу, куда побежал Жало. Я укажу тебе путь. Иди же.

Старший, пятась, выполз из пещеры.

— Скоро вернусь,— сказал юноша.— Я — напрямик.

Он встал и направился к дальнему углу пещеры.

— Ждите.

Он вошел в стену, словно канул в густой туман.

Жало добежал до завала. Тонкие лучики света прорывались в щели между камнями, и вдоль каждого лучика струился теплый живой воздух.

Сейчас Жало не думал о Речке. Он видел лишь камни, черные камни и свет, пробивающийся сквозь них. Толкнул глыбу, она чуть шевельнулась, но не сдвинулась с места. Теперь уже были слышны шаги и крики, совсем недалеко, а может, еще далеко — звук по пещере летит не так, как на земле.

Жало навалился на камень плечом, отпрыгнул в сторону, когда камень все-таки не поддавался, отбежал на несколько шагов, снова бросился на глыбу, и снова неудача. Было бы время, он не спеша расшатал бы камни, нашел бы тот, который держит завал.

Шаги на мгновение затихли. Воины слушали.

— Он там! — это был голос Инея.

Жало толкнул самый верхний камень, тот покатился, лучи солнца ослепили беглеца.

— Вот он, — голос был совсем близко.

Жало нырнул в отверстие и, обдирая бока, рвался наружу, как червяк, зажатый в пальцах. Он тянул себя руками, перебирая ими по откосу, подтягиваясь к острым краям скал. В последний момент в пятку ударило копьё, брошенное подбежавшим, но Жало уже катился по камням и траве, не чувствуя боли, вскочил на четвереньки и побежал громадными скачками вперед, к реке.

Его спасло как раз то, что он не сумел разобрать завал у входа в пещеру. Отверстие, сквозь которое он выскользнул, было слишком узко, сам он сквозь него протиснулся лишь подгоняемый страхом смерти. Первый же воин, устремившийся за ним, плечами заклинился в камнях, и прошло несколько минут, прежде чем улеглась свалка: разгоряченные погоней, запахом крови, воины мешали друг другу. А когда они, наконец, выбежали в долину, юноша был уже у самой реки.

Он приостановился на мгновение. Глаза привыкли к свету, страх отступил. Жало метнулся за дерево, обернулся. Воины, суетившиеся у входа в пещеру, казались маленькими, почти не страшными. Река бурлила на перекате, и Жало знал, что надо уйти дальше, на ту сторону, к низким холмам.

Он ступил в воду. Вода была теплее, чем в ручье, протекавшем у деревни. Но в ручье вода лишь чуть покрывала камни на дне, здесь впереди она становилась темной, и не видно было дна. Воины заметили его и бежали вслед. Из-под раненой ступни потянулась красная струйка, смешалась с водой, и мелкие черви уже сплывались, чтобы полакомиться кровью.

Жало сделал шаг вперед, и нога провалилась по колено в мяг-

кий ил. Вода подталкивала беглеца. Он зашел по пояс. Тот берег был еще очень далеко. Юноше показалось, что воины уже догоняют его. И он, ступая вперед, оглянулся. Нет, воины отстали... Нога потеряла опору, Жало с головой ухнул в воду. Река подхватила его и понесла, крутя, затягивая вглубь, не давая вздохнуть...

Жало рванулся вверх, к воздуху, мелко дергал руками и ногами... Может, он бы и выплыл. Наследственная память о тех отделенных временах, когда предки его жили у воды и умели плавать и нырять, существовала где-то в теле. Но река была быстра. Она не давала плыть, крутила в водоворотках, но она же и выбросила его на недалекий перекат, ударив о гальку. И, не сознавая, что делает, Жало резко выпрыгнул из воды, как испуганная рыба.

Здесь было мелко.

Жало стоял, широко расставив ноги, не решаясь сделать ни шага. В ушах, залитых водой, стоял ровный шум. Но где преследователи?

Жало посмотрел назад. Воины уже подбежали к реке, не у переката, а там, далеко, где его подхватила и потащила река. И Жало увидел, как один из воинов поднял руку с копьем.

Когда копье шлепнулось в воду, чуть не долетев до беглеца, Жало уже бежал. Снова провалился по пояс, но тут же дно поднялось, он бежал уже по мелкому, прозрачному, теплomu песку, плесу, а воины кричали что-то вслед и не решались войти в реку, потому что боялись большой воды.

Жало забился в кустарник, пополз в глубину, забыв о зверях, что таятся в колочках, оставляя за собой клочья шерсти и пятна крови. Кусты вновь смыкали над ним ветви, и Жало полз и полз, пока не потерял сознание.

Очнулся он, может, через несколько дыханий, а может, через половину дня. Рядом кто-то беззвучно шел сквозь кустарник. Жало не тронули ни ззеря, ни птицы, ни змен. Но в непостижимом, бесплотном, беззвучном присутствии кого-то была беда, опасность. Жало замер, заставив себя прервать дыхание. Он смотрел между воздушных корней.

Там, через прогалину, быстро шел Дух. Нет, не тот, утренний, добрый, а настоящий Великий Дух, которого Жало видел, когда его и других мальчиков Старший привел в храм, где они должны были пройти Первое испытание. Тогда этот Дух сидел на троне, одетый в золотой плащ, окруженный ярким сиянием. Тогда Дух был милостив и спрашивал о разном. И велел делать нечто, о чем и Жало и другие мальчики забыли, потому что Великий Дух приказал им об этом забыть.

Дух шел прямо, кусты перекрывали ему путь колючими ветвями, но он не останавливался, не разводил ветви.

Колючки входили в его грудь и пронзали ноги, корявые стволы исчезали в нем и выходили вновь из спины. Для Духа не было преград. Дух искал его, Жало, ничтожного беглеца, нарушившего закон долины, убежавшего от смерти. Жало вспомнил, это велено было запомнить в храме, что он должен всегда и во всем слушаться Старшего, потому что Старший выполняет волю богов. И горе тому, кто осмелится этого не сделать.

Дух был один. Воины, видно, остались у реки.

Дух остановился, будто в нерешительности. Наверно, почувал беглеца. Дух смотрел в ту сторону, где укрылся Жало.

— Выходи,— сказал он громко.— Выходи и будь послушен. Я вижу тебя.

Руки оперлись о траву, подчиняясь приказу, дрогнули ноги, но Жало был слишком слаб, и слабость эта задержала его, не позволила даже открыть рот, чтобы откликнуться, отдать себя во власть всемогущему, всевидящему духу.

И случилось странное: Дух отвернулся от тянущегося к нему Жала и громко сказал:

— Выходи, я вижу тебя!

Но теперь он не мог видеть Жало. Он смотрел не на него. И Жало вдруг понял, что Дух не всемогущ, что Дух не увидел его, говорил просто так, пугал.

Дух пошел дальше, проходя сквозь кусты, сквозь стволы низких деревьев, бесплотный, но схожий с человеком. Кусты не шевелились, и не было слышно шагов.

И Жало вновь потерял сознание.

— Логическая неувязка,— сказал Павлыш вслух. Растерянный и обиженный, он все еще послушно сидел на шкуре. Почему он виноват в смерти Речки? Наоборот, он же спас ребят от Белой смерти. И убежали Жало с Речкой, во второй раз убежали, без его помощи. Он был тогда внизу, у храма.

Юноша, кажется, недоволен пребыванием здесь чужого человека. Да, а как же он проходит сквозь стены? Значит ли это, что на Форпосте обитает раса существ, которые способны проникать сквозь материю? Значит, цивилизация долины высокоразвитая и в то же время не технологическая — без городов, машин...

Где же спрячутся представители этой расы? Под землей? В океане? И посылают миссионеров к отсталым племенам.

Космос велик. Люди коснулись лишь самых краев его, разгадали

лишь первые тайны... И уж совсем сказочный образ возник в мозгу Павлыша: раса существ бесплотных, полупрозрачных, живущих в воздухе, в облаках, повелевающая приземленными грубыми дикарями... Чепуха! Юноша вполне телесен, никуда он не взлетал, и если надо было, убегал на ногах. А камень? Как рука прошла сквозь камень? Движение было нечаянным. А почему тогда он не провалился в землю?

Павлыш постучал пальцем по плоскому камню-столу. Камень был прохладен и тверд. Над проницаемостью бились многие ученые, но пока без практических результатов. Павлыш подошел к стене, к тому месту, в которое ушел юноша. Никакой потайной двери, никакой щели. Все происходило без фокусов. И вряд ли можно говорить об оптических иллюзиях.

Невнятные голоса донеслись снаружи. Зашуршал лингвист, но не смог разобрать, о чем говорят.

Павлыш подошел к выходу. В долине потемнело, потому что солнце скрыла рваная туча, она шла низко, касаясь вершин скал. Два воина спускались по тропе, волоча за собой человеческое тело. Остановились перед трещиной, куда чуть не провалился Павлыш, наверное, совещались, как перетащить тело. А на дне долины, у хижин, тоже возникло движение, словно туда докатилась весть о чем-то неладном. Горстка темных фигурок неуверенно и бестолково подошла к ручью и замерла на берегу, словно ручей был рубежом, который невозможно перейти.

Роль наблюдателя, зеваки интересна лишь до тех пор, пока не почувствуешь, что обязан вмешаться, что необходима твоя помощь.

Черт с ним, с обещанием сидеть в пещере. Павлыш быстро пошел вниз, к воинам.

Один из воинов ловко перескочил через трещину, второй перекинул ему конец веревки, обмотанный вокруг тела девушки, затем последовал за ним. Вдвоем они потянули тело к себе, оно сползло в трещину, глухо ударилось о стену. Вонны выволокли его наверх и пошли дальше, вниз, не оглядываясь. Желтая пыль поднималась от их шагов, клубилась над Речкой.

Павлыш догнал их у храма. Один из воинов услышал шаги, оглянулся, не испугался, решил, что Дух следит за их действиями. Они втащили тело в темную дверь, и тут же вышли, присели на ступеньках.

Дверь медленно закрылась.

Павлыш поднялся по ступеням храма, дверь мягко поддалась. За нею был небольшой круглый зал со слабо светящимся куполом потолка. Тела Речки здесь не было.

Павлыш стоял спиной к полуоткрытой двери, глядел на пол, где

должно было лежать тело девушки, и чувствовал физическую усталость от мелких загадок планеты. Воины не могли унести Речку далеко. Для этого просто не хватило бы времени. Подходя к храму, Павлыш отлично видел, что они были внутри меньше минуты, ровно столько, сколько требовалось, чтобы втащить тело, оставить его в зале и вернуться к выходу. Никакого люка в полу не было. Камень. Выровненный, правда, но самый настоящий сплошной камень. Значит, если отвергнуть мистику, кто-то уже ждал воинов и взял у них тело. Отнес куда-то дальше, во внутренние помещения. Возможно, другие воины или служители храма. Должна быть еще одна дверь. Значит, сейчас Павлыш стоит в «прихожей».

ХРАМ

Свет, падавший прямоугольником от входа, чуть-чуть не достигал дальней стены, и по освещенному полу от башмаков Павлыша протянулись две темные полосы — тень ног, которая доходила до каменной плиты у дальней стены. Там слышались легкий стук, возня, глухие шаги.

Павлыш достал пистолет, взвесил на ладони и положил обратно. Как сказал юноша, он уже достаточно натворил бед в долине. Да и вряд ли воины осмелятся тронуть духа, если на то нет специального указания Старшего.

Павлыш обогнул плиту, за ней был ровно вытесанный проем. Прежде чем ступить в темноту очередного за сегодняшний день коридора, Павлыш включил шлемовый фонарь, запрокинув голову, посмотрел вверх. В каменном косяке была щель — дверь опускалась сверху.

Будь что будет. Павлыш быстро шагнул за порог.

— Есть кто живой? — спросил Павлыш. Повел головой — конус света метнулся по стенам...

И тут же зажегся свет. Он возник сверху, разгораясь, обозначая сперва темные формы окружающих предметов, потом заполняя в углы, выстраивая вещи, давая им цвет и фактуру.

Тело девушки лежало на низком ложе, покрытом светлой блестящей тканью. Голова была повернута набок, губы приоткрыты, руки приподняты к груди, словно в попытке защититься, судорожно сжаты темные кулачки. За ложем — длинный серый пульт. Кнопки, индикаторы, экранчики-глаза. Щупальца повисли безжизненно, замерли под разными углами. Две машины на многочисленных ножках застыли неподалеку, перемигиваются огоньками. Наверное, это роботы. Дальше, в глубине огромного зала были ящики, шкуры жи-

вотных, банки и сосуды с внутренними органами, с образцами растений. Странный музей или лаборатория — жилище миссионера.

А вдруг юноша тоже гость здесь? Не смог улететь, застрял, коротает век, командуя диким племенем?

Размышляя так, Павлыш склонился над девушкой. Может, еще можно помочь? Может, еще жива?

Девушка была жива.

Формально жива. Раз, другой сократилось умирающее сердце. Пропал, снова возник пульс. Павлыш достал из ранца диагност, включил. Роботы: подъехали поближе, Павлыш сказал им:

— Не мешайте.

Один из роботов отстучал непонятно. Зацокал.

Лингвист молчал — не понял.

Проводки, тончайшие гибкие кабельки протянулись от диагноста к телу девушки. Работая, диагност готовил шприц. Присоски обхватили шею девушки, под давлением вгоняя под кожу стимулянты. Диагност мог оказать первую помощь, не советуясь с Павлышем. Откинулась крышка, выскочила пластиковая карточка. Павлыш прочел предварительные данные: переломы, ссадины, ушибы, повреждения внутренних органов, кровоизлияние. Бедный ребенок... Павлыш открыл карман-аптечку. «Возможен легальный исход» — заключил диагност.

Диагност выкинул вторую карточку — результаты анализов. Без них нельзя было продолжать лечение. Состав крови, антитела, температура. Нужна вода. Местная вода.

— Послушай,— сказал Павлыш роботу, пользуясь лингвистом, настроенным на местный язык.— Сбегай за водой к ручью.

Робот не двинулся с места.

— Не понимаешь, когда с тобой разговаривают?

Робот молчал.

— Придется самому сходить. Только предупреждаю,— сказал Павлыш строго,— чтобы до девушки не дотрагиваться. Ясно?

Потом диагносту:

— Останешься здесь, лапушка. Чуть что — сигнализируй.— Павлыш настроил внутреннюю связь своего прибора на диагноста. В ушах неровно застучало сердце Речки, со всхлипом тянулся воздух в легкие...

Павлыш побежал к выходу за водой.

Роботы стояли неподвижно.

У входа воины пытались задержать растрепанную женщину. Та рвалась к ступеням, что-то кричала. Несколько других женщины стояли поодаль, не вмешивались, лишь подбадривали нападающую, ругали воинов.

Щелкнул и включился лингвист:

«Убийцы! Звери, подземные черви! Убийцы!» — лингвист пытался перевести речи всех женщин одновременно, торопился, сбивался, сам себя перебивал:

«Отойди! Узнает Старший, ты не будешь жить! Не кусайся!» Это слова воинов. И снова:

«Убийцы! Где мои дети? Я видела снизу! Мы видели снизу, как вы тащили Речку! За что ее убили? Звери!»

Всины не решались пустить в ход копьа, опасались остальных женщин, может быть, их собственных матерей, теток, сестер.

Первыми Павлыша увидели женщины, стоявшие в стороне.

— Дух! — закричала одна из них.

Женщины отпрянули, спрятали лица от взора духа. Замерли воины. Лишь мать, не слыша ничего, пыталась пробиться к храму.

— Остановитесь,— сказал Павлыш.

Женщина услышала его. К удивлению Павлыша, она не склонилась, как остальные, ее ярость удвоилась.

— Ты убил ее!

Воины скрестили копьа, женщина повисла на них.

— Ты их мать? — спросил Павлыш.

— Убийца!

— Она мать Жала,— сказал воин.

— И Речка ее дочь,— крикнула из толпы старуха.

— Мои дети. Где мои дети?

Женщина укусила одного из воинов в плечо, и тот выпустил копьа.

— Ты жестокий, Дух! Духи — убийцы! Они убили моих детей.

Женщины поддекивали ей, но тихо, прикрывая лица руками.

— Спокойно,— сказал Павлыш,— я пока никого не убил.

— Вот придет Старший, он узнает о твоих словах, женщина,— сказал воин, вцепившись здоровой рукой в волосы женщины.

— Где Речка? Где Жало? — кричала женщина.— Они были красивые, смелые, добрые. Они лучше всех в деревне! За что ты убил Речку? Я видела, как тащили ее, чтобы духи вынули из нее сердце.

— Сколько же нужно повторять,— закричал тогда Павлыш, чтобы перекрыть гам.— Речка жива. Она только больна, ранена.

— Пусти меня к ней.

— С удовольствием. Только сначала нужна вода. Кувшин с водой. Пусть мне принесут.

— Вода?

— Да, для Речки. Она хочет пить, разве не понятно?

— Сейчас,— сообразила девушка из толпы и помчалась по тропинке вниз, к ручью.

— Дух просит воды! — подхватили другие женщины.
Еще две или три из них бросились вслед за девушкой.

— Ну вот, вроде намечается прогресс, — подумал Павлыш. — Юноша опять будет недоволен, хотя я, кажется, укрепляю его репутацию среди жительниц долины.

— А где Речка? Я хочу ее видеть, — обратилась к Павлышу мать Жала.

— Погоди. Принесут воду, вместе пойдем.

— Ей больно?

— Она выздоровеет, — заверил женщину Павлыш. — Через полчаса или через час вы сможете взять ее домой.

Воины успокоились, уселись на ступеньки у ног Павлыша. Мать стояла, сгорбившись, глядела в землю. Ждала. Она непочтительно говорила с Духом, за это она заслужила ксру.

Капли дождя взбили пыльные фонтанчики на площадке, потемнело.

— Будет большой дождь, — сказала старуха, вроде бы та, что встретила недавно Павлышу у ручья. Она осталась стоять на краю площадки.

— Старуха знает травы, — сообщил доверительно воин.

— Это хорошо, — согласился Павлыш. — Она пойдет со мной в храм.

— Людям можно входить в храм, — сказал воин, — только когда Великий Дух призовет их.

— Я не пойду, — сказала старуха. — Если Старший отдаст Речку матери, я приду в ее дом.

Две девушки, запыхавшись, волокли по тропинке кувшин с водой.

— Давайте возьму, — сказал Павлыш.

Девушки не посмели приблизиться к нему, опустили кувшин на землю. Павлыш поднял его и, восходя по ступенькам, сказал матери:

— Можете идти со мной.

Потом воинам:

— Вас я позову потом.

Женщина семенила за Павлышем, не оглядываясь, не отставая. Роботы, завидя ее, двинулись было навстречу. Павлыш остановил их:

— Без вас обойдемся. А то обесточу.

Роботы не поняли. Они, тихо жужжа, подбирались к женщине. Усики на их шлемах шевелились. Женщина зажмурилась от яркого света.

Павлыш опустил кувшин возле ложа, выставил руки вперед, решительно отпихнул роботов. Те остановились.

— Прямых действий вы побаиваетесь,— сказал Павлыш. Обернулся к женщине:

— Гляди на свою Речку, только не мешай мне. Машины тебя не тронут.

Женщина опустила на корточки в ногах Речки так, чтобы не выпускать роботов из виду, опасливо косилась на них. И шептала: «Что они сделали с тобой, маленькая? Что они с тобой сделали».

Диагност уже заготовил целую кипу карточек-докладов о состоянии больной. Павлыш забрал карточки, быстро просмотрел их. Женщина разглядела диагност и спросила:

— Что он там делает?

— Это мой друг,— сказал Павлыш,— маленький дух. Он лечит. Женщина гладила ступни девушки.

Не было кружки, чашки. Пришлось отвинтить колпачок с фонарика диагноста. Павлыш растворил лекарства в воде, дал их попробовать маленькому духу. Тот сверил состав со своими данными, дал «добро». Павлыш влил содержимое колпачка в рот Речке. Другой рукой держал кисть. Пульс был ровным. Диагност не терял времени даром. Лекарства оказывали должный эффект. Речка застонала, приподняла руку, словно защищаясь, открыла глаза. Павлыш думал, что девушка испугается, но она сразу узнала его.

— Ты здесь? — сказала она чуть слышно.— Где Жало?

— Он убежал от них,— сказал Павлыш.

— А где ты был раньше? Почему не пришел?

— Я не знал.

— Плохо,— сказала девушка.— Они меня били.

— Все,— сказал Павлыш.— Больше этого не повторится. Но не был уверен, что говорит правду — сегодня он уйдет отсюда и оставит их беззащитными. Кто же этот юноша?

— Не уходи от нас,— сказала Речка.

Теперь его присутствие она воспринимала как нечто естественное. Он был ее дух. Добрый дух, потому что она верила в духов и хотела в них верить, ибо миром, даже таким бедным, люди управлять не в состоянии. Могучие силы неба и подземелий поступают, как хотят, с маленькими людьми.

— Не уходи,— прошептала мать.

— Вы с ума сошли, Павлыш,— резко произнес голос от входа.— Я же просил, умолял вас оставаться у Старшего. И вы обещали больше не вмешиваться в дела долины.

Юноша отмахнулся от жалобно загудевших роботов, подошел ближе.

При виде его мать упала ниц. Он был настоящим хозяином долины.

— Девушка жива? — удивился юноша. — Старший сказал, что ее убили.

— Она умерла бы, если бы я не пришел сюда, — сказал Павлыш.

Резкость в голосе Павлыша заставила юношу метнуть к нему тонкие пальцы, словно умоляя о чем-то. Руки тут же взились вверх, к пульсирующим глазам.

— Не думайте, что я — изверг, — сказал юноша. — И не воображайте, Павлыш, что попали в какой-то притон убийц. Я вам искренне благодарен, что спасли девушку. Это у вас диагноз? Очень любопытно. Смерть девушки не входила в мои планы. Но поймите, мы имеем дело с примитивной цивилизацией. Жестокости присущи разумным существам на этой стадии развития. Независимо от вашего вмешательства девушка была бы мертва, так уж написано ей на роду.

— Почему же? — спросил Павлыш раздраженно. — Кто предписывает ей умереть?

— Не я, — сказал юноша. — Ее собственная жизнь, ее поступки, которыми я стараюсь руководить. Она по своей воле убежала на рассвете из долины, и ее убила бы Белая смерть. Я не знал об этом. Я не могу читать мысли. Вы ее спасли. Очень хорошо. Но не прошло и часа, как она убежала снова. И я поверил Старшему, что она мертва. Поверил, в этом моя ошибка, но я не застрахован от ошибок.

— Хорошо, — сказал Павлыш. — Не спорю. Я не знаю ничего о вас, вы обо мне знаете много.

— Я обещал все рассказать и расскажу, как только вы вернетесь на корабль.

— Не уверен, что смогу ждать.

— Почему?

— Как вам объяснить? Когда вмешиваешься...

— Кто вас просил об этом? Неужели вас не учили на Земле, что недопустимо вмешиваться в чужие дела?

— А вы?

— Я? Между нами разница в том, что я знаю, что делаю, вы же действуете вслепую. — Великий Дух приблизился к женщине. — Раз девушка жива, можете забрать ее домой.

Юноша не скрывал, что доволен таким оборотом дела. Он сказал что-то роботам, и те подкатились к ложу. Женщина приподнялась, оскалилась, защищая Речку.

— Не бойся, — сказал Великий Дух. — Они только унесут твою дочь к выходу.

Речка попыталась вырваться из цепких щупальцев роботов, но силы оставили ее.

— Погодите,— сказал Павлыш юноше.— Отгоните своих церберов.

— Кого?

Павлыш уже подхватил девушку на руки и пошел к выходу. Мать шла рядом, поддерживая ноги дочери.

Юноша молча последовал за ними.

У выхода, на ступеньках, Павлыш остановился и, не оборачиваясь, сказал Великому Духу:

— Пусть ее отнесут воины.

— Я как раз собирался это сказать.

А когда, проводив взглядом воинов, послушно и на этот раз осторожно несших девушку к деревне, возвратились в храм, Павлыш сказал:

— Надеюсь, Старший не будет преследовать ее?

— Я ему скажу,— согласился юноша, указывая Павлышу на ложе, еще теплое от тела девушки.

Павлыш подобрал с пола диагноста, уселся. Юноша прошел к пульту, взглянул на показания приборов.

— Надвигается большая гроза,— сказал он.

— Это вас беспокоит?

— Старший с частью воинов остался у реки. Ищут Жало.

— Они убьют его?

— Я приказал доставить его живым.

— Если он дастся живым им в руки,— заметил Павлыш.— И если они совладают с желанием убивать.

— Они должны уже вернуться. Они ищут вдоль стены. На том берегу его нет.

— Вы сами смотрели?

— Да, сам. Воины сказали мне, что он перебрался через реку. Боюсь, что это только их воображение. Они боятся оставаться у реки. Там дикие племена. Меня беспокоит, что Жало может найти общий язык с дикарями.

— Ну и пускай находит. Вы предпочли бы, чтобы он был убит, если не воинами, то дикарями?

— Лучше бы он умер,— сказал юноша сухо.

— Да почему же? Я устал от загадок.

Юноша в волнении прошел сквозь ложе и Павлыш чуть было не сказал ему: «Осторожнее, ударитесь о край». Но не успел, ноги юноши вошли в ложе, будто их отрезало по коленям. И через шаг юноша восстановился полностью, не заметив даже, что столь свободно проник сквозь очевидно плотное вещество.

— Я продолжаю настаивать, чтобы вы ушли,— сказал юноша.— Я не могу вас удалить отсюда силой.

Павлыш заупряился. Он подозревал, что, уйдя он сейчас отсюда, никогда не узнает, что же все-таки здесь происходит.

— Я боюсь промокнуть, — улыбнулся он.

— Вы же в скафандре, — не оценил юмора юноша.

— Все равно боюсь. Давайте пойдем на компромисс: вы мне вкратце рассказываете, чем вы здесь занимаетесь, и я покидаю вашу вотчину.

— Вотчина? Не знаю этого слова.

— Ваши владения.

— Точнее, нашу лабораторию, — сказал юноша. — Тогда подождите минуту. Одну минуту.

И юноша исчез. Растворился в воздухе. Заметались стрелки приборов и застыли. Роботы стояли неподвижно, будто привыкли, что их хозяин проваливается сквозь землю. Павлыш невольно оглянулся — не возник ли юноша за его спиной. Но его не было.

Юноша появился на том же месте.

— Вы не утомились?

— Почему?

— Я отсутствовал три минуты.

Павлыш вздохнул, сказал:

— Я уже привыкаю к тайнам. Может, вы сядете?

— Нет, я не устал. И мне удобнее говорить с вами так. Привычка.

— А где вы были?

— Я? Выключался. Мне пришлось покинуть лабораторию. Кстати, мне сказали, что «Сегежа» вышла из большого прыжка в этой системе. Так что ждите гостей.

— Спасибо, — сказал Павлыш, — вы хорошо информированы.

— В том-то и дело, что недостаточно. Иначе бы не произошло неудачи с обнаружением вас. Я получил разрешение рассказать вам обо всем, чтобы избежать дальнейших недоразумений.

Наконец-то, подумал Павлыш. Слушать юношу было трудно. Он бегал по комнате, махал руками, возникал то перед Павлышем, то сзади, и Павлышу приходилось все время вертеть головой, чтобы уследить за собеседником.

— Меня здесь нет, — сказал юноша. — Не знаю, поняли вы это уже или нет. Я нахожусь далеко отсюда, на другой планете. В лаборатории, у себя дома. То, что вы видите, — трехмерное изображение, управляемое мной. Мое изображение. Копия.

— А я решил, что вы способны проникать сквозь стены.

— К сожалению, нет. Это доступно лишь оптическому двойнику.

Юноша быстро подошел к Павлышу и пошел прямо в него.

Тело инстинктивно среагировало на возможный надвигающийся удар, а мозг не успел дать телу приказ оставаться недвижимым. Юноша слился на мгновение с Павлышем, затем оказался позади него, и оттуда донесся насмешливый голос:

— Потускнел ли свет, когда ваши глаза находились внутри меня?

— Честно говоря, не знаю,— признался Павлыш.— Я зажмурился. И вы повторяете все движения своего двойника?

— Нет, это сложнее. Мне пришлось бы бегать часами. Это непрактично. Чаще всего, если мне не надо покидать храм, я воспроизвожу движения, которые делает моя копия. Как сейчас, например. Лаборатория напоминает это помещение храма. Лишь в исключительных случаях моя копия покидает храм. Тогда я управляю своей копией, как марионеткой.

— А обычно в этом не возникает нужды?

— Я, то есть моя копия, находится в храме. Старший приходит ко мне за советом и приказами. Отсюда же я могу наблюдать за всем, что происходит в деревне. Поглядите.

Юноша сказал что-то роботу, и тот подкатился к пульту. Один из экранов засветился, превратился в овальное окно в долину, прорубленное в скале, неподалеку от крайней хижины. Отсюда была видна дорожка вдоль ручья. Перед второй с краю хижинной стояли оба воина, беседовали о чем-то, не спешили возвращаться наверх. Неподалеку судачили женщины, иногда одна из них забегала в хижину.

По приказу юноши робот увеличил изображение до таких размеров, что лицо младшего воина заняло весь экран. Можно было разглядеть каждый волосок на лице, клык, прикусивший нижнюю губу, черные жилки в желтом зрачке. Воин оглянулся, посмотрел на Павлыша.

— Он не увидит экрана,— сказал юноша.— Приемное устройство хорошо замаскировано в скале. У меня здесь еще несколько экранов, они контролируют различные части долины. Мы установили их во время экспедиции.

Лицо уменьшилось, отъехало вдаль, снова вся деревня была в поле зрения наблюдателей.

— Вы здесь — нечто вроде этнографической экспедиции?

— Не совсем так. Мы в самом деле великие духи долины, повелители этих существ.

Дождь, сыпавший редкими, крупными каплями, вдруг обрушился на деревню, в несколько секунд загнал воинов и женщин в хижины.

— Жалко, что у нас нет экранов в хижинах. Но это невозможно

сделать, пока они не научатся строить каменные дома. В пещеры переселить их не удалось. Там слишком сыро.

Дождь хлестал по земле, вода бурвила канапки, стекала к ручью, распухавшему на глазах. Грохот грома проник сквозь камни стен.

— Планета эта обнаружена нами около ста лет назад. Здесь жили племена, стаи дикарей, разум у них лишь пробуждался. Это было необыкновенное везение. Не так ли?

— Так,— согласился Паавыш.

— Мы вышли в космос раньше землян,— сказал юноша.— Мы видели больше, знаем больше. Но лишь здесь нам удалось застать редчайший момент в создании разумного существа — рождение цивилизации, ее зарю. Мы могли бы устроить здесь базу, могли изменить планету, приспособить ее для своих нужд. Но мы оставили все как есть, чтобы наблюдать, как развивается здесь жизнь — поколение за поколением, ждать, пока они изобретут колесо, научатся разводить огонь, взлетят в небо. И на это, мы знали, потребуется много тысячелетий.

Робот по знаку юноши подкатился к пульта, включил еще один экран. Долина реки терялась в тумане ливня.

— Ничего здесь не увидишь,— сказал юноша.— Куда же девались воины?

Ручей превратился в широкий поток, и желтая вода приблизилась уже к хижинам, обтекала, вздыбливаясь, забытый на тропинке кувшин.

— Мы установили экраны в некоторых точках планеты, чтобы наблюдать за жизнью ее обитателей. Но этого было недостаточно. Мы — ученые, для нас возможность поставить эксперимент слишком соблазнительна. И вот лет семьдесят назад, я считаю по земным нормам, мы, группа ученых, добились разрешения провести на планете опыт, направленный на благо этой планеты. Нашли эту долину, достаточно обособленную и легко контролируемую. Здесь обитало небольшое племя. Мы прилетели сюда, остановились в горах. Первым делом закрыли единственный естественный выход из долины, но крайней мере тогда мы полагали, что он единственный. Приспособили одну из пещер для наблюдательного центра, установили здесь оборудование для связи и контроля, экраны для слежения за повседневной жизнью племени. Затем экспедиция покинула планету. Место в этой лаборатории занял мой предшественник, точнее, его оптический двойник. Так пещера стала храмом, а он — Великим Духом.

— Вы стали управлять развитием жителей долины?

— Да. Мы решили ускорить эволюцию. Причем, повторяю, не

в масштабе всей планеты — пусть развивается, как ей положено; мы поставили новый, по-своему грандиозный опыт над небольшой группой. Ну и ливень,— воскликнул юноша,— большая река выходит из берегов. Я такого даже не помню. Как бы вам не пришлось остаться здесь, пока не схлынет вода.

— Похоже, что так,— сказал Павлыш равнодушно. Его захватил рассказ.— Кончится дождь, вода спадет. Не будет же ливень продолжаться вечно.

— Мы не могли ждать тысячу лет, пока они научатся разводить огонь, и десять тысяч лет, пока они изобретут колесо. Но мы могли научить группу людей разводить огонь. И второе. Мы полагали, что физическая эволюция жителей планеты еще не завершилась, можно влиять на нее. Генетически. Пятьдесят пять лет за этим пультом провел мой предшественник. Пятнадцать лет здесь работаю я.

— Сколько вам лет?

— Много,— улыбнулся юноша. Он спешил.— Каждого ребенка, родившегося в долине, приносят в храм. Воины оставляют его во внешнем помещении, далее ребенок попадает в руки к роботам. Они тщательно исследуют малыша, затем вся генетическая информация о нем передается в лабораторию. Если существуют доступные исправлению генетические изъяны, они исправляются. Если ребенок не способен дать хорошее потомство, мы принимаем меры, чтобы потомства у него не было. Часть особей мы ликвидируем. Долина невелика, и приходится тщательно контролировать количество едоков.

— Вы их убиваете?

— Для блага остальных. Не будь этого, долина была бы уже перенаселена. А мы не можем привозить сюда пищу или загонять в долину долгоногов. Не смотрите на меня укоризненно. Вы забываете, Павлыш, что мы проводим эксперимент. Цель его — ускорение эволюции на планете, то есть благо для планеты. Не уничтожь мы ребенка с плохими задатками, из него вырастет идиот или бесплодный мутант, и он умрет сам по себе, но предварительно отнимет у достойных пищу.

— Но почему не позволить части племени покинуть долину?

— Потому что эксперимент, а вы, как ученый, должны знать это, может проводиться лишь в чистой обстановке.

Внешние факторы слишком сложны, чтобы их учесть. Остальная планета для нас — контрольный полигон. Только тщательно изолировав долину, мы можем сравнивать ход эволюции. На чем я остановился? Да, мы внимательно наблюдаем за каждым ребенком в племени, выясняем, на что он способен, подыскиваем ему потенциальную пару,— ведь то, что природа совершает, перебрал множе-

ство ошибочных вариантов, вслепую, мы должны делать безошибочно. Наконец, в один прекрасный день мы вызываем подростков в храм, где вновь обследуем их, вводим в мозг нужные нам идеи, знания, инстинкты, условные рефлексы. Подвергаем подростков влиянию направленной радиации, для того, чтобы в их потомстве вызвать благоприятные мутации. А волю нашу им сообщает Старший. Уходя из храма, подростки забывают, что здесь было, помнят лишь сияние Великого Духа и знают, что воля его нерушима.

— И никогда не бывает срывов?

— Никто не гарантирован от этого. Мы не волшебники, а ученые. Мы — повитухи новой цивилизации. Может быть, со стороны наша работа кажется не гуманной, но...

Павлыш перебил его:

— Вы замечательно выучили язык. Когда и как?

— Не напоминайте. Пришлось вытерпеть информационные уколы. Зато, уверен, русский язык я знаю лучше вас, имею большой словарный запас.

— Может быть,— согласился Павлыш.— На вашей планете есть хранилище языковой информации?

— Да, в том числе все основные языки Земли. Информационный раствор вводится прямо в мозг. Инфорастворы необходимы и в нашем эксперименте. На других планетах обучение земледелию длится сотни поколений, в долине это заняло полчаса. Выйдя из храма, «обработанные» туземцы знали о пахоте, севе и уборке все, что им положено было знать.

Павлыш поднялся с ложа, пошел к юноше и остановился в двух шагах от него. Неприятно было сознавать, что можно протянуть руку и пронзить собеседника пальцем.

— Вы слышали девиз иезуитов: «Цель оправдывает средства»?

— Когда вы помещаете животное в зоопарк, вы так же проявляете к нему жестокость. Вы заставляете его трудиться в цирке или таскать повозки. Вы режете обезьян, прививаете им мучительные болезни,— равнодушно сказал юноша.

— Но мы делаем это для людей. Разница между ними и животными — разум!

— Где начинается разум? Только ли инстинктами руководствуются обезьяны? Вы сказали, что, производя опыты над животными, руководствуетесь благом разумных существ, царей природы. Существ, добившихся права называться разумными. Жители этой планеты делают лишь первые шаги к разуму. Им нужен ментор, учитель, ибо путь к разуму труден и долог. Ментор может облегчить этот путь. В конце концов, укорачивая этот путь, мы оберегаем их от излишних жертв. Вами же сейчас руководят чувства. Настоящий уче-

ный обязан отказаться от чувств. Чувства приводят к ненужным трагедиям.

— Да,— согласился Павлыш.— Мною руководят чувства, но... Я говорил с вашими подопытными кроликами, со Старшим...

— Старший — умница, великолепная мутация, гордость моего предшественника...

— Вот видите. А мне он неприятен...

— Опять эмоции. Он — помощник богов. Когда-нибудь благодарные потомки поставят ему памятник в этой долине.

— Но я говорил и с Жало и с Речкой. Думали ли вы, что заставило их с риском для жизни убежать из долины? Инстинкт?

— Не совсем так. Жало попал под влияние Немого Урагана. Немой Ураган был чужим в этой долине. Он пришел в нее случайно, через неизвестный нам проход в скалах. Мы позволили ему остаться здесь, потому что думали, что влияние его будет ничтожным. Даже интересно было подключить свежую генетическую струю в нашу группу. Мы ошиблись. Его пришлось со временем ликвидировать.

— Почему?

— Не прижился в долине. Он привык к большим просторам. Он — охотник. Кроме того, он был организован куда ниже, чем наши подопечные. Даже речевой аппарат у него был недостаточно развит. Мы бы с удовольствием отпустили его на волю. Я уже намеревался стереть у него память о долине и приказать воинам унести его к реке. Но он убежал раньше, чем я успел привести свой план в исполнение. Вернули его в безнадежном состоянии. Он все равно бы умер. Излишняя наша мягкость привела к неприятностям.

— Вы очень легко это говорите.

— Мне лично искренне жаль эти существа. Как жалко любое живое существо, разумно оно или нет. Но в долине, должен признаться, мы — не единственные хозяева. Старший также обладает определенной властью. И власть эта зиждется на обычаях, выработанных не только нами. Коллективный разум племени также фактор, с которым мы считаемся. За семьдесят лет здесь родилась и оформилась мифология племени, традиции и порядки. Так вот, племя приносит в жертву богам больных и раненых. Они мешают племени — живому социальному организму, и организм от них избавляется. Когда мы столкнулись с туземцами, они просто-напросто пожирали друг друга. Теперь они убивают в храме и оставляют нам для исследований. Без нас они продолжали бы пожирать своих ближних. Ураган был принесен в жертву. Но он успел внести смуту в жизнь нашего племени. Он внушил родной дочери Речке и приемному сыну Жало мечту о широких просторах...

— Вы противоречите себе. Мечта — понятие, свойственное лишь разумным существам.

— Я неправильно выразился. Не мечту, возбудил в них желание вырваться из долины, к реке, на широкие просторы, где много пищи. То есть действовал верным путем через желудок. Приятнее питаться мясом, чем зерном. Мы же научили туземцев сельскому хозяйству и сократили, частично сознательно, частично по необходимости, мясной рацион. Жало — молодой энергичный представитель племени. Присмотритесь к нему внимательнее — волосистой покров на нем реде, чем у других, он выше других туземцев ростом и держится прямее. Я возлагал на него большие надежды. Хотелось поглядеть, какое потомство получится от него и дочери Старшего. Крайне любопытно. Может быть, именно здесь мы совершим скачок вперед, сэкономим несколько десятилетий. И я не теряю надежды, что Жало найдется.

— А Речка?

— У Речки плохая наследственность. Она слишком эмоциональная. Мне вообще бы не хотелось, чтобы у нее были дети.

Павлыш почувствовал, что его перестает интересовать разговор. Даже не мог понять, почему. Как будто он уже слышал все это. Он знал наперед, что скажет увлекшийся юноша дальше, и знал, что на каждое возражение Павлыша у него будет убедительный довод. Знал даже, что ему никогда не поколебать глубокой уверенности экспериментатора в правильности и нужности всего, что он делал в этой долине.

С момента рождения вся жизнь ребенка была рассчитана наперед с помощью бесстрастных автоматов: когда женится, сколько будет детей, чем будет заниматься. И если кто-нибудь восставал против судьбы, то его наказывали жестоко и неумолимо великие «духи» и их слуги на планете — воины Старшего.

И если до сих пор Павлыш сочувствовал Речке и Жалу только потсму, что спас их от смерти, тем самым выделив из безликой толпы жителей долины, то теперь он увидел в беглецах героев греческой трагедии, восставших против судьбы. Шансов победить у них не было. И все-таки, как и положено героям, они не отступили.

— Вы можете меня спросить, — донесся до Павлыша ровный голос юноши, — не руководило ли Речкой чувство, называемое у людей любовью? Может быть. Мы можем назвать любовью и отношения у животных — самка следует за самцом. Во всяком случае, я уверен, что именно генетическая неустойчивость Речки, первобытная дикость, доставшаяся ей от отца, лишь недавно преодоленная остальными жителями долины, разбудила в Жале атавистические

чувства — чувства хищника, стремящегося вонзить клыки в теплый бок долгонога...

— Смотрите, кто-то пришел, — перебил его Павлыш.

Роботы, как по команде, повернулись к входу. Оттуда донесся стук.

— Старший, — сказал с облегчением юноша. — Это стучит он. Условный стук. Он не имеет права войти сюда, хотя, подозреваю, заглядывал.

Юноша быстро пошел к двери.

Павлыш остался стоять. Роботы глядели на него сердито, а может, Павлышу это показалось. Неужели поймали Жало? Нет, они не убьют его. Он — слишком ценный генетический материал. Он нужен. Но никогда больше он не увидит широкой равнины. И никогда Речка не будет бежать рядом с ним, потому что Жало должен способствовать успеху большого опыта.

Павлыш подошел к экрану, «смотревшему» на реку. Ливень продолжался. Река широко разлилась по равнине, подступила к скалам, вершины деревьев выступали темными холмами над бурлящей водой. Нет, сейчас до корабля не добраться.

— Я отпустил его, — сказал юноша, возвратившись в комнату. — Жало они не поймали, и я имею все основания полагать, что он погиб в воде.

Юноша тоже подошел к экрану, вгляделся в бушующую воду:

— Нет, ему не выжить.

Он вздохнул печально.

— Это был замечательный самец. Со временем он стал бы вождем племени.

— Мне тоже жаль его, — сказал Павлыш. — Но иначе. Не из-за эксперимента.

— Знаю, — горько улыбнулся юноша и развел в стороны длинные нервные руки. — Но что делать? Разум предписывает терпимое отношение друг к другу. Устал я сегодня. Пора отдохнуть.

Юноша еще раз взглянул на экран, потом обратился к Павлышу:

— Вам сейчас рискованно выбираться обратно. Оставайтесь здесь. Вас никто не побеспокоит. Эти ливни кончатся через несколько часов. Очень скоро спадает и вода в реке. Спите, вы тоже сегодня устали.

— Спасибо, — сказал Павлыш. — Воспользуюсь вашим приглашением. Хочется, чтобы юноша остался жив.

— Вы не знаете, как мало ценится жизнь в первобытном обществе, — сказал юноша. — Через несколько дней все, включая и Речку, позабудут об этом молодом существе.

— Да, кстати,— спросил Павлыш.— Если вы изолировали небольшое племя, то не приведет ли это к вырождению?

— Это важная проблема. И через несколько лет она встанет со всей остротой. С начала эксперимента сменилось лишь пять-шесть поколений. Они живут меньше, чем вы, например, или я, но уже наблюдаются признаки вырождения. Мы влияем на генетическую структуру, пробуем различные типы мутаций. Иногда получаем любопытные результаты, даже появляется соблазн вывести новые расы — трехглазых, двуххвостых существ и так далее. Не исключено, что на планете, на другом ее континенте, со временем создадут вторую лабораторию, где будут прослеживать возможные варианты физиологической эволюции. Попробуем конкурировать с природой...

— Спокойной ночи,— сказал Павлыш.

— У вас с собой есть пища?

— Да. Я не голоден. Устал.

— Ухожу,— сказал юноша.— Эта работа порой утомляет. Хочется уехать на год-два отдохнуть, подытожить сделанное.

— Что вам мешает?

— Чувство ответственности. Не могу бросить долину на произвол судьбы. Каждый день чреват неожиданностями. Я — ментор, и мой долг находиться рядом. Никто, кроме меня, не знает в лицо каждого обитателя долины, не знает их привычек и наклонностей.

— Вы — подвижник.

— Да,— согласился юноша. И он был похож в этот момент на миссионера, готового пойти на плаху в еретическом диком государстве и гордого тем, что именно ему предоставлена такая возможность.— Как прекрасен будет тот день, я надеюсь дожить до него, когда смогу сказать уверенно: «Вы разумны, дети мои. Учитель вам больше не нужен...»

— Наступит ли он? — с сомнением заметил Павлыш.

СРЫВ

Когда юноша растворился в воздухе, погасли экраны, отодвинулись роботы, и дверь, беззвучно скользя в пазах, опустилась сверху, Павлыш почувствовал, что безумно хочет спать.

Павлыш аккуратно разложил свое снаряжение на полу рядом с ложем, оставил лишь нагубник. Во время сна, неловко повернувшись, выпустил его изо рта, но не заметил,— юноша, оказывается, приказал роботам повысить содержание кислорода в помещении.

Когда Павлыш проснулся, юноши еще не было. То ли он спит,

то ли вызвали к начальству или на совещание, то ли сидит в своей лаборатории, думает, как избавиться от Павлыша и исправить неожиданные помехи, внесенные в продуманный эксперимент беспокойным землянином.

Зубы почистить было нечем, не было и воды для умывания. Павлыш встал на голову, поболтал ногами, чтобы разогнать кровь в жилах. Роботы придвинулись ближе, включили приборы на пульте — видно, регистрировали необычную позу, полагали ее частью эксперимента. Позавтракал Павлыш не спеша, потому что надо было решить, то ли сразу, как придет копия юноши, уходить к кораблю (нельзя же громить чужую лабораторию, потому что ты по своим земным меркам решил судить чужую цивилизацию), то ли потянуть время, остаться еще на день, узнать побольше о жителях долины и заодно о миссионере, чтобы вернуться к спору с ним, имея в руках не только эмоции, но и факты.

Решив придерживаться второго варианта, Павлыш подошел к пульту и, дожевывая бутерброд, попытался разобраться, как включаются экраны обзора. Встревоженный робот подкатил поближе, но Павлыш успел нажать нужную кнопку.

Экран, глядевший в деревню, показал Павлышу, что уровень дождевой воды уже был вровень с полом хижины. Деревня и даль долины за ней были окутаны серебристым светом — поднявшееся высоко солнце пробивалось сквозь облака. Дождь кончился.

Второй экран, глядевший в сторону реки, также оказался окном в серебристый день, наверное, подобный последнему дню потопа, когда бог уже устал поливать мир водой, но еще не разогнал тучи. С возвращением придется подождать.

Сидеть взаперти также не входило в планы Павлыша. Он доел бутерброд, выпил кофе, оделся. Оставалось защелкнуть забрало шлема, и можно покидать скучный храм. Юноша не появлялся.

В последующие полчаса Павлыш перезарядил камеры, детально ознакомился со своей тюрьмой, пытаясь найти способ связаться с лабораторией, поторопить или разбудить юношу. Решил было нажимать все кнопки подряд. Он занес уже ладонь над первым рядом кнопок, как движение на экране заставило руку замереть в воздухе.

Мерно шлепая по воде и грязи, к деревне приближались воины. Старший семенил сзади, порой широко разевая рот, видно, приказывал, подгонял. Деревня молчала, никто не вышел навстречу, никто не выглянул из дверей.

Павлышу очень хотелось, чтобы воины прошли мимо дома Речки, куда-нибудь по своим делам, может, охотиться на мух, может, посмотреть, остались ли дети у Белой смерти. Но они остановились

перед входом в хижину, где была истерзанная девушка, и Старший выступил вперед и что-то стал приказывать. Воины стояли, глядя перед собой, как и положено исполнительным воинам всех времен. Павлыш машинально протянул руку, нашел ручку настройки — изображение приблизилось.

Мать Речки выглянула наружу, потом она выползла из хижины, надеясь умиловать Старшего. Тот коротко взмахнул рукой — воины подхватили женщину, оттащили ее подальше. И лишь тогда Старший осмелился войти в помещение в сопровождении двух: один воин спереди, другой — сзади.

Сперация была проведена со знанием дела. В жестях Старшего видна была безнаказанность маленького деспота, впитавшего часть силы, стоявшей за его спиной.

Павлыш сказал роботу, неподвижно стоявшему рядом:

— Открой дверь.

Робот не шевельнулся.

Павлыш включил лингвиста, повторил приказание, но лингвист за вчерашний день не смог набрать информации — язык был ему не знаком.

— Черт вас всех побери! — выругался Павлыш, подбежал к двери и попытался найти механизм, управляющий ею. К сожалению, вечером он не посмотрел, что именно делали роботы, чтобы закрыть ее. От удара кулаком дверь глухо зазвенела, но не дрогнула.

Он вернулся к пульта. Придется сыграть роль невоспитанного слона в посудной лавке...

Старший выбрался из хижины задом наперед. Затем на свет вылетела старуха, та самая, что знала травы. Старуха распласталась в грязи, но ни один из воинов не пошевелился, чтобы подхватить ее. Затем два воина вытащили к ручью Речку.

Дальше ждать не было сил. Павлыш нажал сразу несколько кнопок. Пульт отозвался яростным мерцанием огоньков и мельканием стрелок. Робот попытался оттеснить Павлыша от приборов, но гость в сердцах оттолкнул робота, и тот, откатившись, врезался в своего напарника, спешившего на помощь.

Павлыш вносил все больший беспорядок в размеренный пульс приборов. Кто-то должен был его услышать! Кто-то должен был спохватиться, что в храме неладно.

Воины тащили Речку к тропе — может, к храму, может, к пещере Старшего.

— Идиоты! Мало вам того, что вчера с ней сделали!

Старший следовал сзади. Он был — сама судьба. Маленький Великий Дух. За спиной его из хижины люди выползали наружу, под дождь. Кто-то помог подняться старухе.

Рядом, на втором экране, мелькнуло что-то черное.

Павлыш кинул взгляд туда. По реке, еле отличимая от плывущих стволов, неслась длинная долбленая лодка. Люди в ней казались вертикальными черточками. Лодка приближалась. Павлыш увеличил изображение, сам снова посмотрел на первый экран. Мать Речки метнулась к воинам, вцепилась в шерсть Старшему. Тот рванулся вперед, оскалился, присел, вроде испугался.

Старший крикнул что-то. Один из воинов обернулся и занес копье над женщиной.

Лодка разворачивалась, приближалась к обрыву, она шла прямо на камеру. Может, там Жало?

Женщина упала на тропинку, забилась в воде, лужа темнела от ее крови. Воины продолжали свой неторопливый шаг. Старший догнал их. Люди из хижин подходили к лежащей женщине. Молчали.

Лодка приближалась к обрыву.

— Что случилось, Павлыш? Вы решили разрушить лабораторию? Этого еще не хватало. Я готов проклясть день...

Павлыш выключил второй экран. Не хотел, чтобы юноша увидел лодку. Он надеялся, что на носу ее стоит Жало, погибший при наводнении, упрямый Жало.

— Они убили ее,— сказал Павлыш.— Посмотрите. Это тоже входит в эксперимент?

— Да, прискорбно,— сказал юноша. Он дал еще большее увеличение, но экран показывал лишь спины, сомкнувшиеся вокруг убитой женщины. Волосатые, согнутые спины.

— Как это случилось?

— Откройте дверь,— сказал Павлыш.— Они волокут Речку на верх. Старший берет власть в свои руки.

— Успокойтесь,— спокойно сказал юноша.— На ранних этапах развития общества власть вождя не безгранична.

— Вы сами уверяли меня, что контролируете всю жизнь долины. Может, Речка и в самом деле не устраивает вас, как нестабильный тип?

Павлыш увидел, что дверь поднимается кверху.

— Подождите здесь,— сказал юноша.— Я справлюсь без вас. Мы не имеем права подрывать авторитет Старшего. Он нам нужнее, чем половина жителей деревни.

Павлыш не послушался юноши. Он выбежал вслед за ним из храма. Процессия приближалась сюда.

— Остановитесь! — голос юноши разнесся далеко по долине. Интересно, подумал Павлыш, как они решили проблему передачи звука?

Воины остановились. Бросили Речку на землю.

— Старший, вступи в храм! — приказал юноша.

— Слушаюсь, Великий Дух,— ответил Старший, склонясь к земле.

Он поднялся по каменным ступеням, остановился перед духом.

— Речка не будет жить,— сказал Старший просто.

— Я не давал тебе такого указания.

— Речка не будет жить. Если она будет жить, завтра двое, трое, четверо других убегут из долины. Они скажут: «Старший не велик. Духи оставили его».

— Ты убил ее мать?

— Она подняла руку на меня, хотела убить. Мои воины оказались быстрее.

Юноша развел руками, сказал Павлышу:

— Вы же видите, его доводы логичны.

— И вы согласны с ним?

— Он думает не о себе. Он думает о судьбе общины.

— Удобное оправдание.

— Вы — неразумный собеседник.

— А вы жалеете, что я здесь. Вы не уверены в абсолютной правильности ваших поступков. События выходят из-под контроля, но вы продолжаете цепляться за иллюзию чистого эксперимента. Не будь меня, вы бы тут же санкционировали казнь девушки. Тем более, что она представляет интерес как объект для патолого-анатомического вскрытия.

— Вы правы,— ответил сухо юноша.

Старший ждал, уверенный в своей правоте.

— Я не могу вмешиваться в их решения,— сказал юноша.

Павлыш ничего не ответил. Он решил, что не отдаст им Речку, что бы ни делали воины, Старший и бесплотный миссионер. Где же Жало? Если бы он был в той лодке!..

— Что ты будешь делать с Речкой? — спросил юноша Старшего.

— Исполню волю духов,— ответил тот, и Павлышу показалось, что он чуть улыбнулся. Боги всемогущи, но богов иногда можно и обмануть — пусть думают что Старший подчиняется им беспрекословно.

— Тогда отпусти ее,— вмешался Павлыш.

Старший удивился. Ответил не Павлышу, юноше:

— Духи говорят: «Старший наказывает виновных и кормит людей. Если Старший не наказывает виновных, Старшего убьют. Нekomу будет кормить людей».

— Отдайте Речку мне,— сказал Павлыш по-русски.

— Зачем она вам? Возьмете на Землю? Поместите в зоопарке?

— Нет, она будет жить на этой планете. Но я помогу ей найти племя ее отца.

— Пусть она будет жертвой Великому Духу,— сказал тихо Старший.— Великий Дух любит жертвы.

— Делай, как знаешь,— сказал юноша.

— Мы принесем ее тело в храм,— сказал Старший, вновь склоняясь перед юношей.— И тело ее матери. Ты будешь смотреть внутрь их и читать знаки судьбы.

Речка очнулась. Приподнялась на локте, узнала Павлыша:

— Дух,— сказала она.— Мне больно. Где Жало?

— Не беспокойся,— сказал Павлыш.— Жало придет.

— Не говорите глупостей,— сказал юноша, спустился по ступеням, подошел к Речке.

Воины и Старший смотрели на него.

Павлыш взглянул вверх. По его расчету, те, другие, должны были появиться у входа в пещеру. Показалось, что темная фигура мелькнула на краю обрыва и скрылась.

Внизу, у ручья, стояли, не расходились жители деревни.

Дождь почти перестал, и ветер разгонял облака.

— Вы можете сказать, что Речка нужна вам в храме,— крикнул Павлыш юноше, оттягивая время.

— Законы, по которым живут эти существа, выше наших с вами желаний, Павлыш.

— Законы создавались вами.

Наверху были люди. Павлыш старался не выдавать своей заинтересованности в происходящем там, у пещеры.

— Веди ее,— сказал юноша. Потом поглядел на Павлыша. Голос его был грустен: — Вы, чужой здесь, не знаете психологии этих существ, стараетесь сломать их жизнь, свергнуть вновь в пучину дикости. Что руководит вами?

Воины по знаку Старшего подхватили Речку под мышки.

— Дух,— сказала Речка Павлышу,— меня убьют.

— Нет,— сказал Павлыш громко, чтобы отвлечь внимание присутствующих от людей, подползавших по тропе. Они вот-вот появятся из-за поворота.— Я говорю тебе...

Он не успел договорить.

Жало стоял на тропе у поворота, несколькими метрами выше. Он размахивал пращей и показался Павлышу схожим с юным Давидом.

Камень ударил Старшего в плечо, тот пошатнулся, попытался повернуться в сторону, откуда прилетел камень, но не успел, потому что второй человек, вставший рядом с Жалом, пригвоздил его к земле дротиком.

Воины бросились вверх, забыв о духах, о Речке.

Только двое из них успели добежать до Жала — дротики охот-

ников поражали их на бегу. Наверху завязалась драка, и Жало, вырвавшись оттуда, громадными прыжками бросился вниз, к Речке...

Солнце уже начало клониться к горизонту, когда Павлыш вышел из пещеры и остановился у груды камней.

Жало стоял сзади. Он проводил Павлыша до выхода.

— Ты вернешься, дух? — спросил он.

— Постараюсь, — сказал Павлыш. — Но не обещаю.

— Я скажу в деревне, что ты вернешься, — сказал Жало уверенно.

— Ладно уж, — улыбнулся Павлыш.

— Дай мне свет, — сказал Жало.

— Какой свет?

Жало показал на запасной фонарь Павлыша.

— Зачем тебе?

— Ночью я пойду по долине. Белая смерть боится света.

— Она убита.

— Есть разные звери.

Жало очень хотелось получить фонарь, приобщиться к великому колдвству.

— Я мог взять сам, — сказал Жало. — Ты не видел. Я не взял. Дай.

— Ваше благородство, молодой человек, переходит всякие границы, — сказал Павлыш по-русски, выключив лингвиста.

Жало не понял, протянул руку. Павлыш отстегнул фонарь и подал его юноше. Жало нажал кнопку, свет фонаря днем не был виден, и Жало направил луч в глубь пещеры.

— Хороший свет, — сказал он. — Я пошел. Люди Немого Урагана начнут пир без меня. Это плохо.

— Это и в самом деле плохо, — согласился Павлыш. — Они все съедят.

— Нет, все не съедят, — серьезно ответил Жало. — Я великий охотник и великий воин. Мне оставят пищу.

— Ладно, иди, нахал, — сказал Павлыш. — Смотри, чтобы Речка лежала, и пусть старуха дает ей травы.

— Я знаю, — сказал Жало. И ушел. Повернулся и ушел. В долине еще не научились прощаться. Кроме того, Жало, хоть и считал себя великим охотником, не был уверен, что ему оставят мясо.

У реки Павлыш задержался. Вода спала, но река все еще была мутной. Придется забираться под воду, и может снести. Павлыш проверил, хорошо ли приторочены камеры.

— Вы ушли, когда меня не было, — услышал Павлыш за спиной.

Юноша подошел беззвучно, как и подобает духам.

— Я бежал за вами от самого храма, Павлыш. На это уходит много энергии.

— Мы с вами обо всем поговорили.

— Да. Почти обо всем. Я хотел задать еще один вопрос.

— Слушаю.

— Вы включали второй экран?

— Да.

— И видели, как дикеры подбирались к долине?

— Вы сами предостерегали меня от вмешательства в жизнь планеты.

— Не будь вас, Жало никогда бы не добрался до племени Немого Урагана.

— Оставайтесь при своем мнении,— ответил Павлыш, делая шаг вперед. Вода вздыбилась, обтекая башмак.— Я убежден, не случись истории с Жалом сегодня, через месяц, через год, все равно бы это случилось. Вы поставили эксперимент над разумными существами, учитывая лишь их инстинкты. Вы хотели превратить неразумные существа в разумные, отказав при этом им в праве на разум. Я, честно говоря, доволен, что так вышло. А чтобы убедить в этом вас, потребовались драматические события.

— Кое в чем вы правы,— признался юноша, догоняя Павлыша и шагая по воде, чуть касаясь ее ступнями.— Ошибки бывают в любом деле.

— Если станете выбирать нового вождя, учтите, что Жало склонен к хвостовству.

— Я думал об этом. Прощайте,— сказал юноша.— Лучше бы вы не приходили сюда.

— Прощайте,— ответил Павлыш.— Я не жалею, что пришел. По крайней мере теперь вам не удастся закрыть долину снова. У людей будет много мяса, и мир их станет шире.

— Да, эксперимент придется прекратить. Но мы продолжим наблюдения.

— Конечно, наблюдайте,— согласился Павлыш.

Вода уже добралась до пояса, влекла в глубину, и бредущий по воде юноша говорил сверху, почти с неба.

Павлыш шагнул вперед и ушел в воду по грудь. Потом с головой.

Когда он выбрался на другой берег, юноши уже не было.

ТИГРОВАЯ ЗВЕЗДА

На лаге накручивается ровно шесть миль в час.

Гарри — робот-штурвальный хорошо отлажен и держит эту скорость уже вторую неделю. Если северо-восточный пассат стихает, Гарри тотчас же отдает рифы или ставит добавочные паруса, если же усиливается, — то молниеносно свортывает лишнюю парусину, нажимая клавиши на доске управления.

Ни один морской патруль не может похвастаться чем-либо подобным. Есть стандартные установки разной степени надежности, но таких, как Гарри, нет! Он — наше детище, и мы гордимся им. Мы — это наш капитан Айкити Тосио, или Тоси, Тосик, но чаще Тосио-сан, Тосио-сенсей, что значит, прежде рожденный, или учитель. Тосик пользуется у нас непререкаемым авторитетом, как потомственный моряк и незаурядный биолог моря. Второй член экипажа Костя Фокин, третий — я. Затем Гарри. Он один заменяет четырех вахтенных матросов.

«Золотая корифена» скользит по ослепительно синей воде Большой лагуны. Слева по борту затаенный дымкой испарений виднеется австралийский берег — горы, укутанные зеленым ковром тропического леса, справа — тоже в сверкающем мареве — Большой барьерный риф; сейчас прилив, и почти все коралловые сооружения под водой. Пассат еле доносит шум прибоя. Волны Кораллового моря дробятся за много километров от нас. В лагуне тихо. Мелкая волна

бьет в золотой бок яхты. Солнце перевалило зенит, и оранжевые паруса кладут на палубу нежную тень.

Нас перегоняют и расходятся на астречных курсах катера, яхты, корабли среднего тоннажа — лагуна не особенно подходящая дорога для судов водоизмещением более пятидесяти тысяч тонн. Иногда хочется посостязаться в скорости с достойным противником, обходящим нас как стоячих, да нельзя, мы на работе. Вот и сейчас мимо нас проносится трехсоттонный «Мустанг», и на экране видеофона появляется прокопченная физиономия Дэва Тейлора с выгоревшими до бела волосами. «Мустанг» — давнишний наш соперник; последний раз, по ту сторону Барьерного рифа, мы обошли его на целую милю.

— Пройдемся? — предлагает Дэв. — Мы сейчас убавим парусины, чтобы вам не тащиться в хвосте до самой Гвинем.

Сенсей парирует:

— Что может быть приятней, чем тащиться в хвосте за таким великолепным «Мустангом», только, простите, великодушный Дэвисан, что наша жалкая лохань не может сегодня доставить вам такое не совсем уж приятное удовольствие.

— Мне все понятно, — глаза Дэва насмешливо щурятся, — вы уже участвуете в гонках.

— Для нас это новость! С кем, позвольте задать вопрос?

— С «Катрин», конечно. Бедные девочки, они безнадежно отстали. Я предлагал им помощь, но ведь ты знаешь их темперамент.

— Сочувствую тебе, Дэв. Уверен, что помощь им не нужна, просто они заняты делом.

— Я и забыл, их занимают рифовые рыбки и полипы?

— Да. Рыбки и, естественно, полипы, а нас — звезды. Что занимает тебя, Дэв?

— Тоже рыбы, только крупней — акулы и, главное, ветер и океан...

Между Тоси и Дэвом и прежде происходили подобные перепалки, но особенно они участились после того, как в лагуне появилась «Катрин» с командой из девушек-студенток.

— Желаю удачи, Дэв, — печально сказал Тоси, — океан необъятен, и ветра хватит для всех.

— И тебе удачи, Тоси-сенсей. Ты прав, ветра хватит для всех, но если бы можно было довольствоваться только ветром.

— Человек ненасытен в своих желаниях.

— Ты прав, сенсей.

— Я повторяю только чужие мысли.

— Ты же сам говорил, что хорошая чужая мысль становится достоянием человечества...

Дэв неплохой парень, только жизнь воспринимает как парусные гонки, в которых он обязательно должен приходить первым.

Между ними происходят жесточайшие словесные турниры, в которых Тоси, как и в гонках, почти всегда берет верх. На этот раз Дэв необыкновенно покладист. Мы с Костей подозреваем, он боится, что за их перепалкой могут следить «морские амазонки» с «Катрин».

Между прочим, для такого чудовищного обвинения у нас нет никаких оснований. Да и к Тейлору мы относимся с излишней подозрительностью. Просто сенсей начинает благотворно действовать и на него.

Вот и сейчас он излучает расположение к Дэву. Советует ему внимательно следить за барометром: служба погоды недавно предупредила о шквале, который может пересечь лагуну на нашем курсе.

— Знаю! — сказал Тейлор.

— Все же убери марселья и возьми рифы у грота.

— Благодарю. Желаю удачи!

— Ровного ветра тебе.

— И тебе, сенсей, ровного ветра и пути, усеянного звездами. Если будет нужна помощь, мы остановимся у Красного рифа, хотим порыбачить.

Тоси обводит взглядом лагуну, несколько секунд смотрит на показавшиеся из-за горизонта ослепительные паруса «Катрин», и его грудная клетка расширяется в глубоком вздохе.

— Девочки сегодня идут довольно быстро, — говорит Костя, тоже глядя на паруса «Катрин», и снова переводит взгляд на обзорный экран, занимающий всю переднюю сторону рубки ниже ветрового стекла, теперь спрятанного в стенке.

На экране движется на нас дно канала. Необыкновенное зрелище! Коралловые заросли, залитые солнцем, рои рыб-бабочек, трепещущие водоросли, анемоны фантастических окрасок и форм. Можно смотреть на дно бесконечно долго, пастельные тона, гармоничная форма животных и растений не утомляют, как бы фантастически они ни выглядели.

Все наше внимание приковано к морским звездам.

Иногда мелькнет тело одного из наших дельфинов, рыскающих вокруг «Корифены». На них наша главная надежда. Мы можем пропустить Тигровую звезду, хотя последнее почти невозможно: ее форма и окраска поражают своей необычностью. Это создание достигает трех метров в поперечнике, у нее тридцать три «руки», вся она сверху покрыта альпийскими шипами, но главное — окраска! У нее нет врагов. Все живое, способное плавать или ползать, при ее при-

близении спешит укрыться в коралловых ветвях. Даже акулы обходят ее на почтительном расстоянии. Она же пожирает все живое. При такой полной безнаказанности у Тигровой звезды не выработалась защитная окраска, да и не могла выработаться за слишком короткий срок ее жизни как нового вида. Она появилась всего каких-нибудь 50—60 лет назад! И может быть, у этой выскочки поэтому такая наглая внешность: кармин, золото, перламутр пошли на ее наряд. Ночью она излучает нежный голубоватый свет. Ко всему следует добавить, что она взяла все самое дурное от своих предков и усилила эти свойства. Так, и страшные шипы, и ворсинки, покрывающие ее «руки», очень ядовиты. С колоссальным трудом удалось найти сыворотку-противоядие. Охотники за звездами теперь обязательно получают прививки.

Десять лет назад нашествием Тигровых звезд были уничтожены коралловые подипы на территории в тысячу пятсот квадратных километров. За медленно двигающейся лавиной звезд оставались мертвые скелеты застывших ветвей. Все живое бежало из этой пустыни. Потребовались невероятные усилия многих тысяч людей, чтобы уничтожить хищниц и восстановить жизнь на рифах.

С тех пор встречались лишь единичные экземпляры Тигровых звезд, в борьбе с ними неоценимую услугу оказали дельфины. Приматы моря несли постоянную службу в опасных районах и немедленно сообщали о появлении опасных «звезд», сами же не могли справиться с ними.

Обычные средства не годились для борьбы. Рассеченная на куски Тигровая звезда, как и другие виды морских звезд, из части восстанавливала все утраченные органы. Таким путем можно было только способствовать ее размножению. Потребовались яды, специальное парализующее оружие и обязательное извлечение со дна, иначе, разлагаясь, эта тварь отравляла все вокруг. Поэтому в районе поисков курсировали специальные рефрижераторы.

Борьба с гигантской Тигровой звездой вошла во Всемирную программу сохранения экологической среды. Нашему поколению приходилось еще очищать реки, озера, гигантские водохранилища от ила, насыщенного ядовитыми отходами, извлекать со дна стволы сплеленных деревьев, находить средства для использования гор мусора из неистребимой пластмассы и многого другого, оставленного нам в наследство со времен неразумного использования земных благ, когда люди еще сжигали каменный уголь, нефть, древесину и перенасытили атмосферу углекислым газом. Стремясь всей душой к природе, губили ее.

И главное, не умели использовать в полной мере внутриатомную энергию. Человечество в ту пору еще не умело использовать ее

только себе на благо. Сейчас в светлом коммунистическом мире нам выпало на долю исправить ошибки предков, одна из них — Тигровая звезда. Снова эти хищники появились в большом количестве на рифах Лихоу. Есть предположение, что они «вызревают» в глубинах океана, а затем совершают свои пиратские набеги, потому что все они взрослые особи — четыре-пять метров в диаметре.

Тоси, поручив нам «глазеть» на морское дно, пользуясь правом капитана, прошелся по левому борту, вернулся, похвалил Гарри за образцовое несение вахты, затем уселся на палубе в тени грота и стал смотреть на паруса «Катрин». Созерцание парусов длилось уже минут пять. Нам с Костей надоели великолепные подводные пейзажи лагуны, и мы, переключив наблюдение на «всевидящее око», подсели к нашему другу. Собственно, сел только я, а Костя вначале прошелся на руках вокруг Гарри и только потом, перекувырнувшись, лег рядом.

— Ты правильно поступаешь, — сказал Тоси, — хождение на руках, а также стояние на голове, помимо доставляемого удовольствия от сознания своей силы, необходимо и в физиологическом плане — усиливается приток крови к головному мозгу, особенно к мозжечку. Древние путем логических умозаключений пришли к таким же выводам и ввели это упражнение в жизнь как одно из условий сохранения бодрости и долголетия.

— Я знаю, — ответил Костя, — читал и слышал от тебя восемь раз.

— Девять. И не в такой интерпретации. Все же, Костя, прости, что я надоедаю тебе повторениями. Извинением может служить моя работа «О поведении человека в замкнутом пространстве и его реакциях на привычные раздражители».

— Знаю. Ну и как? Что дают тебе твои наблюдения над моей особой?

— Очень немного. Ты на редкость уравновешен. От избытка накопившейся энергии, от усталости и недовольства избавляешься очень легко, например, вот сейчас прошелся на руках и подумываешь: не порезвиться ли в обществе дельфинов?

— Ты прав, сенсей! — Костю будто подняла невидимая сила и перебросила через борт. Через несколько минут он вынырнул далеко за кормой, возле него весело закувыркались несколько дельфинов, он обхватил двух, и они припустились догонять яхту. Костя помогал дельфинам, работая ногами так, что оставлял за собой пенистый след. Скоро Костя вернулся, поднялся по штурмтрапу и, не говоря ни слова, бросился в рубку. Выйдя оттуда, сказал:

— Я отметил место, Тоси! Надо лечь в дрейф!

Командир отдал команду Гарри. Через полминуты паруса были

убраны, и «Корифена», теряя ход, закачалась на мелкой волне.

Костя объяснил:

— На дне я видел следы нескольких звезд, они начисто обглодали небольшой риф и ушли. След довольно старый, по мнению Марса, они побывали здесь с месяц назад. До сих пор на рифе нет жизни. Сейчас Марс со своими дружками обследует окрестные коралловые заросли.— Костя провел рукой по коротко стриженной голове, и мельчайшие кристаллики соли сверкнули на солнце.

Тоси ушел в рубку, и мы слышали, как он разговаривал с нашим флагманом, сообщая о следах Тигровых звезд.

Мы стали ждать результатов разведки, поглядывая на приближающуюся «Катрина».

— Много несет парусов,— сказал Тоси,— а шквал близится.

Действительно, горизонт на северо-востоке затянуло искрящейся мглой, и ветер стал стихать.

На экране видеофона появилась сразу вся команда. Девчонки с нарочитой суровостью смотрели на нас. В центре выделялась Нюра Савина. Веснушки усеивали ее круглое лицо, нос украшал чехольчик-предохранитель.

— Дрейфуете? — спросила она, и ее грудной голос заставил затрепетать наши сердца. Все мы тогда были влюблены в Нюру, хотя ее окружали куда более красивые девушки.— Ну, что? Хотите посостязаться в скорости? Тогда поднимайте на ваше дерево все, что можете. Или вам дать фору? Сколько?

— О, Нюра-сан! — с придыханием сказал Тоси.— Все наше существо рвется идти одним курсом с вами!

— Кто мешает?

— Звезды и надвигающийся шквал. Надеемся, что у вас есть барометр?

— Есть.

— Падает?

— Да, на пять делений в течение часа.

— Уберите марсель и грот. Вы знаете, как встречать шквалы?

— И не подумаем. У нас новый такелаж, рассчитанный на силу тайфуна; мы испытаем его сейчас. А вы отлеживайтесь в дрейфе, осторожные молодые люди. Берегите себя и доживаете до глубокой старости! Прощайте, сенсей и его славные сподвижники!

Девчонки разразились хохотом.

Тоси сказал, улыбаясь:

— Если вы хотите испытать прочность такелажа, то не следует рисковать собой. Поручите «Катрину» автомату, сами же закройте в рубке, а еще лучше спуститесь в кубрик и задрайте люк. Надеюсь, Нюра-сан, вас не оскорбит этот совет коллеги? Впрочем, вы можете

поступать, как подсказывает вам опыт и всем известное благоразумие.

Мы с Костей отвернулись от экрана, чтобы не выдать себя улыбкой.

— Благодарю, сенсей, за столь высокое мнение о нашем опыте и благоразумии. Вы превзошли нас в этом качестве, легли в дрейф, когда шквал показался возле Соломоновых островов. Боюсь, что нам далеко до вас. Желаем благополучно перенести ураган, если он захватит вас своим крылом.

Порывом ветра сорвало с Нюринога носа предохранитель от загара, и на какое-то мгновение на экране сверкнул ее облупившийся нос.

Оставшись перед выключенным экраном, Тоси причмокнул губами, что у него выражало глубочайшее огорчение.

И тут все мы пережили несколько незабываемых мгновений: «Катрини», шедшая параллельным курсом, неожиданно вильнула и устремилась на «Корифену». Казалось, еще несколько секунд — и она врежется нам в борт! Яхта прошла в каких-нибудь четырех метрах. Нюра хохотала, держась за штурвал. Мы залюбовались сумасшедшей девочкой: безукоризненная фигура цвета темного ореха, за плечами трепалась рыжая грива волос. Она хохотала, а команда «морских амазонок» вторила ей, махая нам руками.

Тоси сказал:

— По всей видимости, ее предки были комикадзе. — Он приказал Гарри включить двигатель и идти вслед за «Катрини», затем, подойдя к гидрофону, стал вызывать дельфинов, оставшихся с нами:

— Далі Мина! Хох!

Ему пришлось повторить вызов несколько раз, пока дельфины показались у борта.

— Прошу не уходить далеко, надвигается шквал, и очень внимательно следить за «Катрини». Люди могут упасть за борт. Окажете им помощь.

Ответ дельфинов слился с ревом налетевшего вихря. Хотя «Корифена» встречала шквал с голыми мачтами, ее сильно положило на борт. Бухту тяжелого троса, хорошо принайтowanego к палубе, вихревой поток воздуха сорвал и выбросил за борт, размотал на всю длину. Сразу стало темно. Яхта судорожно заметалась на kloкотавшей поверхности лагуны. К сянсту ветра и гулу волн примешался густой тяжелый рев, и на палубу обрушился поток воды. За себя мы не боялись: на Гарри можно было положиться. Все наше внимание приковал обзорный экран локатора. С трудом удерживаясь за поручни, мы все же ухитрялись следить за «Катрини»: девочки так и не убрали паруса.

С минуту «Катрин» судорожно билась, лежа на боку, сквозь пену виднелся ее тяжелый киль. Затем она поднялась и стала вращаться на месте. Мы гляделись в палубу, залитую водой, стараясь увидеть хоть кого-либо из этой сумасшедшей команды. На вызов «Катрин» не отвечала.

Тоси спросил дельфинов:

- Как дела, Мина, Хох, Дап?
- Отлично!
- Кто-нибудь упал с палубы «Катрин»?
- Никто.

Мелькнула мысль: а не унес ли их вихрь? Такие случаи бывали... Выглянуло солнце, но серый шлейф дождя еще закрывал от нас «Катрин». И тут на экране видеофона появились все девушки, промохшие до нитки. Они смущенно улыбались, хотя в глазах был испуг, улыбались все, кроме их капитана.

Нюра спросила:

- Как дела, мальчики? Никто не простудился?
- Вы находились на палубе? — простонал Тоси.
- Где же мы могли находиться? — тут Нюра улыбнулась, а девчонки захохотали. — Спасибо за заботу. Уберите своих дельфинов. Как видите, все остались живы. Только паруса, но не беда, поставим новые, конечно, с вашей помощью.

— У них с рубки колпак сорвало! — сказал Костя. — Ну и девчонки! Ну, молодцы!..

— Видите, сенсей, как необходимо нам было испытать «Катрин»... — сказала Нюра. — Мы еще ни разу не были в приличной переделке. Представьте, что мы попали не в этот жалкий шквалик, а в настоящий тайфун! Что бы вы тогда сказали, Тоси?

— Не знаю. Видимо, сказать было бы некому. А сейчас я, как начальник патруля, должен сообщить обо всем на Центральный пост службы безопасности плавания в Коралловом море...

— И в его окрестностях, — добавила Нюра к восторгу своего экипажа. — Я знаю, вы выполняете свой долг, и выполняйте его на здоровье, напишите полный отчет с приложением иллюстраций, кое-что мы вам дадим, в частности, колпак от рубки, нам его рекомендовал поставить сам начальник Центрального поста. Вон, смотрите, его толкают носами дельфины — нетонущий пластик, зато и вылетел, как пробка из бутылки.

Тоси покрутил головой — ох, уж это женское многословие! — и сказал примирительно:

— Будем надеяться, Нюра, что гнев начальства пронесется, как недавний вихрь, и нанесет не больше потерь. Мы поможем вам поставить новые паруса, только должны, с вами, конечно, вернуть-

ся,— он посмотрел на карту,— назад на десять миль. Туда, где найдены следы Тигровых звезд.

— Ах, звезды! Прекрасно! Девочки, вперед к звездам!..— воскликнула Нюра, и экипаж ответил ей радостным визгом.

В разговор вмешался Дэв Тейлор.

— Я и моя команда восхищены! — сказал он, появляясь на экране за плечами Геи-боцмана.

— Чем? — спросила Нюра.

— Как чем? Вашим поведением!

— Поведением? Слышите, девочки! Ему понравилось, как мы дрожали, цепляясь за все, за что можно уцепиться, призывая богов! Ну, Дэв, не ожидала. Смеяться над несчастьем!

— Позволь, Нюра! Я искренне... восхищен!

— Чем? Тем, что мы потеряли паруса, колпак, тем, что едва не погибли! О, Дэв! Гея, выключи связь с «Мустангом».

— Нюра, поз...— голос Дэва оборвался на полуслове.

Гея вначале убрала только звук, и бедный Дэв еще несколько секунд беззвучно раскрывал рот.

— Тоже мне, джентльмен! — сказала Гея.— Восхищены! Нетрудно восхищаться, наблюдая со стороны, как нас вытряхивало из рубки! То ли дело вы, ребята!

Последнее, судя по взгляду Геи, относилось к скромно потупившемуся Косте, но и мы с Тоси расправили плечи.

Пока отряд дельфинов был в разведке, мы с Костей перебрались на палубу «Катрин» и стали помогать девушкам в такелажных работах, хотя в этом не было необходимости: у них было все для смены парусов, включая робота-такелажника, который за полчаса поставил новый фок.

Мы сидели, свесив ноги, с фок-реи.

— Вы заметили,— спросила Гея,— что у нас остались целехонькими верхние марселя и кливер?

— Бывает,— ответил Костя.— Со мной, например, ветер выкинул совсем фантастический трюк. Помнишь, Ив?

— Ну, еще бы,— поддержал я, чтобы не уронить Костино достоинство в глазах Геи.— Как же, случай на острове Трегросс?

— Нет, то был сущий пустяк. Там, Гея, меня сонного сбросило вместе с домом в лагуну. Дело обычное, я имею в виду случай на смотровой башне, когда нас подняло с площадки в воздух и затем плавно опустило на то же самое место. Вот, Гея, какие бывают вещи в этой части океана.

Я закашлялся.

Гея сказала:

— Не кашляйте, Ив. Нормальное чудо. С Костей чудеса случаются ежедневно. Вот, например, сегодня он появился над нами в самую критическую минуту и помахал ручкой.

— Припоминаю,— нашелся Костя, и был награжден взглядом больших Геинных глаз.

— У нас обошлось без трюков,— сказала Гея серьезно.— Уцелевшие паруса из особо прочной ткани. Их практически нельзя разорвать никакими вихревыми потоками. Это знаменитая восьминолепка. Теперь мы поставим только ее и, да даруют нам боги еще шквал, да по сильнее.

— Понятно,— сказал Костя.— Бедный Тоси, он расценил все как женский каприз, атавистическое стремление нарушать, попирать инструкции. Вы же, как стало нам сейчас известно, помимо изучения рифовых рыб и кораллов, работаете на «Нептуна». Ваша Нюра необыкновенно предприимчивая девушка.

— О! Вы ее еще не знаете! — сказала Гея и стала учить Костю, как по-настоящему прихватывать сезнями парус к рее.

— Конечно, у вас большой опыт,— смущенно сказал Костя.

— А вы все аэвалили на работа. Даже лень самим подержаться за штурвал.

Я оставил их вдвоем и перебрался к грот-мачте, где на палубе девушки во главе со своим капитаном кроили паруса, помогая единственному роботу. Мне тут же поручили распутывать лить и стали расспрашивать о плавучем острове, где мы с Костей работали в прошлые каникулы. Девушки мечтали попасть в такую лабораторию. Минут десять я занимал их рассказом о «Черном Джеке» — знаменитой касатке-пирате. Затем Тоси срочно вызвали нас с Костей на «Корифену», потому что дельфины-разведчики принесли тревожные вести.

У Марса были все основания волноваться: в двадцати милях лавина Тигровых звезд уничтожала коралловые полипы. Звезды двигались с востока, где они вышли из глубин, и ползли по рифам, оставляя за собой пустыню. По нашим приблизительным подсчетам, полипы были уничтожены на площади в двести квадратных километров. Тоси сообщил о бедствии на Центральный пост. На экране появился сам Чандра Бос, выдающийся биолог, далекий потомок того самого Джэгдиша Чандра Боса, который открыл координирующую систему ответных реакций растений. Выслушав доклад Тосио, Чандра сказал:

— Все этого ждали. Есть сообщения и из Новой Гвинеи, только,

к счастью, там появились единичные экземпляры. Возможно, «разведчики». У нас дело серьезней. К утру на исходные позиции выйдут все суда, аэролеты, в лагуну начнут прибывать рефрижераторы. Ни одна хищница не должна остаться на рифе.

Они с Тосио уточнили район предстоящих ночных исследований. Солнце уже коснулось вершины зеленого хребта на австралийском берегу.

— Веселая будет ночка, — мрачно сказал Костя. Он поглядел на горизонт и восхищенно воскликнул: «Какой закат! Будто за горами зажгли праздничный фейерверк!»

Действительно, закат, даже для тропиков, поражал щедростью красок и необыкновенной фантазией их размещения по небосклону. Краски медленно меняли тона, становились изысканней, тоньше. В картине стала чувствоваться усталость, обреченность, вдруг откуда-то из-под плавленного золота брызнул изумрудный луч.

Поверхность воды в лагуне мерцала, как северное сияние. Неожиданно в поле зрения вполз рефрижератор, а за ним транспорт, и сразу волшебная картина стала похожа на туристскую рекламу.

Краски погасли. Настала ночь. Звезды закачались над головой. Пассат почти стих. Затмевая свет созвездий, ярко горела космическая станция. С берега дохнуло запахами тропического леса.

Сидя на палубе, мы просмотрели мировую хронику событий за истекшие двенадцать часов: раскопки на Марсе; один из лунных поселков; конгресс любителей тишины, проходивший в абсолютном молчании: доклады и сообщения передавались с помощью немого кино; демонстрация нового летательного аппарата с машущими крыльями, приводимыми в движение мускулами ног и хитроумными рычагами; новые виды знаков; еще один проект дома-города для мелководных заливов и главное — запуск гигантской ракеты с грузом радиоактивной золы, поднятой из океанических впадин.

Когда-то на заре атомного века наши предки, стремясь обезопасить себя, прятали отходы атомных реакторов в глубоких шахтах и на дне океанов. Хотя, судя по документам, им было известно о неисчислимых бедах, заключенных в контейнерах с ядом. На земле ничего нельзя утаить, вывести из круговорота вещества. Контейнеры крошились под колоссальным давлением толщ воды, течения разносили зараженную воду по всему Мировому океану. В период повышенной радиоактивности океанических вод происходили мутации животных. Генетические изменения приводили к возникновению уродов, нежизнеспособных особей. Хотя иногда возникали штаммы опаснейших бактерий, но венцом всего можно считать Тигровую звезду.

Уже несколько тысяч ракет с опасным грузом покинули Землю.

Первые ракеты направлялись на Солнце. После нескольких запусков астрофизики нашли, что атомные взрывы на Солнце служат как бы детонаторами, вызывая чрезмерное проявление солнечной активности. Оказывается, и наше непомерно большое светило болезненно реагирует на такие, казалось бы, незначительные нарушения его ритмики. С тех пор ракеты направляются в глубокий космос, за пределы Солнечной системы.

Только Тосио выключил телевизор, как на экране видеофона появилась Нюра.

— Добрый вечер! Или у вас он не особенно добрый? Скучаете? Почему же не зайдете в бухту. Девочки отправились танцевать... Ах, этот Чандра! Заставил вспахать лагуну. Кстати, он и нас подключил к вам: теперь мы тоже разведчики. С рассветом выходим на поиск Тигровых звезд. Чандра сказал, что у вас слишком большой отряд дельфинов и вы можете поделиться ими, конечно, если приматы моря пожелают иметь с нами дело. Кроме того, вы должны установить у нас свою запасную подводную телекамеру.

— Замечательно! — воскликнул Костя, вскакивая. — Я давно предлагал вести поиск большими группами.

— Чандра — мудрый руководитель, — как-то неопределенно сказал Тосио.

Нюра поняла его.

— Вы хотите сказать, что дело слишком опасно?

— Не так категорически и не в такой форме.

— Эх, Тосик! — Нюра озарила нас ослепительной улыбкой. — Вы только посмотрите на этого неблагодарного человека! Ну-ка, скажите, кто был моим учеником?

— Да, Нюра. Ты плаваешь, как дельфин, учила и меня. Только в данном случае требуется очень большая осторожность...

— Которой я не отличаюсь?

— Иногда.

— На этот раз, Тосик, я буду следовать всем вашим советам. Слышите, играют что-то новое!

— Действительно! Какая зажигательная музыка! — сказал Костя и пустился в пляс, гулко отстукивая по палубе голыми пятками.

— Костя, милый! — крикнула Нюра и тоже стала проделывать молниеносные движения руками и ногами. Особенность нового танца состояла в том, что торс должен оставаться почти неподвижным. И это им удавалось. Тосио соединил на экране изображения танцоров, получился замечательный дуэт, создавалось полное впечатление, что они пляшут на одной палубе.

— Ну, хватит! — сказала Нюра, смеясь и отирая со лба капельки пота. — Кто это догадался совместить наши тени?

— Я, — ответил Тосио.

— Получилось очень забавно. Только я часто сбиваюсь, вот ты, Костя, как всегда, был великолепен.

— С тобой затанцует и грот-мачта! — сказал Костя.

— Какой изящный комплимент, но ты не скромничай, все наши девчонки без ума от твоих хореографических способностей.

— Ну, ладно, ты тоже не уступаешь мне в комплиментах. Давай станцуем «бриз».

— Я устала. Сегодня был такой напряженный день: шквал, установка новых парусов, затем прилаживали эту противную крышу на рубке. Лучше поболтаем или ты станцуй соло.

— Ну, какой я солист. Так иногда, по настроению, дурачусь. На экране рядом с Нюрой появилось лицо Дэва Тейлора.

— Хорошего вечера, Нюра! — сказал он и, заметив наши ухмыляющиеся физиономии, поднял руку: — И вам, друзья, хорошего вечера. У «Мустанга» что-то сдал локатор переднего обзора. Вообще, надоело болтаться в лагуне, вот мы и зашли в тихую гавань, где совершенно случайно очутились рядом с «Катрин». Ребят как ветром сдуло на берег...

— А тебя на палубу «Катрин», — заметил Костя.

— Представьте, да. Долг вежливости одного капитана — отдать визит другому капитану. Да, ребята, перед самым закатом мы догнали «Фермопилы» и, представьте, обошли их на четверть мили.

Не дожидаясь наших комментариев по поводу этой гонки, Дэв стал делиться, преимущественно с Нюрой, своими планами на конец месяца:

— Мы обогнем мыс Горн, вот где можно по-настоящему испытать паруса «Нептуна»...

Нам стало тошно смотреть на Дэва и слушать его болтовню. Тосио совсем спик, наблюдая, как Дэв увивается вокруг капитана «Катрин». Чтобы прекратить мученья нашего учителя, Костя хотел выключить видеофон, Нюра едва заметно повела головой и сказала:

— Мыс Горн мы огибали уже три раза, мне больше нравятся Большая лагуна, ее синева, безобидные шквалы и вот такие вечера, вернее, начала ночи. Смотри, как низко опустились звезды, и как портит картину неба спутник — эта маленькая луна. Все созвездия меркнут в его нахальном свете. А вот «Черное облако», туда летит наша ракета с радиоактивным мусором. Я всегда была против варварского загрязнения космоса, нельзя думать только о благополучии своей планеты. Недалеко то время, когда наши люди полетят за

пределы Солнечной системы, а затем к другим галактикам. И могут попасть в область, зараженную этим самым мусором, а еще хуже, если ракета пройдет пылевое облако и попадет в сферу притяжения планеты с гуманоидной или какой иной жизнью и уничтожит там все.

Дэв сказал:

— Опасения эти обоснованы. Ты, Костя, не согласен с нами?

— С «нами» — нет, а с Нюрой могу согласиться, хотя я не особенно часто думаю, что будет через миллионы лет, раньше ракета не пройдет через «Облако»...

Тут мы почувствовали, что нас не слышат на «Катрину», видят лишь немой экран.

— У них испортилась аппаратура, — возмутился Тоси.

— Большая вибрация корпуса, видимо, нарушила контакты, — отозвался Костя. — Пора этот «видик» заменить на космический вариант.

Сигнал подводного локатора и голос из гидрофона оповестили о появлении Тигровых звезд.

Гигантские иглокожие устилали дно, они двигались к берегу сплошной лавиной, ширину которой мы еще не могли определить. Картина дна, покрытого хищниками, заставила нас снизить голос до шепота. Было что-то наводящее ужас, неотвратимое в движении этих многоцветных извивающихся «рук». Найдя пищу, хищница замирала на минуту, обтекая всем телом коралловый куст, впадину, где нашли приют моллюски, возвышение с распутившими пышные венчики щупальца анемонами или морскими лилиями, запускала «руки» в трещины; парализованные ее ядом рыбы тихо опускались на дно или неподвижно застывали, словно ожидая, пока одна из «рук» с двумя ярко оранжевыми глазами заметит ее и схватит ленивым движением.

Хотя все дельфины получили прививки, их нежная кожа, особенно глаза, не были полностью защищены от яда Тигровых звезд. Все же отряд Марса продолжал свою опасную работу. Держась близ границы главного потока хищников, дельфины сообщали все новые сведения о мелких отрядах и одиночных экземплярах, движущихся в одном направлении — к австралийскому берегу.

Новое сообщение потрясло нас: капитан разведывательного корабля «Лотос» передавал, что коралловые полипы на рифах к западу от островов Трегресс полностью уничтожены и что у них погибло четыре дельфина, попавших в подводное течение, отравленное ядом иглокожих.

Тоси взял управление яхтой на себя, а я не спускал глаз с подводного экрана, чтобы не прозевать авангард иглокожих, — там должны находиться самые крупные экземпляры, достигающие

восьми метров в диаметре. Мне хотелось увидеть такое чудовище не на кинолентке (Костя как раз включил кинокамеру), а своими глазами.

Тосио увеличил скорость судна, на меня летело ярко освещенное дно, густо усеянное «звездами».

Раздался предупредительный сигнал, предшествующий чрезвычайно важному сообщению.

Чандра Бос старался говорить как можно спокойней:

— Прошу внимания! Двадцать минут назад близ юго-восточного берега острова Эшельби Тигровые звезды атаковали шхуну «Даная». Команда шхуны очистила палубу от иглокожих с помощью электрогарпунов и пистолетов с анестезирующими ампулами. Три человека серьезно пострадали. Прошу усилить вахты. На стоянках просматривать дно и следить за якорными канатами и бортами, включить все докаторы. Рекомендую повысить бдительность всем судам, находящимся в движении в водах лагуны Большого Барьерного рифа. Как одно из средств борьбы с Тигровыми звездами институт Морской биологии рекомендует применять воду, нагретую до температуры 70 градусов и выше...

Чандра попросил сообщать ему немедленно о всех случаях появления опасных иглокожих, рекомендовал вести себя особенно осмотрительно в эту ночь, пока не приняты все меры безопасности; устало улыбнувшись, пожелал «спокойной ночи» и растаял на экране.

— Вот, пожалуйста,— сказал Костя,— они стали нападать и на людей! А мы не знали! Неужели наши ученые не могли определить диапазон их агрессивности! Мы-то думали, что они питаются одними полипами и рыбой. И вот — сюрприз! Серьезно пострадали... Интересно, кто! Там у меня есть знакомые ребята...

Я тоже знал кое-кого на «Данав», и мы стали перечислять знакомые имена, а сами глядели на экран видеофона, он снова автоматически подключился к «Катрин», звука не было. Нюра стояла к нам спиной. Дэв сидел на палубе и что-то рассказывал ей, она смеялась.

Дэв и Нюра стали танцевать. На это стоило посмотреть.

Отлично они танцевали в тот вечер. Дэв несколько не уступал Косте. Они танцевали на палубе возле рубки при свете, падавшем с берега и других ярко освещенных судов.

Внезапно Тосио вскрикнул, показывая рукой на экран.

И мы увидели, как из тени у грот-мачты в световое пятно выползает множество извивающихся «рук» Тигровой звезды.

Костя бросился вниз. Мы с Тосио стали кричать, тщетно предупреждая об опасности.

Они не слышали, отбивая такт по палубе, кружились, держась за руки. Нюра хохотала, откинув голову.

А «звезда» приближалась к их ногам, на кончиках щупалец горели красные глаза. Нюра чуть было не наступила на эти глаза, «рука» метнулась за ее ногой и затрепетала, промахнувшись.

Если бы сейчас они услышали наши голоса! Мы с Тосно, не шере-ставая, кричали и, казалось, они слышат, им нравится играть со смертью. Вот Дэв ловко прошелся между трех «рук» Тигровой звезды, не спуская глаз с сияющего лица партнерши. Они остановились у самой стенки рубки и тут увидели в каком-нибудь матра первую «звезду», и другую, быстро скользящую с левого борта, и еще одну, ломающую поручни фальшборта.

Что они могли сделать в несколько секунд, которые еще оставались у них?!

И они смогли!

Дэв схватил Нюру и забросил на крышу рубки.

Это заняло четыре секунды.

С рубки свесилась рука и подняла Дэва.— Еще три секунды.

Тигровые звезды пытались влезть по гладкой стене, но обрывались и падали.

Мы теперь слышали только тяжелые, хлюпающие удары о палубу: исчезло изображение, зато появился звук. Слышались тихая музыка и дыхание Нюры и Дэва.

Нюра сказала:

— Ну и ну! Как ты меня ловко забросил! — и расхохоталась,

Тосно расплылся в улыбке:

— Непостижимое существо!

ЭКСПЕРИМЕНТ С НЕУПРАВЛЯЕМЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ

Это было недоброе утро. И недобрым был его мертвенный свет над пустынным космодромом. Ровная, как стекло, поверхность космодрома выходила из-за горизонта и уходила за горизонт.

Здесь проходила черта, по другую сторону которой начинался Космос. И начинались иные масштабы времени, пространства и всего сущего.

В предрассветном пепельном свете стояли трое. Они ждали, когда из мглы возникнет сияющий шар корабля, чтобы, прочертив ослепительную дугу, исчезнуть в темном жерле шахты.

Этот участок космодрома считался карантинным. Здесь шахты, скрытые глубоко под землей, принимали редкие корабли из опасных, далеких и малоизвестных концов Вселенной.

Звездолетчик Мартель, самый младший из троих, был здесь впервые. Другим был начальник Проекта. Третьей была женщина.

Куда бы ни посмотрели они, ландшафт везде был одинаков. Зеркальная поверхность космодрома отражала нависшую над ней мглу, и в этой беспрерывной протяженности не было ни проблеска, ни просвета.

Так стояли они. Временами начальник произносил какие-то незначущие слова, не имеющие отношения к тому, почему оказались они здесь. Мартель кивал головой, думая о своем.

Женщина не обращала внимания на них обоих. Женщина, о ко-

торой было известно лишь ее звание, малоприметными звездочками обозначенное на рукаве. Она была из Службы Благополучия.

Пилот корабля, возвращения которого ждали они, был мертв. Это был третий за последнее время. Все они один за другим погибли на планете Цевера. При обстоятельствах загадочных и непонятных, Мартель был четвертым, кому предстояло отправиться на эту планету, чтобы выяснить причину гибели тех, кто не смог вернуться живыми, и выполнить задание.

Сверкающий шар появился внезапно. И, вычертив огненную дугу, бесшумно ушел в провал ближней шахты.

Третий пилот погиб так же, как и двое других. Он лежал у подножия пульта с широко раскрытыми глазами и с выражением ужаса на застывшем лице. Он умер мгновенно.

Как и у первых двух, это произошло через несколько минут после посадки на планете. Как и другие, он не покидал корабля, и силовое поле, окружавшее корабль, оставалось включенным.

Установив маяк, Мартель должен был сделать то, что было не менее важно: узнать, отчего погибли те, кто побывали на Цевере. И, кроме того, устранить опасность для маяка, если такая существует.

Вступив в строй, маяк замкнет собой цепь сверхдальней связи. Кто-кто, а Мартель хорошо знал, как это важно в Космосе. Корабли, потерявшие направление, корабли, заблудившиеся в пространстве, обретали теперь путеводную нить, уводящую их от гибели. Мартель думал о тех, кто будет принимать сигналы его маяка. Даже когда сам он и дети его детей обратятся в прах и будут забыты, маяк все так же будет источать свои импульсы в черное небо, указывая путь к спасению.

Установить маяк на Цевере было несложно. Труднее было другое — найти силы, не желавшие этого. И убившие трех предшественников Мартеля. Если силы эти угрожают Маяку, они должны быть нейтрализованы. Сделать это мог только человек.

Корабль, на котором предстояло лететь Мартелю, был готов, дата назначена, маршрут известен, задание — тоже.

Когда до отлета оставались считанные часы, Мартель почувствовал, что между ним и миром, окружавшим его, разверзается пропасть. Он продолжал еще ходить среди этих людей, говорить что-то, насвистывать, совершать привычные действия. Но внутренне он был уже не здесь. Он был уже там, на Цевере, один на один с ситуацией, которая ожидала его там. И он знал, что никто из тех, кто сейчас рядом с ним, ни в чем не может помочь ему ни словом, ни советом, ни делом.

Тщетно в оставшееся время знакомился он с материалами других экспедиций, побывавших в чужих и враждебных мирах. Если бы это могло помочь чем-то, если бы были какие-то аналогии, эксперты по Проекту давно установили бы это.

Как порождение кошмара проходили перед ним кибернетизированные миры Веги, пожравшие своих создателей. Он видел зловонные болота Антея и его чудовищных обитателей, зловещих уленей с наэлектризованными щупальцами. Надрывно, безумными голосами кричали гарпии. Но среди всех этих существ не было такого, которое могло бы проникнуть сквозь экран защитного поля и убить пилота, находящегося внутри корабля.

За несколько часов до отлета какой-то человек из Службы Благополучия пришел за Мартелем.

Мартеля ожидала женщина, встречававшая вместе с ними третий корабль. Она кивнула, и человек, который привел Мартеля, неслышно исчез. Наступила пауза. Женщина смотрела куда-то далеко-далеко и молчала.

— Я пригласила тебя,— сказала она наконец,— чтобы поговорить о твоих похоронах...

Странное начало. Монотонным голосом она принялась обсуждать разные варианты погребения. Опытный звездолетчик, он знал, что такое небытие, сквозь тонкую обшивку корабля не раз ощущал его близость. Но и ему разговор этот показался тягостным и зловещим. Он попытался прекратить его, но женщина продолжала вести свою тему.

Тогда он спросил:

— Чего ты хочешь?

Она ответила вопросом:

— Ты понимаешь, что можешь погибнуть?

И стала говорить ему то же, что последние дни он не раз говорил сам себе. Но только в глубине души. И только наедине с собой. Слышать сейчас эти слова, произносимые вслух, было страшно. Казалось, все это относится не к нему, а к кому-то другому, кого он смутно знал когда-то. И тогда он спросил еще раз:

— Чего ты хочешь?

Но теперь вопрос его прозвучал уже по-другому, и он сам почувствовал это.

— Я хочу, чтобы ты вернулся,— сказала женщина. Сказала так просто, почти жалобно: «Я хочу, чтобы ты вернулся».

Мартелю показалось, что говорит она не ему, а кому-то, кого нет здесь.

Через минуту он знал уже, о чем идет речь.

После того, что случилось с первым пилотом, на втором и третьем кораблях были установлены датчики. Кристаллы, незримо притаившиеся где-то, фиксировали все, что происходило на борту и вне корабля. Впрочем, все ли?

Желтовато-серая каменная пустыня открылась взгляду Мартеля. Изломами и уступами уходила она к тусклому небу, столь же безрадостному, как сама планета. И все это время, от приземления корабля и до его трагического отлета, ничто не сдвинулось, ничто не шелохнулось в этом мертвом пейзаже.

Чуть коснув глаз, Мартель мог видеть, что происходило в это время внутри корабля. Вот последний раз полыхнуло и погасло красное табло. Ровным зеленым светом засветился пульт наземных данных. Едва слышно пропел зуммер. Высокий блондин с крупным лицом поднял голову. Пилот третьего корабля Ральф стоял в нескольких шагах от Мартеля. И хотя Мартель отлично понимал, что это лишь иллюзия, порожденная памятью кристалла, то, что было перед ним, сейчас представлялось более реальным, чем мертвое тело, которое он видел несколько дней назад. Жизнь всегда убедительнее небытия для тех, кто находится по эту сторону черты. Вот Ральф поднял руку (тогда это была еще живая рука) и выключил пульт. Мартель старался не пропустить ни одного движения, ни одного жеста. Пока все было так, как и должно было быть. Выждав секунд десять, Ральф снова протянул руку и включил панораму обзора. Картина, возникшая перед ним, повторила уже знакомый унылый ландшафт. Какое-то время Ральф вглядывался в него, потом медленно повернулся к шкафу. Одной рукой он открыл дверку, другой — стал вынимать скафандр, как вдруг что-то помешало ему. Он замер. Казалось, он прислушивается к чему-то. Потом он резко обернулся и стал всматриваться в стену, будто силился увидеть там что-то. Что-то, что оставалось незримым для Мартеля, потому что на матовой зеленоватой стене не было ничего. И вдруг картина исчезла. Она просто пропала, непроницаемый мрак внезапно возник на ее месте. Когда через шестнадцать секунд изображение возникло снова, Ральф с искаженным в беззвучном крике лицом лежал на полу кабины. В этой позе его и нашли, когда ведомый автоматами корабль возвратился на Землю.

То, что произошло со вторым пилотом, кадр за кадром повторяло эту картину. словно два актера разыграли одну и ту же сцену. И в конце — та же поза и то же выражение ужаса перед лицом чего-то, видимого и открывшегося только ему одному.

Но маяк должен быть установлен. И Мартель понимал, что нет много пути, как самому вступить в тот же круг.

— Я хочу, чтобы ты вернулся, — повторила женщина.

...Когда-то эти эксперименты проводились над планариями, над крысами и животными. Мартель смутно помнил, что знал обо всем этом. Кажется, крысу учили бегать к кормушке, когда зажигался свет. Потом другим крысам вводилась вытяжка от «научившейся», и они, едва зажигался свет, тоже бажали к кормушке. В то время говорили о передаче памяти на молекулярном уровне. Упоминали об аминокислотах, спорили о ДНК и прочих вещах.

— Мозг Ральфа,— сказала она, и чувствовалось, как трудно ей произнести эти слова.— Мы приготовили вытяжку из него...

Специальные стимуляторы должны были усилить действие инъекции. Если они сработают, все, что видел, что узнал Ральф в последние мгновения своей жизни, проснется в сознании Мартеля. Он, подобно тем крысам, воспримет чужой опыт.

— Я согласен,— сказал Мартель раньше, чем успел понять, действительно ли он согласен. Скорость принятия решения опережала работу мысли. Это было профессиональное.

Женщина улыбнулась, и снова ему показалось, что улыбка эта предназначалась не ему, а кому-то другому.

— Сюда, пожалуйста,— сказала она.— Сюда...— И указала на проход, открывшийся в стене.

Корабль находился в пространстве. Его вел автомат, и пульт управления не был освещен. Если бы не индикатор, указывающий, что за обшивкой находится сейчас звездная бездна, можно было бы подумать, что корабль неподвижен, что он покоится где-нибудь в запасной шахте на дальнем поле космодрома.

Мартель достал колоду карт и принялся раскладывать пасьянс.

Все время он думал о Ральфе. Он искал в себе какие-то проблески пробуждения чужой памяти. Но ничего не было. Значит, эксперимент не удался, и все, что относится к крысам и планариям, относится только к ним. В тайном чувстве облегчения, которое испытал он при этом, было что-то малодушное, и Мартель устыдился этого.

Сверкая радужной оболочкой силового поля, шар двигался к планете Цевера. Впрочем, если говорить точно, он летел не совсем в сторону планеты. Возможно, даже в направлении, прямо противоположном. Ибо лететь по прямой к точке, удаленной на тысячи световых лет, было бы бессмысленно. Столь отдаленные районы были бы вообще недостижимы с Земли, если бы не существовало так называемых «провалов пространства». Наблюдателю с Земли они представлялись как черные пятна, угольно-черные пятна на фоне звездного неба. Любое тело, входящее в него, исчезало, чтобы че-

рез мгновение «вынырнуть» на расстоянии в сотни и тысячи световых лет от этой точки. Были случаи, когда не удавалось даже установить, куда, в какой из районов Вселенной попадал корабль, «вынырнув» из провала. Правда, в окрестностях Солнечной системы таких «провалов» было немного. И лишь несколькими из них можно было пользоваться для навигации. Куда вели остальные, не знали: ни один из кораблей, рискнувших войти туда, обратно не возвращался.

Когда корабль вошел в первый провал и миновал его, сигнал возвестил Мартелю о том, что это произошло. Сам он этого не заметил бы. Он раскладывал пасьянс. Неведомые миры окружали корабль, но он продолжал свой путь мимо них, не замедляя движения и не сворачивая с пути. Никогда еще человек не останавливался здесь, чтобы бросить мимолетный взгляд на иную жизнь. Вселенная бесконечна, а человек мал, и время, отведенное ему, кратко. Все в том же непрерывном, неодолимом движении корабль двигался к другому провалу, возникавшему на его пути.

Этапы полета не интересовали Мартеля. Откинувшись на спинку, он принялся сочинять балладу о Старом Звере, который жил один в гулкой стеклянной пещере, и вход в нее день ото дня зарастал травой...

Так минуло какое-то время. И вдруг Мартэль почувствовал, какими-то неведомыми путями понял, что сейчас корабль войдет в очередной провал. Именно сейчас. И действительно, через мгновение сигнал возвестил об этом.

Это был знак. Чужая память, введенная в него, начинала пробуждаться.

Еще несколько раз входил он в провалы пространства, которые все дальше и дальше уводили корабль. Но тщетно Мартэль прислушивался к себе. Память Ральфа, если только это была она, больше не выдавала себя ничем.

Он снова стал сочинять стихи. Красное табло, вспыхнув, прервало его занятие. Корабль шел на посадку.

Вскоре табло погасло. Чуть слышно пропел зуммер. Осветился ровным зеленым светом пульт наземных данных. «Сейчас», — успел подумать Мартэль. Но ничего не произошло. Почти машинально он выключил пульт и так же машинально включил панораму обзора. Картина, возникшая перед ним, повторяла ландшафт, который он уже видел. Какое-то время он бездумно всматривался в него. Однообразные каменные изломы. Привычным жестом, не глядя, Мартэль протянул руку к шкафу, где лежал скафандр. И вдруг:

«Разум Цеверы
приветствует тебя».

Именно так были расположены строки. Так и всплыли они вдруг в памяти Мартеля. Где и когда мог он видеть или прочесть их?

Мартель не успел ни задать себе этот вопрос, ни ответить на него. Странное чувство тревоги охватило его вдруг. Казалось, кто-то притавился за спиной. Мартель резко обернулся. На стене каюты белым пламенем встали слова:

«Разум Цеверы
приветствует тебя».

Буквы погасли и опали.

«Теперь узнай
о себе правду»,— всплыло в памяти.
«Теперь узнай
о себе правду»,— встали строки.

Через мгновение слова опали и погасли.

И вдруг он зажмурился, плотно закрыв глаза рукой.

Он сделал это прежде, чем успел даже подумать, почему он поступает так. Память и воля Ральфа, повелевшие ему сделать это, вспыхнули на мгновение, чтобы тут же исчезнуть навсегда. Дальше этой черты памяти Ральфа не было, сам Ральф не перешел этот рубеж. С этого момента Ральф был уже мертв.

Когда Мартель открыл глаза, строки исчезли. Он поднес руку к стене. Она оставалась холодной и гладкой, не хранила никаких следов.

Теперь он знал путь, которым приходит смерть. Несколько слов, которые убивали. Их губительного смысла не мог выдержать человек.

С какой целью делал это чужой разум? Было ли это нападением? Или попыткой контакта?

Мартель не имел ни времени, ни склонности предаваться раздумьям. По опыту других ситуаций он знал, что ожидание — худшее, что мог он сделать. Только действие давало ему какой-то шанс.

Мартель снял поле, окружавшее корабль, надел скафандр и вышел навстречу неизвестному.

Если он погибнет, полетят другие. Один за другим будут прилетать они на Цеверу, пытаясь сделать то, что должен был сделать он, Мартель. И кто знает, сколькими еще жизнями придется расплачиваться за его неудачу. Нет, он не должен позволить убить себя! Только это избавит других от губительного пути на Цеверу. Мысль эта показалась Мартелю даже более важной, чем маяк и все, что связано с ним.

Мартель взбирался по каменистым изломам. Гигантские ступени то вздымались, превращаясь в заостренные гребни, то зеркальными

плитами расстилались у самых его ног. Гладкие плиты так тайно, так незаметно начинали свой уклон, что невозможно было различить, где крутизна переходила в провал и пропасть.

Возле корабля царило оживление. Роботы, выгрузив все необходимое, принялись сооружать маяк. Массивное коническое тело, окрашенное в ярко-красный цвет, ждало, когда фермы опорных конструкций примут его. Но до того как монтаж будет завершен, Мартель должен найти «источник опасности». Так обозначено было это в его задании — «источник опасности». Сам «источник» называл себя «Разум Цеверь». Но это ничего не меняло. В разных мирах, на разных планетах «источники опасности» имели разные лики: тектоническая деятельность, радиация, биологические силы... И всякий раз различны были средства для их обуздания.

Разбежавшись, Мартель прыгнул через расщелину, но ноги его вместо твердой почвы ощутили вдруг пустоту. С коротким вскриком он рухнул в пропасть.

Правда, падение продолжалось мгновения. Гравитационные подушки включились автоматически и вынесли его на край уступа. Но этих мгновений было достаточно, чтобы сердце зашло от страха. От древнего, первобытного страха. Хотя он понимал, что не может разбиться. Хотя он знал, что неуязвим. Но на какое-то мгновение древняя память предков оказалась сильнее краткой памяти его жизни.

Страх этот преобразил Мартеля. Откуда взялась эта настороженная, крадущаяся походка? Эта цепкость движений, этот прищуренный, неотрывный взгляд, способный подметить малейшую угрозу, малейшее движение, если бы только оно было.

Но мир, окружавший его, продолжал оставаться все в той же оцепенелости. Каменистые уступы все так же громоздились один на другой, уходя к пепельному горизонту.

Мартелю показалось, он увидел вдруг, как сквозь статичность этой картины прорывается застывшее движение. словно мгновение назад все это пребывало в некоем едином ритме и вдруг замерло, застыло на полутакте, полуслове.

«Разум Цеверы приветствует тебя», — вспомнил он слова, которые пришли на ум за мгновение до того, как он прочел их. И вторую фразу он тоже смог знать заранее. Не будь памяти Ральфа, он едва ли догадался бы избежать гибельного смысла, который несла последняя, третья фраза. Но память Ральфа ничего не говорила о ней, об этой последней фразе. Едва подумав об этом, Мартель спохватился и попытался уйти от этой мысли. Потому что, если фраза эта всплывет в сознании, ему будет уже не отгородиться от нее ни сомкнутыми веками, ни ладонями рук. Но, хотя он и пытался

заставить себя думать о другом, мысль его продолжала работать все в этом же направлении.

Окружив себя оболочкой силового поля, Мартель взмыл вверх, в тусклое небо, и стал медленно кружиться там. Он то опускался ниже, то снова взлетал кверху, замирая вдруг неподвижной точкой в самом зените. Отсюда, сверху, то, что выглядело бессмысленным нагромождением камней, имело, казалось, некую тайную логику. Линии, переходы и изгибы рельефа, сколь бы ни были они изломаны и асимметричны, были выдержаны в едином масштабе и не нарушали его. Понять скрытый смысл увиденного Мартель не мог. Так дикарь, увидевший печатный текст, может лишь догадываться, что это нечто большее, чем просто орнамент, но бессилён понять значение и смысл написанного.

«Разум Цеверы» молчал. Тщетно блуждал Мартель среди каменистых изломов, тщетно кружил в безрадостном, тусклом небе. Ничто не говорило о том, что он не один в этом пустынном мире. Мартелю не оставалось ничего, кроме как возвратиться на корабль.

Описав большую плавную дугу, он опустился возле шара. Роботы один за другим проползли, прошли, проскакали мимо него, вытягиваясь в разверстое чрево корабля. Они завершили свое дело. Маяк утвердился над каменистой пустыней. Красной каплей, яркой точкой нарушил он монотонность пейзажа.

Мартель вошел в кабину и почувствовал усталость, желание лечь, закрыть глаза и ни о чем не думать. Он попытался стряхнуть странное оцепенение, которое волнами поднималось откуда-то из самых глубин его сознания, разорвать паутину каких-то смутных чужих мыслей, незнакомых голосов и лиц, всплывавших в памяти.

Вдруг знакомое чувство тревоги охватило его. Показалось, что кто-то находится на корабле. Мартель чувствовал это. Через мгновение белым пламенем вспыхнули строки.

Но Мартель не видел их. Сквозь плотно сомкнутые веки он чувствовал только яркий свет, который то вспыхивал, то исчезал, чтобы через секунду появиться снова. Так продолжалось с минуту.

Убедившись, что строки пропали окончательно, Мартель решился открыть глаза.

Он бросился к пульту. Датчики, расположенные внутри корабля, как и в первый раз, не отметили ничего. Волнистые линии индикаторов мерно подрагивали у самой нижней черты. И только установленные снаружи...

Он едва успел закрыть глаза. Строки вспыхнули внезапно, и на этот раз не было чувства, которое предупредило бы его об этом. Хотя он отреагировал почти мгновенно, взгляд успел выхватить и запомнить три слова: «При обратной последовательности...»

Сжимая ладонями веки, он чувствовал сквозь них белый свет и ждал, когда это кончится. Но этому, казалось, не будет конца. Когда же строки, наконец, исчезли, Мартель не решился уже открыть глаза.

Поязка на глазах оградила от губительных строк, которые пытался навязать ему «кразум Цеверы». Со стороны он походил на человека, собравшегося играть в жмурки. Не было только видно его партнера. Но партнер был. И Мартелю казалось, он знает теперь, где искать его.

Мрак глухой стеной обступил Мартеля, и знакомый мир зримых предметов исчез. Его окружал теперь мир, воспринимаемый на ощупь, мир, границы которого очерчены были вытянутой рукой.

Чувствуя, что должен спешить, Мартель снова двинулся к пульта. Ощутив под пальцами знакомую клавиатуру, Мартель нажал на клавиш, который был самым левым. Это означало: «Я отдаю приказ». Пальцы его двигались все увереннее и быстрее, набирая индексы, которые жили в памяти так четко, как если бы он родился с этим знанием.

Кончив делать это, он прислушался. Не было слышно ни звука, но он знал, что, повинуясь его приказам, из недр корабля выползли аппараты каких-то немислимых форм. Вот они выползли и замерли, застыли рядом с шаром, ожидая команды. Потом дрогнули и одновременно рванулись с места. Пластаясь в воздухе перепончатыми крыльями, роняя кольца голубого пламени, припадая к камням, извиваясь и ввинчиваясь между скалами, они устремились на северо-восток. Туда, откуда датчики, расположенные вне корабля, смогли уловить слабый импульс.

Мартель ощупал поязку на лице и приготовился ждать. Он не знал, сколько времени прошло. Очевидно, ровно столько, сколько нужно, чтобы аппараты, посланные им, достигли своей цели. Когда это произошло, Мартель услышал сигнал, возвестивший об этом.

Он попытался было представить, что происходит сейчас там. Он не видел экрана, не видел, как огромная пещера темными перекатами, рывками надвигалась на него. Мглистые сумерки царили под глухими сводами, и в этом свете едва различались белые грушеобразные гроздья, свисавшие со стен и откуда-то сверху. И нити, множество белых нитей, исходящих от них и исчезающих среди камней. Они тянулись к другим таким же пещерам, углублениям и нишам, где свисали такие же белые гроздья, связуя их в единую сеть. Ослепительный голубой свет вспыхнул вдруг, на несколько мгновений ослепив всю пещеру. Акция началась.

Но каплевидные дыни, гигантские белые груши не реагировали ни на свет, ни на тепло, ни на излучения. Не реагировали на ультра-

звук. Аппараты пронзали гроздь насквозь, обдавали кислотами и сжигали в медленном пламени. Не было такого враждебного действия, которое не было бы пущено в ход, но ни одно из них не встречало ни малейшего сопротивления и никакого противодействия. Исчерпав свои возможности, аппараты замерли.

«Реакции нет,— сообщали они на корабль.— Реакции нет».

Теперь Мартель знал, что «источник опасности» мог воздействовать только на биологические объекты. Но не на механизмы, не на аппараты.

Маяк не был биологическим объектом, значит, он вне опасности.

Когда аппараты вернулись, Мартель скомандовал «старт» и вывел корабль на орбиту. Он сделал это по-прежнему вслепую, на ощупь. Только когда планета осталась внизу, он решился чуть сдвинуть повязку. Но тут же рывком вернул ее на место.

Белый свет метался по кабине.

Этого он не ожидал. Этого он не предвидел. Торопливой рукой Мартель набрал индекс, выводящий корабль на обратный курс к Земле. В положенном месте и в надлежащее время Шар вошел в «провал пространства», чтобы тут же вынырнуть в другом, дальнем конце Вселенной. Мартель снял повязку, и не успел раскрыть глаза, как сквозь сомкнутые веки почувствовал знакомый белый свет.

«Разум Цеверы» не выпускал его. Расстояние не защитило. Мартель представил себе, как, вернувшись на Землю, он привезет с собой эти бегущие строки, способные убивать.

Он должен избавиться от этого либо никогда больше не возвращаться на Землю.

Шар замедлил движение и сверкающей точкой замер на фоне черного неба. Через мгновение он как-то неожиданно легко сорвался с места и, раскручиваясь по гигантской спирали, устремился к Цевере, в направлении, откуда прибыл.

При всей кажущейся бессмысленности в том, что делал «разум Цеверы», должна была таиться какая-то своя логика. Какой-то свой, пусть иероглифический, но смысл. Но тщетно помал голову Мартель, пытаясь нащупать во всем этом какую-то путеводную нить.

Он не видел, когда на экранах начала вырастать Цевера, но именно тогда первая смутная догадка осенила его.

Если он угадал, если «разум» хотел, чтобы он вернулся, строки должны исчезнуть. Он снял повязку. Строк не было. Он был на верном пути. Теперь он должен был угадать второй шаг. И Мартелю казалось, он сделал это. Мартелю казалось, он понял, чего хотела от него эта планета и о чем зывали вставшие перед ним строки.

Едва корабль приземлился и вспыхнуло зеленое табло «твердь», Мартель включил панораму обзора. В сотне шагов над камени-

стой пустыней возвышалось кроваво-красное тело маяка. Неужели все дело в этом, только в этом? Неужели это так важно?

Мартель наблюдал, как, покинув корабль, аппарат приблизился к маяку. Хлынули пенные струи, и на мгновение маяк словно растворился в них. Когда бурые хлопья опали, кричащее красное пятно исчезло. Того же цвета, что и каменистое плато, маяк стал почти неразличимым на фоне окружающего ландшафта. Ничто не нарушало теперь однообразной монотонности, простиравшейся от горизонта до горизонта.

Мартель стал ждать. Он ждал подтверждения, что сделал именно то, чего от него хотели. Но знака не было. Не было ничего. Может, это и было знаком.

Вспыхнул сигнал отлета. Планета провалилась куда-то вниз и, обратившись в тускло мерцающую точку, исчезла среди звезд. Минуло какое-то время, и глухое, мерное уханье заполнило корабль. Это маяк возвещал, что команда «пуск» принята. Цель дальней связи замкнулась. Проект вступил в строй.

Мартель коснулся одной из клавиш, и в корабле сразу стало тихо. Только сейчас почувствовал он, как устал.захотелось лечь, закрыть глаза и ни о чем не думать. Он лег, закрыл глаза. И снова навязчивая паутина каких-то незнакомых голосов, слов и мыслей окутала его. Так он лежал, пока корабль, набирая скорость, удалялся от планеты. Так лежал он, пока корабль входил в «провалы пространства» и выходил из них. Все новые сцены и лица роились в его памяти, кто-то называл его Ральфом, а он все пытался не забыть что-то, но что? Время остановилось.

Когда Земля была уже недалеко, он заставил себя встать. В ушах стоял тонкий звон. Потом это прошло. С недоумением взглянул он на колоду карт, неведомо как и почему попавшую на корабль. Кабина показалась ему почему-то больше обычной. Но, может, он ошибается? Может, он ошибается?

Вспыхнул глазок локатора. Земля приняла его позывные.

— Вас вижу, вас вижу,— раздался голос дежурного наблюдателя.— Назовите себя.

— Корабль «Цевра — Земля»,— ответил он и удивился своему голосу.— Командир корабля Ральф. Говорит командир Ральф.

Он коснулся клавиши спуска и вдруг увидел свои руки. Это были чужие руки.

Корабль шел на посадку.

Д. БИЛЕНКИН

ХОЛОД НА ТРАНСПЛУТОНЕ

Вспышка света была тут взрывом. Луч взметнул из-под ног ледяное пламя, осколками разлетелись тени, темнота рванулась вверх, как дым.

Позже усталость привычки обратила свет в нечто осязаемо медлительное — в овал прозрачной материи, который надо было усилием тела пропирать сквозь неподатливую тьму. Там, где оболочку вспарывали искристые лезвия глыб, свет вытекал, застывая плоскими черными лужами. А поскольку луч фонаря двигался, то казалось, что светоносный овал ползет, подрагивая от боли. Впечатление было настолько явственным, что Игонин начал уговаривать себя: «Это обман зрения. Луч не сокращается в объеме, ничего подобного, свет не жидкость в дырявом мешке».

Примерно о том же думал Симаков: «Да, это не Антарктида холодной ночью. Похоже, а совсем, совсем не то».

— Темно, как у дьявола в кармане, — произнес он вслух.

Радио срезало обертоны, слова отдались в ушах Игонина мембранным пощелкиванием. Он ничего не ответил.

Предстояло пройти еще около километра.

Сверкающий, матовый, ноздреватый, белый, голубоватый, тусклый, прозрачный лед под ногами был водородом, углекислотой, метаном, аммиаком, неоном — они шли по поверхности атмосферы. Газовых испарений не было заметно, но они существовали, скрывая

звезды. Люди знали, что по обе стороны от них — нескончаемая равнина, и что над их головами миллиарды лет космической пустоты. Однако было физически тесно, и если бы не тренировка, ими мог бы овладеть психоз замкнутого пространства, как это случилось во время одной из первых экспедиций на Трансплутон.

Хотя провалов и трещин можно было не опасаться, наручные детекторы предупредили бы о них заранее, Игонин и Симаков шли без спешки, с той медлительностью, которая свойственна человеку в замкнутом и темном пространстве. То была чисто подсознательная реакция дневного существа на обстановку непроницаемой ночи. Сама же ходьба по Трансплутону, в отличие от полярных областей Земли, ничем не грозила. Здесь не было перемен погоды, не было — в точном смысле этого слова — ветра и тем более урагана. Сейсмически планета была мертва.

Все же в оболочке испарений иногда что-то происходило. В какой-то момент Игонину показалось, что луч фонаря дал в темноте слабеющий отблеск. Точно снежинка блеснула высоко над головой. Потом их блеснуло уже несколько. Сомнения исчезли — то были звезды.

Полог ночи спадал беззвучно и быстро. Сначала очистился круг над головами. Его опоясало дымное кольцо. Вращаясь, оно ширилось на глазах, пока не слилось с горизонтом.

— Ну-ка, выключим свет,— сказал Игонин.

Нет, ночь не исчезла. Она и не могла исчезнуть на таком расстоянии от Солнца. Все же люди вздохнули с облегчением. Над ними было небо — широкое, звездное, мрачное небо, столь же неподвижное, как все вокруг. Но по крайней мере стало просторней.

Как по команде, люди обернулись назад, туда, где низко над горизонтом стояло Солнце,— крупная желтая звезда, которая здесь не давала ни света, ни тени.

Затем также одновременно Игонин и Симаков посмотрели вперед. Закругляясь, черная равнина скатывалась за горизонт, над которым протянулась густая россыпь Млечного Пути. Впечатление края было необыкновенно сильным. Широкая ледяная площадка будто нависла над пропастью межзвездной пустоты, куда можно было падать вечно, лететь миллиарды лет, не достигая дна.

Конечно, это была не более чем игра воображения. И все же...

— Нелепо,— Симаков принужденно рассмеялся.— Здесь я начинаю понимать того монаха — помнишь картинку в учебнике? — который дошел до конца Земли и заглянул... в ничто. А вроде бы, какая разница, откуда смотреть на звезды.

— Разница все-таки есть,— негромко ответил Игонин.— Психологическая. Да, я тебя понимаю. Мы знаем, что находимся на краю

Солнечной системы, и что там, — он вытянул руку, — нет ничего.

При этих словах оба почувствовали себя так, будто из-за горизонта рванулся холодный ветер. Симаков даже передернул плечами, хотя скафандр грел по-прежнему.

— Ерунда, — сказал он громко. — Там есть другие звезды и другие планеты, а еще дальше другие Галактики, и мы когда-нибудь туда полетим... В конце концов сзади нас точно такая же пустота.

— Не такая. Опять же мы знаем, что там, близко, Земля, теплое Солнце, межпланетные станции, обжитое пространство, дом. Ничего такого впереди нет. Ладно, пора двигаться.

Звезды чуть-чуть подсвечивали грани ледяных скал, намечали их контур, но, разумеется, идти при таком свете было нельзя. Опять вспыхнули фонари.

В их луче сгнули все неяркие звезды. Но ощущение стесненности, ощущение замкнутой пещеры оставило людей. Наоборот, после того, как они мысленно прикоснулись к бесконечности, их уже не покидало чувство открытого, чересчур открытого, чересчур голого и чуждого им пространства. Психолог, пожалуй, мог бы заметить, что и это чувство — атавизм давних времен, когда предки человека жили в лесу, атавизм, который просыпается у горожанина в любой пустыне, а у кочевника обостряется при виде незнакомых и мрачных пространств. Теперь свет создавал для бредущих людей иллюзию покрова, хотя с точки зрения здравого смысла все это было чепухой. Какое значение имела обстановка для тех, на ком был скафандр?

— С-с-с... — сказал Симаков.

— Что такое?

— Ничего. Просто мне вспомнилась легенда о замерзших звуках. Глупая ассоциация мыслей. Ведь под ногами у нас — не лед. Могильные плиты. Вот так, мне думается, мерзлыми сгустками атомов, темнотой, тишиной и холодом окончится все, когда погаснет последняя звезда.

— А кто-то недавно говорил о полетах на другие Галактики... Да, слово «лед» здесь неуместно, а другого у нас нет. Ну и что? Может быть, смысл разума именно в том, чтобы не допустить такого вот оледенения мира.

— Возможно. Но пока здесь властвуем не мы, а холод. И это действует на нервы.

— Вообрази, что гуляешь по Сахаре, станет легче.

Вскоре они, однако, убедились, что здесь не все окаменело. В пологой ложбине дорогу им преградила неширокая полоса неподвижной жидкости. В ней точками, как в зеркале, горели звезды.

Наклонный луч высветил дно, — жидкость оказалась абсолютно

прозрачной, глубина нигде не превышала пятидесяти-шестидесяти сантиметров.

Симаков отцепил от пояса дистанционный анализатор.

— Всего-навсего квазисоединения благородных газов. Огибать лужу, пожалуй, не имеет смысла? А зябко...

— То есть как зябко?

— Входить. Как подумаешь о температуре этой смеси...

— Она везде одинаковая,

— Знаю.

Он шагнул первым. Игонин увидел, как жидкость без всплеска сомкнулась выше колен Симакова, как дрогнули звезды, побежали круги, как эти круги вдруг замерли, услышал вскрик, сопровождаемый нелепым взмахом. Игонин ринулся, опережая ход догадки. И жидкость, к его ужасу, не расступилась под подошвой ботинка, а отразила ногу, точно каменная плита.

— Она меня схватила! — вопил Симаков, извиваясь всем телом.

— Да это же метастабильная жидкость! — закричал Игонин. — Стой, я тебя высвобожу...

Призыв был излишним. Метастабильное состояние тем и своеобразно, что вещество в нем может остаться жидким при температуре порой много ниже точки кристаллизации; достаточно, однако, пылинки, толчка, чтобы жидкость вся и мгновенно застыла.

Игонин выхватил тепловой резак. Симаков уже не пытался вырваться, лишь смотрел на свои замороженные ноги, которые теперь пугали его своей беззащитностью. Пугали не эти членистые, просвечивающие сквозь лед металлические ноги, а те голые, из плоти и крови, что в них были.

У испуга свои законы и своя реальность. Игонин принялся действовать, едва осознав причину события, и действовал в соответствии с подлинной реальностью, которая, как он оценил, ничем не грозила Симакову, а просто требовала совершить ряд поступков — достать инструмент, взрезать лед, освободить товарища. Состояние же Симакова было иным, так как он был внезапно и грозно схвачен тем, что и без того давило на его мысли.

— Почему ты не достаешь свой резак? — закричал ему Игонин.

Симаков как бы очнулся и принялся вместе с Игониным резать лед.

— Ну, и каково же было оступиться в «могилу Вселенной?» — посмеиваясь, спросил Игонин, когда Симаков освободился и сделал шаг на негнущихся ногах. — Ладно, ладно, не смотри затравленным зверем, времени-то у нас немного, двинулись...

Он повернулся, насвистывая. Туман, который поднялся при резке льда, был настолько густ, что, когда Игонин из него выбрался,

позади себя обнаружил лишь слабо тлеющий огонек фонаря. Он колыхался, то исчезая совсем, то расширяясь в огненный глаз.

— Скоро ты там?

Игонин ждал ответа, но его не было. Глазок фонаря замер и уже не двигался. Игонин оцепенело смотрел на этот замерзший глаз, еще не веря в беду, но уже осознавая, что он боится этой неподвижности больше, чем молчания друга.

— Симаков!!!

От собственного крика зазвенело в ушах. Затем наступила тишина, долгая, сводящая с ума тишина, в которой слабо прошеле-стало слово:

— Замерзаю...

В голосе, который скорей угадывался, не было ни страха, ни борьбы, а только покорность.

Игонин рванулся что было сил, туман колыхнулся, и прямо перед собой он увидел черное изваяние с белым окаменевшим лицом, с глазами, которые были открыты, но которые стеклянно отражали свет.

Игонин дико посмотрел вокруг, словно тут могла оказаться помощь. Над куполом тумана стили редкие звезды, сзади лежала черная равнина, которую метнувшийся луч на мгновение сделал белой.

Поздно было неистовствовать, звать на помощь, убиваться. Поздно и бесполезно: Симаков был так же неподвижен и нем, как и все, что его окружало.

...Внося тело Симакова в кабину скайдера, Игонин не замечал ни помогавшего ему пилота, ни врача, который при виде Симакова издал удивленное восклицание. Мысленно он видел себя на месте замороженного по колено в лед товарища, который мог тогда предположить, но не предположил, что именно при таком сжатии способен проявиться мельчайший скрытый дефект скафандра, вопреки расчетам, вопреки опыту, вопреки всему, что они знали о его надежности.

Пробудило Игонина движение врача, который намеревался раскрыть скафандр Симакова.

— Осторожно! Тепло, если он не совсем окаменел...

— Чистый лицевой щиток. Не поняли?

Быстрым движением врач обнажил грудь Симакова и прикоснулся к ней кардиоскопом. Игонина качнуло к стене: гулкий, наполнивший кабину удар сердца взрывом отозвался в его сознании.

— Убедились? — поднял голову врач. — Скафандр выдержал, не выдержал человек. Боязнь удушья, боязнь замкнутого пространства, открытого пространства, вот теперь новый подарочек медицине —

космохладобия. Причина обморока не сам холод, а леденящая мысль о холоде, понимаете?

— Но как же так?! В космосе, в пространстве холод такой же страшный, однако никто, никогда...

— В космосе у него нет облика,— ответил врач, готовя шприц.— Может быть, поэтому.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ДЕБЮТАНТЫ

«АБИЦЕЛЛА»

Было около семи утра, когда над домом вошло солнце, и его свет, расчлененный на пластинки в щелях пластмассовой шторы, покрыл стену комнаты четкими вертикальными линиями, как штрихами раstra.

Нежные блики заиграли на боках продолговатого ящика, стоящего в углу. Оттуда послышался щелчок, и на панели засветилась шкала — электронный хронометр включил компьютер, который тотчас приступил к выполнению утренней программы: постукивая, разошлась на окне штора, комната наполнилась солнцем и веселой музыкой, проснувшись под которую можно сохранить свежесть и бодрость духа на весь день.

Человек, завозившийся на низкой лежанке в глубине комнаты, видимо, был немолод, ибо его пробуждение сопровождалось звуками, диссонирующими с приподнятой атмосферой только что народившегося дня: вздохами, похрахтываньем, звучным кашлем заядлого курильщика.

Усевшись в постели, он уставился в окно. Над крепкой его головой, свободной от лишних волос до самого темени, задорно торчал примятый во сне седой хохолок, отчего тяжелое лицо с волевыми складками по щекам приобрело неуместно проказливое выражение.

— Бог мой! — громко сказал он. — Какое утро!

Босиком прошлепал через всю комнату и распахнул окно. Его грудь обдало холодком, а в лицо пахнуло острым запахом сырой земли. Над садом еще витал зеленый туман, искрилась роса в траве под вязами, но песчаная дорожка, ведущая к дому, начала просыхать, и те места, куда не падала тень, уже посветлели.

Ясное утро таяло над деревьями, и мерно колыхался за кустами пласт неба, окованный камнем,— это в бассейне вздрагивала вода, отзываясь на толчки и шумы, порождаемые огромным городом, на окраине которого прятался под вязами дом Томаса Кинга, загадочный дом с просторной и низкой комнатой на втором этаже.

Солнце поднималось все выше, по стене поползли вверх потоки теплого воздуха.

— Сейчас выбежать бы на солнце в одних трусах,— мечтательно сказал Кинг,— сесть на дорожку и сыпать пригоршнями теплый песок себе на колени!

За долгие годы, которые Кинг провел наедине с самим собой, образовалась привычка думать вслух, и он перестал замечать это.

В кроне вяза, простиравшего ветви над самым домом, возлились воробьи. Внезапно в их гомоне, от которого, казалось, шевелились листья, послышался какой-то особенный посвист, чистый и знакомый.

— Ага! Это овсянка! — с удовлетворением заключил Кинг и тут же подумал, что не зря запретил садовнику Ноксу опрыскивать одорантом дерево. Преданный Нокс беспокоился, что воробьи будят хозяина раньше времени.

— Но в вязе гнездятся не только воробьи,— глубокомысленно возразил бы Кинг Ноксу, будь он сейчас перед ним.— Вот — запела овсянка. Впрочем, нет. Это слишком мелодично для овсянки. Так кто же это?

И, решив обязательно спросить садовника об этой певунье, он отвернулся от окна и направился к лежанке, с которой уже исчезла постель, а вместо нее появилась сложенная в стопку его утренняя одежда — спортивный костюм из синего эластика. Одеваясь, Кинг мельком взглянул на себя в зеркало и замер — на его лице блуждала глуповато-радостная улыбка.

— Ну, что сияешь, старая галоша? — обратился он к своему отражению и попытался погасить улыбку, но в результате разулыбался во весь рот.— Глаза совсем, как у мальчишки, которому пообещали купить велосипед.

— Впрочем,— уже ворчливо добавил он,— сейчас дарят не велосипед, а орнитоптер.

Неожиданный приступ радости слегка обеспокоил его, ибо никаких видимых причин к подобному веселью не было. Он подошел к электронному комбайну, в полированном ящике которого вместе

с компьютером был смонтирован телевизор и радиоприемник, погружал руку по локоть в особое отверстие, надел на голову ажурную шапочку энцефаллографа и нажал на клавишу, против которой на панели было написано «Эскулап».

— Доброе утро, сэр! — механическим голосом приветствовал King электронный диагностер. — Пульс шестьдесят пять, без аритмии, артериальное давление 140 на 85, общее состояние характеризуется некоторой эйфорией — вчера выкурили сверх нормы две сигареты и выпили около ста пятидесяти миллилитров...

— Ладно, парень, не болтай лишнего, — ударив по клавише, сказал King, и «Эскулап» замолк.

Послышался легкий свист и характерное жужжание. King настроенно уставился на телевизионный экран: так и есть — матовая поверхность кинескопа оживала.

— Доброе утро, сэр Томас! — послышался постный голос мисс Гримбл, и скоро на экране проявилось ее лицо. — Вы уже проснулись?

— Еще нет, — иронически фыркнул King.

— Вы перевели свой канал на одностороннюю связь, — укоризненно заметила старушка. — Ваша ирония неуместна, ведь я вас не вижу.

— Что, хотите увидеть, каков я без пижамы?

Мисс Гримбл выпрямилась и поджала рот, совсем спрятав плоские губы в складочках старческих морщин.

— Ученому с мировым именем не пристало шутить так, сэр!

— Ладно, — примирительно сказал King, — лучше объясните, отчего у нас так много пыли?

— Боже мой! Где вы ее нашли?

— На полу.

— Чем терли? Платком? Или бумажкой? — мисс Гримбл выглядела настолько встревоженной, что King едва не расхохотался.

— Бумажкой? Нет! Собственными подошвами.

— Вы ходили босиком? — лицо старушки изобразило неподдельный ужас. — Сейчас же наденьте туфли!

— Успокойтесь, мисс Гримбл, — сказал King. — Все в порядке. «Эскулап» сообщил: пульс и давление в норме, общее состояние характеризуется некоторой эйфорией...

— Это опасно! — старушка снова была на грани паники.

— Эйфория — это повышено радостное состояние, — усмехнувшись, сказал King. — Но не знаю, отчего оно у меня возникло.

— Ну как не знаете! — вдруг возразила мисс Гримбл. — Ведь сегодня такой день!

King недоуменно покосился на экран — мисс Гримбл не отлича-

лась особой чувствительностью, картины природы прежде никогда ее не волновали.

— Да,— неуверенно сказал он.— Утро прекрасное, роса, солнце..

— Роса здесь ни при чем.

— Тогда в чем же дело?

— Вы сами прекрасно знаете, сэр.

— Я знаю одно: утро такое прекрасное, что хочется петь. От этого у меня некоторая эйфория. У вас тоже, да?

— Не надо меня разыгрывать, сэр.

Кинг поморщился. Ему не хотелось отдавать это радостное ощущение легкости и простора, какое так счастливо снизошло на него с самого пробуждения, за ничтожное удовлечение от победы в скучном и ненужном споре.

— Мисс Гримбл, я иду в бассейн,— нейтральным голосом объявил он.— А пока включите систему пылеудаления. Пыль я не люблю.

— Сэр, я приду и сама все вытру.

— Ни в коем случае!

— Но система пылеудаления не справляется с вашей комнатой. Здесь нужна обыкновенная тряпка. У вас полно книг, от них вся пыль. Теперь никто не держит книг в комнатах.

— Ничего не выйдет.

— Тогда включите экран,— потребовала мисс Гримбл.— Я посмотрю, что у вас творится. Ужасный беспорядок, должно быть.

Кинг саркастически улыбнулся.

— Если хотите знать, порядок есть частный случай беспорядка, а я привык выводить законы и поэтому частных случаев не переношу.

Это был точный ход. Все, что имело отношение к науке, вызывало у мисс Гримбл благоговейный трепет. Кинг поспешил заказать на завтрак молодую картошку с простоквашей и укропом, зеленый лук, редиску и ржаной хлеб.

— Но ваш желудок...— начала было мисс Гримбл.

— Послушайте, мисс, ведь я не лезу в ваш гардероб, почему вы позволяете себе заглядывать в мой желудок? — отшутился Кинг, но шутка не удалась. Мисс Гримбл обиженно поджала губы.

— Будет исполнено, сэр. Я свободна?

— Постойте, мисс Гримбл, постойте...

Он должен был что-то предпринять, потому что знал: если она уйдет обиженной, утро будет безнадежно испорчено.

— Вот что я хотел спросить... Где Нокс? Почему его нет в саду? Упоминание о Ноксе было грубой ошибкой. На далее как пять

лет назад Кинг сам посоветовал садовнику не попадаться на глаза. Нокс раздражал его своим преувеличенно подобострастным видом. В порыве прекраснодушия Кинг забыл об этом, и мисс Гримбл взялась освежить его память.

— Нокс стриг траву, когда вы распахнули окно, он ушел.

— Почему? — глупо спросил Кинг.

— Потому что он не знал, что вы пожелаете его видеть, — отчеканила мисс Гримбл.

Но Кинг не хотел признать свое поражение.

— А вы не спросите у него, какая птичка пела сегодня под окном? — невинно произнес он.

— Птичка? — остатки бровей мисс Гримбл взлетели под самый верх лба.

— Да, птичка, — уже свирепая, повторил Кинг. — Она пела так: тинь-тир-ли-люли-тинь!

— Как, как!

— Тинь-тирли-люли-тинь! — заорал Кинг в микрофон.

— Я так и должна сказать — тинь? — мисс Гримбл безжалостно добивала его.

Кинг ударил по клавише и выключил канал внутренней связи. Его обидели. Он пытался поделиться радостью — его не поняли, хотел пошутить — на него обиделись, он предложил мир — тогда обидели его самого. Нет, не зря пятнадцать лет назад он дал зарок оставлять при себе и свои несчастья, и свои радости, ибо и то, и другое люди встречают равно неприязненно. Радости, потому что они чужие, несчастья, потому что этого добра у всех своего достаточно. Праздный разговор с экономкой с самого начала был чреват ссорой, нужно было предвидеть это.

Так продолжал думать Кинг, погружаясь в бассейн. Мысли отвлекали его от плавания, в конце концов он застрял на мелком месте, там, где в бассейн выходила труба с подогретой водой. Теплые струи обтекали тело, навевая дремоту.

— К черту! — разозлился Кинг. — Портить такое утро из-за стычки с мисс Гримбл! Не будет этого.

И, оттолкнувшись от стенки, он поплыл. Предки наградили его крепким костяком земледельца — плечи широко разнесены на массивных ключицах, от этого гребок получается емким, и тело, как торпеда, вылетает на поверхность.

Потом он вылез на теплый гранит бортика и растерся полотенцем. От плавания в мышцах возникло ощущение томной усталости, а кожа все еще помнила ласковый холодок воды.

Вода... Удивительная субстанция! Тяжелая и незесомая, прозрачная и сплошная, податливая и твердая! Как могло возникнуть такое

из неосязаемых молекул двух газов? И хотя Кинг лучше, чем кто-либо другой, знал, как это произошло, он не мог отказать себе в удовольствии наивно восхищаться изумительной этой средой.

Возвращаясь в дом, он увидел, как за кустами мелькнула спина Нокса. Кинг хотел было окликнуть его, чтобы спросить о птишке, которая пела в кроне вяза, но, представив, как задрожал бы Нокс, если бы он вздумал заговорить с ним после пятилетнего молчания, передумал. В библиотеке у него хранился полный Брем, по которому можно узнать о любой птишке без всякой помощи Нокса.

Несколько метров отделяло его от входа в дом, когда в глаза ему сверкнул солнечный зайчик. Кинг вздрогнул, так и есть — над оградой, как мачты в гавани яхт-клуба, колыхалась целая роща Шестов с прикрепленными телекамерами. После нескольких лет затихшая, когда Кинг начал уже надеяться, что о нем прочно забыли, камеры все чаще стали появляться над оградой.

Послав к чертям всех репортеров с их дурацкими затеями, Кинг легко взбежал по ступенькам, и за ним захлопнулась дверь.

— Завтракать, мисс Гримбл! — крикнул он, войдя в комнату и включив канал связи.

В стене раскрылся проем, и транспортер доставил поднос с завтраком. Вдохновенная ссорой мисс Гримбл превзошла самое себя: дымилась округлые ядрышки картофеля в узорчатых лапках укропа, редиска нарядно адела среди пучков зеленого лука, а простокаваша застыла в горшочке монолитным куском.

— Вы чудо, мисс Гримбл! — воскликнул Кинг. — Что бы я делал без вас!

Лестя! Нет более простого и надежного средства коммуникации.

— Я очень рад, что вы живете у меня, — пел Кинг, наслаждаясь пищей. — А вам, должно быть, нелегко со мной.

— Не с вами, а с экраном телевизора, — проворчала мисс.

— Но ведь на экране — я.

— Иногда мне кажется, что вас нет, — ответила экономка, — что все это обман, передача из телестудии.

«Сейчас пришло на транспортере пустые тарелки, и убедисься, что я существую», — подумал Кинг, но вслух сказал иное:

— Благодарю, мисс Гримбл, завтрак был великолепен! Теперь сигарету, и больше мне ничего не нужно.

— Тогда отключите экран, — послышалось из динамика, — я не выношу табачного дыма.

— Bravo, мисс, bravo! — Кинг захлопал в ладоши. — Великолепная шутка!

— Горькая шутка, сэри! — вздохнул динамик.

Старушка вконец расстроилась, надо было как-то утешить ее.

— Послушайте, мисс Гримбл,— начал Кинг, наслаждаясь сигаретой,— ведь я не против, чтобы вы пригласили гостей. Веселитесь, пейте коктейли... Почему вы не делаете этого?

— Потому что все время чувствую себя виноватой! — с жаром ответила женщина.— Я проработала у вас пятнадцать лет и за это время видела вас лишь однажды, когда вы расшиблись в бассейне и за вами приехал санитарный автомобиль.— Мисс Гримбл замолчала. На лице ее появилось страдальческое выражение.— Мне постоянно кажется, что вы не хотите меня видеть, потому что я в чем-то провинилась. Если б вы знали, как это трудно!

— Но ведь я сторонюсь не вас именно, мисс Гримбл. Я не допускаю к себе никого.

— Так зачем это? Вы умнейший человек, сэр Томас, что заставило вас заточить себя в эту конуру, пропахшую табаком?

Кинг почувствовал, что до очередной ссоры осталось два-три слова.

— Мисс Гримбл, сегодня прекрасное утро,— медленно выговорил он.— И чтобы не портить себе его, давайте на этом закончим наш разговор.

— Вы рассердились на меня? — помолчав, спросила мисс Гримбл.

— Нет,— ответил Кинг, стиснув зубы.

— Если позвонят из города, соединить с вами?

— Нет.

— Ведь сегодня особенный день, будет много звонков...

— Нет!

— Всего доброго, сэр!

Послышался щелчок — мисс Гримбл отключилась.

— Упрямый старик! — добавил Кинг за нее. Несмотря на все рифы и подводные камни, ему все же удалось привести корабль своего настроения в спокойную гавань.

Насвистывая, он настроил компьютер на поиск в библиотеке и набрал шифр томов Брема. Можно было воспользоваться системой электронного воспроизведения и читать текст с экрана телевизора — компьютер хранил в своей памяти всю библиотеку, которая умещалась на рулоне магнитной пленки размером с блюдце. Но Кинг любил книги. Их запах, шелест пожелтевших страниц, потертые корешки с золотым тиснением...

Через минуту транспортер доставил нужный том, переплетенный в зеленую шагрень. Устроившись в любимом кресле, Кинг закурил сигарету и принялся рассматривать иллюстрации. Они были выполнены в древней манере черно-белых гравюр, с поразительной выпуклостью передававших мельчайшие детали птичьего оперения. На

перышках был прорисован каждый волосок. Особенно поразил Кинга рисунок, изображавший полевого воробья. Прекрасно запечатлел художник, как острый коготок птички проколот травинку, прикишную к земле. Каким терпением надо было обладать, чтобы нанести на медную доску бесчисленное множество линий различной толщины, которые чудесным образом соединялись в изображение предметов и животных! И хотя этого же можно достичь простым нажатием пальца на кнопку фотокамеры, труд искусного мастера не бесцелен, ибо ни одна фотография не смогла бы передать самодовольства этого воробья, когтистой лапкой попирающего землю. И все же замечательное это искусство погмбло. Люди лишились дара терпения. Репортеры, фотокамеры, телекамеры, целая роща тепекамер над оградой...

Кинг тряхнул головой — не мог он, несмотря на старания, всецело отдаться любимому занятию. В голове ронлись нелепые мысли, какое-то раздражающее беспокойство отвлекало внимание. Не мог же подействовать шабаш, который затеяли с утра репортеры за оградой его сада, или спор с мисс Гримбл! То и другое случалось едва ли не каждый день и давно превратилось в обыденное. И все же, чувствовал Кинг, именно это мешало ему наслаждаться гравюрами.

Усилием воли он попытался вернуть себя к книге, но вместо этого почему-то вспомнил одну из последних фраз, которую произнесла мисс Гримбл перед тем как отключиться:

— Сегодня особенный день, сэр, будет много звонков.

— Я слышу об этом с утра! Особенный день, особенный день! — он в ярости захлопнул книгу. — Надо, наконец, выяснить, в чем состоят особенности дня...

Чертыхнувшись, он включил канал внутренней связи, чтобы задать мисс Гримбл этот вопрос, но, прежде чем телевизор прогрелся, он успел красочно представить себе всю громоздкость предстоящего объяснения, и его палец как бы сам по себе завис над клавишей, против которой на панели значились буквы ТВ, и опустился. Компьютер тотчас же исполнил приказ — телевизор Кинга впервые за последние годы включился в программу национального телевидения. Звук, как и положено, появился раньше изображения, и с первых же слов Кинг понял, что лучшего момента он выбрать не мог — шла передача о... нем.

— Сегодня на устах людей всего мира, — рокотал баритон диктора, — как и пятнадцать лет назад, одно имя — Томас Кинг, светило мировой науки...

Кинг занес руку над злосчастной клавишей.

— В такой день, — продолжал диктор, — мы должны были бы

представить вам великого ученого. Но из-за чрезмерной занятости сэра Томаса получить интервью нам не удалось.

— Знают, что гоню репортеров в шею,— с удовлетворением пробрмолел Кинг.

Но диктор тут же поспешил обрадовать зрителей, что им покажут «обитель величайшего ученого современности». На экране появились кадры, и Кинг увидел свой дом под вязом и даже успел разглядеть какое-то движение на дорожке. Не иначе как это был он, когда, возвращаясь с купанья, увидел шесты с камерами над оградой и шмыгнул в дом. Небогатый улов, однако.

— Вот окно кабинета, где работает человек, гений которого сплодотворяет науку наших дней,— пояснял диктор, и Кинг фыркнул:

— Я уже оплодотворяю науку!

— В тенистом саду вы видите бассейн,— диктор таял от умиления.— Говорят, ежедневно сэр Томас проплывает около двадцати миль.

— Идиот! — зарычал Кинг.— Для этого пришлось бы плавать все двадцать четыре часа в сутки.

— Сэр Томас,— продолжал диктор,— большой любитель...

Здесь его голос был заглушен шорохом и треском.

— Ну? Что ты хотел сказать? — крикнул Кинг в телевизор.— Большой любитель виски?

Помехи прекратились, но вместо диктора Кинг с удивлением услышал незнакомый голос, настроженный и тихий:

— Алло! Мистер Кинг!

Кинг даже вздрогнул от неожиданности.

— Что такое? Кто говорит?

— Мистер Кинг, я — Гарри Хоган,— послышалось из телевизора, в то время как экран затянуло мутной рябью.— Гарри Хоган, репортер...

— Ре-пор-тер?

Рука Кинга потянулась к клавишам, но каким-то образом Хоган угадал это движение и завопил в микрофон:

— Мистер Кинг, умоляю, выслушайте меня!

Должно быть, Кинг здорово растерялся, иначе никакие мольбы не смогли бы его остановить. В течение пятнадцати лет ни один репортер, несмотря на самые отчаянные попытки, не смог даже приблизиться к нему, и вдруг некий Хоган пролез в святая святых — в его комнату! Было от чего растеряться. Но как он влез в телевизор? В Кинге пробудилось профессиональное любопытство исследователя.

— Откуда вы говорите? — спросил он.— Кто соединил вас со мной?

И Хоган торопливо объяснил, что специально для этой цели он заказал аппаратуру и установил ее в соседнем доме, организовав там своего рода телецентр, излучатель которого был постоянно направлен на антенну Кинга. В течение трех недель он не отходил от аппарата, дожидаясь, когда Кинг включит свой телевизор, и наконец дождался.

— Не отключайтесь, мистер Кинг,— попросил Хоган в заключение.— В это дело я вложил все, что у меня было.

— Лучше бы вы направили свое воображение на более полезную цель,— проворчал Кинг.

— Я репортер, мистер Кинг,— ответил Хоган.— У меня нет более желанной цели, чем получить у вас интервью. У маленького человека — маленькие цели,— желая разжалобить Кинга, добавил он, но едва не просчитался.

— Сейчас же прекратите унижаться! — рявкнул Кинг.

— Это зависит от вас, сэр,— зашептал Хоган.— Несколько вопросов, не ради меня, ради моих детей.

— Мне нет до них дела,— отрезал Кинг.— Вы плодитесь, как кролики, я не желаю помогать вам в этом.

— У меня больная мать,— тихо сказал Хоган.— Я не хотел говорить, но деньги мне нужны, чтобы устроить ее в хорошую клинику.

Кинг заколебался. Почти отмершее уже благоговение перед словом «мать» нехотая зашевелилось в нем.

— Ваше разбойничье орудие может навести изображение на моем экране? — нахмурившись, спросил он.

— Конечно, сэр! — радостно откликнулся Хоган.— Если вы включите свой канал...

Кинг щелкнул клавишей, и на экране появилось лицо человека лет тридцати пяти. Аккуратный пробор, бакки — типичная физиономия репортера, вот только глаза были излишне задумчивы, даже грустны. Похоже, не врет насчет больной матери.

— Такими вещами не шутят, сэр,— скорбно заметил Хоган, должно быть, уловив сомнения на лице Кинга. Теперь и он его видел на своем мониторе.

— Ладно,— сдался Кинг.— Давайте ваши вопросы. Только быстрее. Быстрее!

Хоган распахнул блокнот.

— Я написал тут кое-что о вашей теории структурной рекомбинации, разрешите прочесть, может быть, где-то напутано?

— Валайте,— вздохнул Кинг.

— Пятнадцать лет назад,— начал читать Хоган,— великий ученый нашего времени...

Пятнадцать лет назад Кинг не был великим ученым. Рядовой физик, он отличался лишь упорством, с каким корпел в своей лаборатории, стойко снося последствия безвестности, самым тяжелым из которых было полное отсутствие анимания к его работе. И вдруг он получил все, в том числе и те пышные титулы, какими сыпал сейчас Хоган в благоговейном экстазе обывателя, встретившего на улице кинозвезду. Будь эта трескотня свидетельством того, что люди, наконец, заметили и оценили его самоотверженный труд в течение десятилетий, Кинг отнесся бы ко всему терпимей. Но идолом его сделали не годы изнурительного труда, а всего лишь одна простенькая мысль, которая могла бы прийти даже школьнику. И это назвали теорией структурной рекомбинации, примитивно до тошноты: взять смесь трех углеводов А, В и С, поместить в условия сверхвысоких давлений и нейтронных пучков большой плотности — и образуется новый углеводород АВС, обладающий способностью самостоятельно увеличивать массу за счет присоединения атомов водорода и углерода из окружающей среды.

Верным свидетельством вульгарности этой идеи было то, что ее охотно усвоил обыватель. Даже домохозяйки включили теорию структурной рекомбинации в круг тем, подлежащих обсуждению в зеленых лавках.

«Вы слышали, что надумал этот Кинг? Если налить в водородную бомбу что-то вроде керосина и взорвать, получится такая штука, вроде пластмассы, которую можно растить задаром, как капусту на грядках».

Задаром! Новая теория привлекла внимание прежде всего потребительскими свойствами конечного продукта. Позднее, когда началась работа над проектом его получения, продукту АВС присвоили безвкусно пышное название «Абицелла». Это произошло уже без участия Кинга, так же, как и составление проекта, ибо к тому времени никем не понятый Кинг удалился в добровольное изгнание. Осуществлением проекта руководил его любимый ученик Рони Кауфман. Проект был грандиозен: у берегов Антарктиды будет сооружен гигантский бункер с водородной бомбой, погруженной в смесь исходных углеводов. При ее взрыве создадутся условия для образования Абицеллы.

— Абицелла — это полимер, обладающий лучшими качествами конструкционных материалов от железа до дерева, — захлебывался Хоган. — Дешевые дома, автострады с вечным покрытием, купола над северными городами — все это даст нам Абицелла...

— Хватит! — решительно сказал Кинг. — Все это я слышал пятнадцать лет назад!

Хоган послушно закрыл блокнот.

— Да, сэр, но сегодня эти слова приобретают реальный смысл. Кинг хотел было сообщить, что плевать он хотел на реальность этих слов и на сами слова, но сдержался. Не хватало затеять перебранку с репортером.

— Все, Хоган,— Кинг положил палец на клавишу выключателя.— Делайте с этим детским лепетом что хотите, а сейчас проваливайтесь. День вы мне испортили безнадежно.

— Простите за назойливость, сэр Томас, но такой уж сегодня день.

Кинг даже поперхнулся от злости:

— Какой? Какой в конце концов сегодня день?! Я слышу об этом с самого утра. Что в нем особенного, черт бы побрал ваше косноязычие!

Эти слова искренне удивили Хогана.

— Но если эксперимент удастся,— неуверенно начал он,— этот день войдет в историю...

Кинг откинулся на спинку кресла.

— Да... Знаю,— с нарочитым безразличием произнес он,— Сегодня...

— Совершенно верно, двадцать седьмое, сэр,— с готовностью подсказал Хоган, посмотрев куда-то вбок, и Кинг понял, что он следит за выражением его лица по экрану своего монитора.— Этого дня ждал весь мир.

Да, весь мир ждал, а он, Кинг, забыл и число, и все, что должно произойти в этот день.

Хоган оторвался от монитора и уставился в объектив телекамеры невинным взглядом, но Кинг знал, что он уже подсчитывает барыш, какой принесет ему сенсационное известие, что этот старый чудак Кинг позабыл все на свете, в том числе и день, когда состоится эксперимент.

Он даже попытался воспользоваться минутным замешательством Кинга и попросил разрешения опубликовать снимок, который он успел сделать с экрана. Неслыханная наглость! Следовало бы осадить его, припугнуть, чтобы не сболтнул лишнего, но Кинг поступил иначе: ударил по клавише, и Хоган исчез для него навсегда.

Некоторое время он сидел неподвижно, пытаясь привести смятенные чувства в порядок. Накопившееся раздражение требовало разрядки, и, соединившись с мисс Гримбл, Кинг в резких выражениях потребовал отчета, почему ему не напомнили, что сегодня двадцать седьмое?

Старушка, разумеется, сразу поджала губы. Она, видите ли, была уверена, что он помнит это твердо. К тому же его настроение с утра было таково...

— При чем здесь мое настроение!? — взорвался Кинг. — Немедленно закажите разговор с Антарктидой. Вы давно должны были сделать это. Там Рони Кауфман, я должен поговорить с ним.

— Рони уже звонил, сэр, — сообщила старушка.

— Так что же вы не связали его со мной?

Лицо мисс Гримбл приобрело саркастический оттенок.

— Во-первых, вы сами не велели соединять с вами кого бы то ни было. А во-вторых, ваш канал был занят.

— Это Хоган, проклятый Хоган со своим излучателем! — застонал Кинг.

Мисс Гримбл оставила его стоны без внимания.

— Я закажу разговор, сэр, — голосом, не предвещавшим ничего хорошего, пообещала она. — Но перед этим позвольте несколько слов.

— Что еще?

— Я считаю, сэр, — торжественно начала она, — что сегодняшним случаем с числом — это указующий перст судьбы.

Попытка остановить ее окончилась безуспешно.

— Да, сэр! — мисс Гримбл повысила голос. — Судьба предупреждает: нельзя жить, отгородившись от людей. Сегодня вы забыли число, когда сбудется ваша мечта, завтра забудете свое имя. Одумайтесь, сэр!

— Хватит! — Кинг с такой силой удрил по панели, что внутри комбайна что-то звякнуло и отозвалось мелодичным звоном. — Хватит! Указующий перст судьбы!

Он метнулся в угол, где в стене был вмонтирован бар, налил себе подстакана джина и выпил залпом. Но пока джин совершал длительное путешествие от желудка до головы, чтобы осуществить свою умиротворяющую миссию, Кинг успел разослать проклятия по многим адресам.

— Надоело! — кричал он, стоя перед комбайном, в безмолвном экране которого для него воплотилось сейчас все, что он так ненавидел. — Я прожил на свете шестьдесят лет, и всегда находился кто-нибудь поучающий, наставляющий, указующий! Ты должен быть, как все, не умничай! Ты должен быть, как все, займись настоящим делом! Ты должен быть, как все, женись! Слепыц! В каждом стаде есть одна паршивая овца, так оставьте ее в покое хотя бы на склоне лет!

На эти слова комбайн весело подмигнул желтым глазком вызова — его канал соединяли с Антарктидой.

— Алло! Мистер Кинг, ответьте! — звала девушка со станции межконтинентальной связи. — Мистер Кинг!

— Я здесь! — крикнул Кинг. — Это Антарктида, давайте. Алло, Рони, как идет подготовка к взрыву?

— Простите, сэр,— вежливо прервала его девушка,— но вас вызывает Москва.

— Зачем мне Москва? — Кинг был изумлен.— Я заказывал Антарктиду!

— Простите, соединяю с Москвой.

И пока Кинг собирался с мыслями, на экране появилось улыбающееся полное лицо человека лет сорока пяти с густой шапкой светлых волос.

— Здравствуйте, господин Кинг! — сказал он с характерным акцентом.

— Хеллоу! — Кинг улыбнулся на всякий случай. Он не мог взять в толк, зачем понадобился Москве, но улыбка у него, должно быть, не удалась, потому что человек спросил:

— Вы не узнаете меня? — и, чтобы выручить Кинга, тут же добавил: — Я — Дынин, из Москвы.

— Ах, мистер Дынин! — теперь он сыграл лучше, Дынин, кажется, поверил, что его узнали, тем не менее Кинг мог поклясться, что такую фамилию он никогда не слышал.

— Как вы себя чувствуете, господин Кинг? — весело осведомился Дынин, и все сразу стало понятным.

«Репортер,— с тоской подумал Кинг.— Такое умное лицо, и кому досталось!»

Рука привычно легла на панель, и все же нажать клавишу он не решался. Если бы Дынин был своим репортером, он уничтожил бы его мгновенно, но он был из Москвы, а русские, считал Кинг, ко всему относятся чересчур серьезно.

— Как я себя чувствую? Прекрасно! — он изобразил убийственно вежливую улыбку.— А как чувствуете себя вы, мистер Дынин?

«А как почувствуете себя вы, мисс Гримбл,— подумал он,— когда я устрою вам приличную взбучку, чтобы впредь моя комната не превращалась в проходной двор?»

Его ирония, похоже, попала в цель. Дынин смущенно улыбнулся.

— Простите за столь банальное начало, господин Кинг. Но это от волнения. Ведь я говорю с вами впервые.

Его искренность озадачила Кинга.

— Слушаю вас,— насторожившись, сказал он.

— Я к вам по делу.

— Вот это уже лучше.

С румяного лица Дынина исчезли последние остатки улыбок, оно стало строгим.

— Вы получили последний выпуск «Известий Академии наук»? — спросил он.

— Нет. А что там?

— Результаты исследований поведения некоторых углеводов в нейтронных пучках высокой плотности.

— Нет,— честно признался Кинг.— Последнее время я мало читаю такой литературы.

На лице Дынина отразилась тревога.

— Дело в том, что это касается проекта «Абицелла».

— Да? — Кинг ощутил заметные признаки надвигающейся скуки.— Видите ли, мистер Дынин, техническая сторона эксперимента далека от меня. Всеми делами там заправляет мой ученик Рони Кауфман.

Это почему-то обрадовало Дынина.

— В таком случае все в порядке,— заявил он.

— Что именно? — из вежливости поинтересовался Кинг.

— Нам удалось выяснить, что часть продуктов распада углеводорода марки В может принимать участие в термоядерной реакции.— Иными словами, сила взрыва должна возрасти.

От сонливости, возникшей не без помощи джина, не осталось и следа. Кинг напрягся в кресле, в ушах появился звон с шипеньем и закололо в основании затылка. Вот так «Известия Академии наук!» Он опустил голову, чтобы Дынин не увидел его лица.

— Любопытно,— с трудом выдавил он,— любопытно...

И все же Дынин что-то заподозрил:

— Я уверен, что Рони учел в расчетах этот фактор,— нарочито небрежно заметил он.— Мы опубликовали результаты месяц назад.

— Конечно, конечно,— поспешно согласился Кинг.— Я убежден...

— Тогда все в порядке,— сказал Дынин, но лицо его оставалось напряженным.— Может быть, изложить на всякий случай методику учета добавочной энергии при взрыве? — помолчав, спросил он.— Если, конечно, вы располагаете временем.

— Время есть, но вот смогу ли я ее усвоить? — попробовал пошутить Кинг.

— Вы? — Дынин рассмеялся.— Она слишком проста для вас.

Они, как могли, помогали друг другу справиться с охватившей обоих тревогой.

Дынин положил перед своей телекамерой листок с расчетами, а Кинг включил систему записи, и через минуту компьютер выплюнул карточку, испещренную формулами. Кинг впился в нее взглядом.

— Буду очень рад, если это послужит успеху эксперимента,— донесся до него далекий голос Дынина.

— Да, да, большое спасибо! — ответил Кинг, не поднимая головы.

Потом Дынин почему-то заговорил женским голосом. Он назойливо повторял один и тот же ничего не значащий вопрос. Кинг

с досадой поднял глаза на экран — на него смотрело рассерженное личико девушки в униформа межконтинентальной связи.

— Вы довольны изображением, сэр? — в десятый раз повторила она.

— Да, да, благодарю, — машинально ответил Кинг, но тут же снова поднял голову: — Вообще, качество могло быть и лучше.

Буквы на карточке с записью методики Дынина местами расплывались.

— Просим извинить, — ответила девушка, — мы проверим аппаратуру.

Методика Дынина была несложна, и это лишь усилило беспокойство. Кинг привык доверять простым вещам. Должно быть, русский прав. А Рони? Учил ли он этот фактор, увеличивающий силу взрыва?

Кинг вспомнил, что несколько лет назад, когда проект «Абицелла» был утвержден, Рони прислал ему в подарок сводный том расчетов. Кинга тогда разочаровал этот жест, продиктованный тщеславием. Тем не менее том был введен в память компьютера, это Кинг помнил точно.

Он настроил компьютер на поиск в хранилище технической литературы. Через две минуты на экране появилось изображение титульного листа, в верхнем углу которого красовалось размашистое факсимиле Рони: «Терпеливому учителю от нетерпеливого ученика». Изображение местами искажалось, особенно по углам, где была нарушена резкость. Кинг позволил себе подумать, что зря отчитал девчонку из межконтинентальной связи, барахлила не их аппаратура, а его комбайн, и погрузился в работу. Перед ним была не книга, а экран, и пальцы не листали страниц. Нажатие кнопки — и перед тобой следующая страница. Может быть, это удобней, чем листать книгу, не нужно прижимать непокорные листы, но это делает книгу живой, а экран всегда холоден и мертв.

И все же работать с экраном удобно. Кинг уменьшил размер страниц настолько, что глаза едва различали математические символы, но зато на экране стало умещаться сразу по полудюжине страниц. Анализ главы «Баланс энергий» занял пять минут. Потом Кинг просмотрел основные формулы еще раз. Ни в одной из них он не нашел того, что надеялся найти. Рони совершил грубую ошибку. Да, он не мог знать, когда сводил баланс энергий, что, спустя три года, Дынин опубликует новые данные, но интуиция ученого... Где же была твоя интуиция, Рони? Нетерпеливый ученик! Вот они плоды твоего нетерпения!

С досады Кинг снова отправился в угол, где на откидном столике бара красовался штоф с джином. Солнце успело пропутешествовать

от одной стены до другой. Полдень. Кинг обратил внимание на жужжащий звон, наполнивший комнату — кондиционер работал с перегрузкой оттого, что окно было распахнуто. На дворе жара. Подвдвляли шершавые листья в кроне вяза. А за кустами маняще голубела вода и вспыхивали солнечные блики. Прекрасное время для купанья. Потом — второй завтрак. стаканчик джина. И снова гравюры с птицами. Подумать только, всех этих небольших, но привычных удовольствий он сам лишил себя, всего на один шаг отступив от правила, которого неукоснительно придерживался в течение пятнадцати лет: не допускать вторжения внешнего мира за ограду своего дома.

Не включи он телевизор, не прорвался бы к нему Хоган и не напомнил бы, каков сегодня число, не было бы разговора с этим дотошным русским, после которого в затылке возникло нытье и до сих пор дрожат пальцы. Но что случилось бы тогда с Рони? Эксперимент, его эксперимент, обернулся бы жестокой неудачей. Наверняка не обошлось бы без жертв. Кто знает, насколько увеличилась бы мощность взрыва и как сказалось бы это на кораблях поиска, добрую дюжину которых пригнали к берегам Антарктиды? Может быть, все кончилось бы хорошей встряской да лишними синяками. А если бы взрыв получился таким, что, опустошив океан, гигантская волна докатилась бы до Австралии и понеслась вверх по меридианам, сметая на пути жалкие барьеры коралловых рифов вокруг островов южных морей? Домчалась бы до берегов Америки и Азии? Достигла бы низких берегов Японии с ее полутора сотнями миллионов населения?

— Ну, это уже из области фантастики, — подумал Кинг. — А вот для Рони любая неудача была бы тяжелым ударом.

Значит, не зря включил он свой телевизор? Значит, по-прежнему его связывает с Кауфманом нечто большее, чем просто память о том времени, когда Рони был его учеником. И это сродство не исчезло за долгие годы взаимного охлаждения, в котором был виноват он, Кинг, не сумевший понять, что глупо разочаровываться в человеке из-за того, что он не во всем соответствует твоему идеалу. Да, Рони, без сомнения, тщеславен и выбрал кратчайший путь к успеху, связав все свои помыслы с проектом «Абицелла», который в большей степени имеет отношение к коммерции, чем к науке.

Но разве не тщеславие, не жажда славы вдохновляли его, Кинга, в более чем двадцатилетнем поиске, когда, отказавшись от любви, семьи, достатка, он ломился сквозь неудачи и, только преодолев препятствия, понял истинную цену всему, что его манило? Придет время — Рони тоже узнает это. Нельзя торопить события, над ко-

торыми не властен человек. Одна ошибка порождает другую: не оставь он тогда Рони, вряд ли возникло бы это опасное недоразумение в расчетах.

Стакан с джином Кинг поставил на столик. Работая над расчетами, он почувствовал, как мешают принятая час назад доза. Сейчас нужна ясная голова.

Он соединился с мисс Гримбл.

— В чем дело? Почему не дают Антарктиду?

— Я заказала разговор, сэр.

— Почему же они молчат? Мне очень нужен Рони. Понимаете?

Очень!

Старушка испуганно закивала головой:

— Я сделаю, что смогу, сэр!

И Кингу стало неловко оттого, что он повысил голос. Уж кто-кто, а мисс Гримбл совсем была не причастна к тому, что может произойти в Антарктиде.

— Хорошо,— смягчив голос, сказал он.— А пока соедините меня с вычислительным центром Джеральда.

Вероятно, появление теней предков не удивило бы Джеральда больше, чем лицо Кинга, возникшее на экране видеодиска.

— Господи! Сэр Томас! Ведь я не видел вас пятнадцать лет!..

— Ну и что?

— Дело в том, что вы совсем не изменились.

— Я открыл средство для бессмертия.

— Не уделите ли и мне порошочек?

— Его пьют рюмками, Джеральд.

— В таком случае мне нельзя, у меня печень,— с тонкой улыбкой ответил Джеральд, и Кинг остался доволен. Острое словцо всегда было его слабостью.

— Джеральд, у меня мало времени,— погасив улыбку, сказал он.

— И это при вашем бессмертии?

— Ладно вам! Включите-ка лучше систему записи. Сейчас я продемонстрирую вам один расчет с дополнительным условием.

Он вложил в компьютер карточку с копией главы из расчета Рони, а за ней — карточку с формулами Динина.

— Подсчитайте на вашем «Тайфуне», как изменится конечный результат, если учесть дополнительное условие.

Джеральд почти с благоговением взял в руки выползший из его печатающего устройства лист.

— Только поскорее, ладно? — напомнил Кинг.

— Отлично! — весело отозвался Джеральд.— Через час получите ответ.

И Кинг сел ждать. Он рассчитал — до взрыва осталось не менее десяти часов. Сейчас он поговорит с Рони и предупредит его, потом получит ответ от Джеральда, и тогда можно будет решить, что делать дальше: отложить эксперимент или внести в него какие-то изменения. Времени на это хватит — до намеченного срока останется не менее семи часов.

Годсчиты успокоили Кинга. Выход отыщется. Например, если откачать из бункера с бомбой часть этого проклятого углеводорода В, или как там его, — он взглянул на карточку Дынина, но от усталости зарябило в глазах, — в конце концов марка углеводорода была не так важна, как то, произойдет ли процесс рекомбинации, если оптимальное соотношение марок в бункере будет нарушено? Кинг чувствовал, что процесс произойдет, хотя количество возникшей при этом Абицеллы может быть ничтожным. Но ее рано или поздно отыщут. Кораблей там много, сгустки, очутившись в океане, начнут расти, как на дрожжах. Верно, полярные воды не слишком богаты органикой, но в течение недели сгусток, если только он возникнет, все равно увеличит свой объем до размеров полугодовалого поросенка.

У Кинга даже поднялось настроение. Порадовало удачно найденное сравнение; и вообще интенсивная работа, к которой вновь был привлечен его пресыщенный праздностью мозг, тонизировала.

— Интуиция — это вещь, — подумал он вслух. — Ведь никто не верил в возможность структурной рекомбинации. Единственное, что поддерживало меня все двадцать лет поиска, это интуиция.

— И тщеславие, — подсказала память.

— А у Рони избыток тщеславия и недостаток интуиции, — ответил он. — Такую ошибку ученый должен чуеть за километр.

И едва он снова подумал о Рони, как на панели комбайна замигал глазок вызова. Кинг ударил по клавише:

— Антарктида!

Но вместо девушки в униформе на экране почему-то появилась мисс Гримбл. Взгляд ее был решителен и строг.

— В чем дело? — спросил Кинг.

— К вам просится один джентльмен.

— Я же вас просил, — стиснув зубы, начал Кинг, но, удивительное дело, мисс Гримбл перебила.

— Имя этого джентльмена Поль Рот, — торжественно объявила она. — Писатель-публицист. Автор книги «Цели науки сегодня и завтра».

Кинг опешил: в неподходящее время мисс Гримбл увлеклась публицистикой.

— В чем же цель науки? — растерявшись, спросил он.

— В том, чтобы люди ели досыта,— отчеканила мисс Гримбл. Этого Кинг уже не мог вынести.

— Я не католик, мисс Гримбл,— начал он с нарастающими интонациями,— и нечего лезть ко мне с евангельскими проповедями. Я жду Антарктиду. У меня важный разговор!

— Его визит тоже связан с «Абицеллой», сэра.

— Черт бы ее побрал, наконец,— заорал Кинг.— Лучше бы мысль о ней никогда не приходила мне в голову. Весь день испорчен, суета, звонки, нападение.

— Писатель ждет, сэра,— величественно напомнила мисс Гримбл.

Да, старушка великолепно подготовилась к разговору, а у Кинга силы были уже не те, что утром.

— Соединяйте! — сказал он и рухнул в кресло.— Но как только дадут связь с Антарктидой, я пошлю вашего писателя ко всем чертям!

На экране появилось лицо Рота. Лысина, очки, глаза страдающего апостола и твердый подбородок боксера.

— Добрый день, сэра Томас!

— Привет! — буркнул Кинг.

— Нам так и придется говорить друг с другом посредством экрана? — у Рота была хорошая улыбка.— Нельзя ли, так сказать, с глазу на глаз?

— А это и есть с глазу на глаз.

Но Рот решительно не хотел замечать враждебности Кинга.

— Телевизионные глаза, сэра,— пошутил он.— Что ж, это в духе нашего века. Только они чуть-чуть косят.

И Кинг вынужден был с ним согласиться. Несмотря на то что телекамера видеофона была максимально приближена к экрану, глаза собеседников не могли встретиться, потому что во время разговора каждый следил за выражением лица партнера на экране, вместо того чтобы пялиться в объектив телекамеры. А на экранах получалось, что оба смотрят куда-то в сторону, как будто рядом с каждым находится кто-то еще, с кем он ведет разговор.

Впрочем, это неудобство в основном испытывал Кинг, да и то лишь сначала. Рот, у которого, вероятно, была богатая практика выступлений по телевидению, после первых двух-трех фраз оторвался от экрана и до конца разговора смотрел прямо в объектив, что дало Кингу определенное преимущество, как если бы он говорил из темноты, а Рот находился при этом на освещенном месте.

— Сэр Томас, начал Рот.— Я отниму у вас немного времени,

— Отлично!

— Вам уже докладывали, что мой визит связан с «Абицеллой»?

— Да.

— Я напросился на разговор с вами, чтобы поговорить о ее будущем.— Он сделал паузу, чтобы дождаться реакции Кинга, но тот промолчал, и Роту пришлось продолжать.— Мне стало известно, что ряд крупных промышленных объединений предпринимают действия для локализации успеха «Абицеллы». Причины просты: массовое производство дарового строительного материала грозит фирмам убытками.

Здесь Рот сделал весомую паузу, во время которой Кинг должен был проникнуться сознанием чрезвычайности возникшего положения. Однако Кинг отреагировал на это неожиданно просто.

— Ну, и что же? — скучным голлсом спросил он.

— Люди не извлекут из «Абицеллы» никакой пользы,— пояснил удивленный Рот.

— Ну, и что же?

Здесь Рот уже растерялся.

— Простите, не понимаю...

— Хуже от этого они жить не станут, правда? — сказал Кинг.

— Но могли бы жить лучше,— с жаром заговорил Рот.— Если бы те средства, которые тратятся сейчас на производство конструкционной стали и бетона, пустить на продукты питания, можно было бы накормить досыта еще несколько миллионов людей.

— Чего же вы от меня хотите? — с той же тоскливой интонацией спросил Кинг.

— Чтобы ваше имя возглавило петицию к правительству, под которой поставят подписи известные деятели науки и культуры.

Кинг закурил сигарету и выпустил струйку дыма прямо в экран.

— Рот, я сожалею, что начал этот разговор.

К подобному обороту дела Рот, видимо, готов не был. Во всяком случае, его лицо на экране выглядело обескураженным.

— Я понимаю, сэр, вы очень заняты,— принялся он уговаривать Кинга,— но ведь чтобы подписать петицию — достаточно одной минуты.

Кинг сделал глубокую затяжку, выпустил струю дыма, из которой получилось штук пять кругленьких колец, поплывших в кильватер одно за одним прямо в глазок телекамеры.

— Видите ли, Рот, дело в том, что я вовсе не намерен подписывать эту петицию.

При этих словах Рот вздернул голову, как будто его ударили по щеке.

— А чтобы объяснить вам, почему я ее не подпишу,— продолжал Кинг,— потребуется очень много минут.

— Если это вообще можно объяснить,— сказал Рот.

Он снял очки и принялся протирать стекла. Вначале Кинг следил

за ним со снисходительной усмешкой. Без очков лицо Рота, как это бывает у близоруких людей, стало каким-то беззащитным. Кинг даже испытал к нему некоторое сочувствие.

— Скажите, Рот, чего вы суетитесь? — мягко спросил он. — Неужели вы не понимаете, что все ваши воззвания, петиции, конгрессы не имеют к судьбам человечества равным счетом никакого отношения?

— Сэр Томас! — Рот поднял голову. — Пока на земле люди умирают от голода, мне живется не очень спокойно. Да и вам, я думаю, тоже.

— Значит, вы хотите уничтожить голод? — Кинг с грустью покачал головой. — Милый мой писатель, человечество создано Природой, и она никогда не допустит, чтобы люди ели досыта. Ибо неутоленная жажда сытой жизни есть двигатель прогресса, а сытое общество обречено на застой. Будьте уверены, если бы это было не так, Природа давно позаботилась бы накормить людей.

— По-моему, Природа здесь ни при чем, — ответил Рот. — Все дело в самих людях, которые пока не могут жить в справедливости и мире.

— А кто создал людей такими? — в азарте выкрикнул Кинг. — Природа!

— Не согласен, — спокойно сказал Рот. — И лучшим опровержением ваших слов, сэр Томас, является ваша жизнь.

Кинг криво усмехнулся.

— Что вы знаете о моей жизни?

— Только то, — ответил Рот, — что вы человек, посвятивший свои лучшие годы бескорыстному служению науке, а следовательно, и человечеству.

Кинг поморщился и даже прикрыл лицо рукой. Громкие слова всегда вызывали у него ощущение неловкости, особенно если их начинали навешивать на его имя.

— Хотите, я скажу вам, ради чего я занялся наукой? — тихо спросил он. — Я родился в бедной семье. Доведенный до отчаянья унижительной нуждой, я еще в юности дал себе клятву, что добьюсь всего, чего у меня нет. А мне не хватало, считал я, денег, сытой жизни, красивых женщин. Одни добиваются этого подлостью, грязным политиканством или бандитизмом, я добивался всего своими мозгами.

Рот изобразил скептическую усмешку.

— Что-то не видно, чтобы вы наслаждались этим теперь.

— Только потому, что прежде чем получить Нобелевскую премию, а с ней славу и деньги, я успел понять, как, в сущности, низка цель человеческой жизни.

— Это опять-таки зависит от самого человека,— возразил Рот.

— Черта с два! — Кинг вскочил с кресла и уставился прямо в глазок телекамеры.— У всех людей одна цель, та же, что у комара, трески и кенгуру — размножаться. Только люди делают это лучше, ибо Природе было угодно избрать человека своим фаворитом и она наградила его всеми качествами, обеспечивающими неограниченное размножение: тщеславием, алчностью, жадной комфортом. А грубейшее из стремлений — половой инстинкт коварно превратила в утонченное чувство, которое мы нежно именуем любовью. Да, Рот, как ни прискорбно, все эти качества, делающие человека активным, смелым, предприимчивым, в конечном счете служат одному — делу размножения.

— Позвольте возразить, сэр! — попытался прервать его Рот, но Кинг уже не мог остановиться.

— Каждый человек мечтает о славе. Ради нее он совершает благородные поступки. И слава дает ему лучшую из женщин. А женщина родит ему детей. Каждый человек хочет иметь деньги. Ради них он совершает и благородные и подлые поступки. И деньги дают ему лучший дом, где будет жить лучшая женщина и растить своих лучших детей. А дети еще с пеленок начнут мечтать о славе. И так без конца. Человек считает себя царем природы, а на самом деле он всего лишь марионетка в ее огромном театре, где рядом с ним на вторых ролях лицедействует прочая крупная и мелкая тварь. И поняв это, я решил навсегда устраниваться из так называемой общественной жизни, ибо пособлять Природе в ее глумлении над людьми я не хочу.

Кинг замолчал, и стало тихо. Только жужжал кондиционер, беспрерывно поглощая волны горячего воздуха, стекающие через окно.

— Тогда позвольте спросить, сэр,— нарушил молчание Рот.— Что же заставляет вас жить?

— Ненависть,— ответил Кинг.— Ненависть к Природе. Я сумел раскрыть ее тайну и должен передать ее другим. Но ваши средства агитации не годятся для меня потому, что толпа не примет правды. Я воспитаю ученика, который сможет освободиться от низменных чувств, вложенных в нас Природой. Он воспитает других. Нескоро, может быть, через тысячи лет, но они создадут истинно человеческое общество, свободное, справедливое и без голода, без которого нынешнее человечество обойтись не может.

Рот терпеливо дослушал его до конца.

— Что ж, большое спасибо, сэр, за искреннюю беседу,— поблагодарил он.— В свою очередь, могу сказать лишь, что предпочи-

таю бороться с голодом сейчас, так как взшим терпением, рассчитанным на тысячелетия, не обладаю.

— Ну и суетитесь, сколько можете,— сказал Кинг.— Но учтите, особой пользы вы не принесете, зато Природа сведет с вами счеты. Такие, как вы, ей поперек горла и во все времена плохо кончали.

Рот вежливо поклонился в ответ.

— Всего вам доброго!

В комбайне щелкнул переключатель каналов, экран погас.

— Слепец,— сказал Кинг с грустью. Ему было искренне жаль Рота.— Наивный и честный слепец.

Снова щелкнул переключатель. Кинг поднял глаза — на экране возникла мисс Гримбл.

— Сэр, во-первых, прошу прощения, что нарушила запрет...

— Оставьте,— отмахнулся Кинг.— Как там с Антарктидой?

— Вот-вот обещают дать. И еще — звонили из вычислительного центра...

Кинг ощутил сердцебиение — значит, расчет мощности взрыва готов!

— Это Джеральд, соединяйте!

— К сожалению, сэр, он не мог ждать, вы беседовали с писателем. Но все, что мистер Джеральд хотел передать, записано. Включите воспроизведение.

Качество записи было отаратительным. Прищуриив глаза, Кинг с трудом стал разбирать символы.

— Напоминаю, сэр,— послышалось из динамика (изображение мисс Гримбл уже сменилось записью расчетов),— вам пора обедать.

— Не до обеда сейчас,— ответил Кинг.

От напряжения в глазах началась резь, и тогда, не просмотрев расчет до конца, он сразу перешел к выводам.

«Участие продуктов распада углеводорода марки С в термоядерной реакции,— прочел Кинг,— увеличит мощность взрыва на двадцать пять процентов».

Это немногим больше, чем он ожидал. Но сомнений в том, что осуществление эксперимента поставлено под угрозу, не осталось. Кинг разволновался. Отключил все каналы связи, хотя его должны были соединить с Антрактидой с минуты на минуту. Что он мог сообщить сейчас Рони, кроме того, что в расчетах допущена грубая ошибка? Отложить эксперимент проще всего. Теперь, когда Кинг окончательно понял, что в Рони он видит не только своего ученика, а нечто неизмеримо большее, в чем есть немалая доля тех особых надежд, которые заставляют отца принимать заботы сына как свои собственные и волноваться за него больше, чем за самого себя, он понял, что должен спасти эксперимент.

Он включил компьютер и настроил на проверочный расчет. Можно было бы обратиться к Джеральду, чтобы воспользоваться его сверхбыстродействующим «Тайфуном», но в этом был элемент риска. Если к первому расчету Джеральд отнесся просто как к курьезной задачке, то повторная просьба неизбежно вызовет подозрение. А отсюда уже недалеко до того, чтобы возникшие сомнения стали достоянием прессы, и эксперимент наверняка будет отложен.

Расчет был громоздким, но Кинг надеялся, что старина-компьютер не подведет. Тем более что количественная сторона решения его не интересовала, и это существенно облегчало задачу. Важно было узнать, возникнут ли сгустки Абицеллы при нарушенном оптимальном соотношении углеводов в бункере; сколько их возникнет, значения не имело.

Он ввел программу расчета и все необходимые данные и стал ждать. Компьютер беззвучно переваривал формулы, ограничения, цифры. Огромная эта работа внешне ничем не проявлялась, но Кинг физически ощущал, с каким напряжением трудится машина. У него даже стеснилось дыхание и увлажнился лоб, как будто Кинг сам ворочал глыбу расчета.

Осторожно ступая, он отошел к окну, словно его присутствие могло помешать машине. Под окном, источая медвяный запах, сохли валки скошенной травы. Видно, Нокс совсем недавно прошелся здесь косой, и Кинг отметил предусмотрительность сядовника, сменившего газонокосилку на косу. Нетрудно было представить, какое бешенство вызвало бы у него сейчас тарактенье шумной косилки.

Кинг высунулся из окна и посмотрел туда, где с утра торчали шесты с телекамерами. Сейчас там было пусто. Жара заставила разбежаться всех.

«То-то поднимется возня, если эксперимент будет отложен!» — подумал Кинг.

За спиной послышался щелчок. Кинг обернулся — на панели компьютера погасли все индикаторы, а на люпитре, как визитная карточка на подносе дворецкого, лежал бланк с ответом. Всего лишь одно слово было напечатано на нем: «Да».

Кинг тут же включил внешний канал. Служба межконтинентальной связи давно дожидалась его.

— Будете говорить с Антарктидой? — без всяких вступлений спросила девушка.

— Давайте, — деловито ответил Кинг.

— На линии мистер Кауфман.

Радостное лицо Рони заняло весь экран.

— Хэллоу, сэр Томас!

Рыжая шевелюра, щеки покрыты нежным пушком, нос в знакомых веснушках...

Напряжение, накопившееся с утра после всех разговоров и стычек, прорвалось сразу, и Кинг вдруг ощутил в носу постыдное щекотание.

— Рони! — с трудом выговорил он. — Приветствую тебя, дорогой!

— Я пытался связаться с вами, — возбужденно заговорил Рони, — но то линия занята, то вы не отвечаете...

— Знаю, знаю... Я отключал свой канал.

— Значит, вы по-прежнему сидите взаперти? И никого не желаете видеть?

— Кроме тебя, — ответил Кинг, и лицо Рони дрогнуло. — А в остальном у меня ничего не изменилось.

— А вот у меня близятся грандиозные перемены, — объявил он возбужденно.

Однако радость Рони была несколько преувеличенной, видимо, чтобы подбодрить его, Кинга. Но он уже не нуждался в поддержке, минутная слабость была позади. Теперь все его мысли подчинены делу.

— Рони, я верю, что эксперимент закончится успешно.

— Спасибо, но я не только об этом, — не унимался Рони. — Посмотрите, как вам понравится это произведение искусства? Ее зовут Сирилл.

И прежде чем Кинг успел что-либо понять, на экране появилась хорошенькая голубоглазая блондинка. Гладкие волосы (даже через экран ощущалась их шелковистость) волнистыми струями спускались ей на грудь.

— Хэллоу, сэр Томас! — приветствовала она Кинга так, будто они были знакомы целую вечность.

— Здравствуйте, детка, — растерявшись, ответил Кинг.

— Как вы себя чувствуете? — проворковала Сирилл, но Кинг ответить не успел, слова лились из нее ручьем. — Рони мне столько рассказывал о вас. Вы мне стали совсем как родной. Можно я буду называть вас дедушкой?

Кинг опешил.

— Зачем?.. Рони! — позвал он. — Рони! Да объясни же, наконец!

— Да, да! — пела Сирилл. — Как только уладятся дела с «Аби-целлой», мы вылетаем на материк и закатываем такую свадьбу! Вы будете посаженным отцом, ведь вы не откажетесь, дедушка?

Она не давала Кингу раскрыть рта:

— Ах, дедушка, мне так хочется поскорее увидеть вас! Знаете, тут иногда выпадает свободный вечерок, и я начала вязать вам

свитер и носки из настоящей шерсти. Вы любите натуральную шерсть? Я не выношу всю эту синтетику. Моя бабушка...

Тут она впервые узнала, что Кинг тоже обладает голосовыми связками.

— Стоп, детка! — проревел он в микрофон. — Мы в другой раз поговорим про натуральную шерсть. А сейчас дайте мне Рони. Живо!

Лицо Рони, когда оно снова вылезло на экран, было встревоженным, но он старался этого не показать.

— Не правда ли, она очаровательна? — весело справился он. — Она работает у нас ассистенткой, но вполне могла бы сниматься в Голливуде. Она понравилась вам?

Кинг хватил кулаком по подлокотнику кресла. Рони нужно было отрезвить во что бы то ни стало.

— Что ты лепечешь там, как влюбленный павиан? — рявкнул он.

— Но я действительно люблю ее, — растерянно ответил Рони.

— Ты хочешь, чтобы эксперимент состоялся?

— Больше всего на свете!..

— Тогда выкинь из головы все, что не касается работы. Тебе знакомо такое имя — Дынин?

— Дынин? Русский ученый, — машинально ответил Рони. — Я познакомился с ним на одном симпозиуме.

— А что такое эффект Дынина, ты знаешь?

В глазах Рони не брезжило ни одной мысли.

— Твой эксперимент не состоится! — крикнул Кинг. — Потому что, по эффекту Дынина, часть продуктов распада одного из углеводов в бункере с бомбой может принять участие в реакции синтеза.

Рони наморщил лоб, отчего курчавая его шевелюра двинулась назад и вперед. Еще мгновение — и слова Кинга прорвали преграду непонимания.

— Не может быть! — прошептал Рони.

Кинг кивком подтвердил свои слова.

— Мощность взрыва возрастет на двадцать пять процентов.

— Вот это да!..

Румянец на щеках Рони потускнел, еще ярче выступили веснушки.

— Только без паники, — сказал Кинг. — Включи систему записи. Вот расчет, сделанный Джеральдом по методике Дынина. Все очень просто: откачайте из бункера двадцать пять процентов этого проклятого углеводорода и накачайте столько же другого. Например, марку А.

— У нас ее мало, — пробормотал Рони.

— Тогда, что найдется. На результат почти не повлияет. Я проверял. И к сроку управитесь. Ну?

— Постараемся,— улавлившим голосом отозвался Рони.

У Кинга снова защемило в носу.

— Не вешай голову, малыш,— сказал он.— Все будет хорошо. Ты же не мог знать об этом эффекте Дынина. А что касается расчетов, то каким-то шестым чувством ты заложил в систему такие запасы, что даже усиленный взрыв ничего страшного не принес бы.

— Вы думаете?

— Э-э, да ты, я вижу, не привык сносить туманы.— Кинг подмигнул в телекамеру: — Готовься! Впереди их будет много и посильнее. Только помни, главное — мысль, работа мысли, то, что делает человека человеком. А любить умеет самая последняя каракатица.

Рони поднял голову.

— Сэр, но ведь одно не исключает другого.— Он удивленно смотрел на Кинга.— Сирилл будет помогать мне.

И Кинг понял, что все слова, которые он сейчас скажет, останутся без ответа, как семена без всходов, ибо в душе Рони нет почвы, в которой они могли бы прорасти.

— Прекрасно,— сухо сказал он.— Займись делом.

И он выключил свою телекамеру.

На экране тотчас появилась девушка в униформе.

— Разговор окончен,— объявила она.— Вы довольны изображением, мистер Кинг?

— Что? Изображение? — Кинг не сразу понял, о чем она говорит.— Нет, изображение скверное, полосы, все шевелится.

Во время разговора с Рони он не обращал внимания на помехи, сейчас они его обозлили.

— Очень сожалеем,— ответила девушка,— но, видимо, ваша аппаратура нуждается в наладке. Мы пришлем техника. До свидания!

Кинг обедал молча, вкуса еды почти не ощущал. Мысли его вращались вокруг Сирилл, и, в конце концов, незамысловатая личность этой женщины превратилась для него в воплощение тех сил, против которых он восстал в своей жизни. Тем обиднее было сознавать свое поражение. Уж в ком-в ком, а в Рони он был уверен, как в самом себе. Неужели ни широта ума, ни могучий интеллект не могут сравниться по силе со смазливый личиком вертихвостки? Он хвастал перед Ротом, что воспитал человека, способного бросить вызов Природе, а она руками Сирилл превратила его в обывателя с профессорским званием.

— Вы тоже волнуетесь, сэр? — спросила мисс Гримбл.

— О чем?

— О Рони?

Кинг удивленно уставился на экран. С каких пор экономка стала читать его мысли? Но мисс Гримбл беспокоило другое.

— Ведь там водородная бомба,— пояснила она.

— Успокойтесь, мисс,— сказал Кинг.— Что касается его жизни, то она вне опасности.

Мисс Гримбл вздохнула:

— Ожидание так тягостно.

— Уже немного осталось,— сказал Кинг, посмотрев на хронометр.— Сейчас они, наверное, изменяют состав смеси. Марки А у них нет, значит, они закачают марку С. Стоп! А почему С? Разве не В?

— О чем вы, сэр?— заволновалась мисс Гримбл.— Мало того, что ваша камера барахлит, так вы еще и говорите неразборчиво.

— Подождите!— Кинг встал из-за стола. Он точно вспомнил, что Дынин говорил о марке В. Почему же в таком случае он подумал о марке С?

Он бросился к компьютеру, на пюпитре которого лежали две карточки, и схватил одну из них. Это была карточка Дынина, в ней говорилось о продуктах распада марки В. Значит, память не подвела его. Он взял вторую карточку — и удары пульса звоном отдались в ушах.

«Участие продуктов распада марки С,— было написано в карточке,— увеличит мощность взрыва на 25 процентов».

Это была карточка Джеральда. Непонятным образом литера В превратилась в его решении в С, а затем, не сверив данных, Кинг, отправил решение Рони. Марки А на полигоне нет. Значит, вместо того, чтобы уменьшить количество марки В, они откачают марку С и сбавят в бункер столько же этого проклятого углеводорода В! И мощность взрыва возрастет уже не на двадцать пять процентов, а на все пятьдесят? То есть в полтора раза!

— Мисс Гримбл,— как можно спокойнее сказал Кинг,— немедленно соедините меня с Джеральдом.

— Но, сэр, ведь обед...

— Я прошу вас соединить меня с Джеральдом,— повторил Кинг, и, слава богу, мисс Гримбл согласилась.

Джеральд встретил Кинга довольной улыбкой. Он ждал похвалы за скорое и точное решение. Кинг так и сделал, похвалив его, впрочем, весьма сдержанно, потому что от волнения перехватывало дыхание.

— Не стоит, сэр,— ответил польщенный Джеральд.— Я получил огромное удовлетворение от вашей задачки.

— Но почему вы пишете в решении об углеводороде С? — спросил Кинг.— Ведь в задании была марка В?

— Марка В! — Джеральд нахмурился.— Сейчас проверю.

Он что-то сказал, отвернувшись от экрана, и через несколько секунд чья-то рука протянула ему лист бумаги. Джеральд всмотрелся в него.

— Я думаю, все дело в помехах,— подняв голову, сказал он.— Очень неразборчиво, буквы искажены. Пожалуй, это действительно была буква В, но я ее исправил на то, на что она была больше похожа, на С. Это имеет какое-нибудь значение?

— Нет, нет,— ответил Кинг торопливо.— Ровным счетом никакого. Спасибо, старина.

Нужно было срочно связаться с Антарктидой, чтобы предупредить о чудовищной ошибке, но Джеральд еще не выговорился до конца.

— Остроумнейшая задачка, сэр Томас,— сказал он, аппетитно причмокнув губами.— Странно только, что вы не довели условие до логической вершины.

— Не понимаю.— Кинг посмотрел на часы, до взрыва осталось три с половиной часа.

— Вам бы увеличить количество этой марки С или, как ее там, В, на те же двадцать пять процентов, и получилась бы занятная вещь.

Кинг похолодел. Неужели Джеральд понял, что задача связана с «Абицеллой»?

— Ну и что? — с трудом выговорил он.— Мощность взрыва увеличилась бы на пятьдесят процентов?

— Если бы так! — Джеральд хохотнул.— Слушайте, сэр Томас, бросьте разыгрывать меня. Ведь вы же не зря подкинули мне этот ребус?

На это Кинг ничего не ответил, потому что не знал, как себя вести. И тогда Джеральд заговорщически подмигнул в телекамеру:

— Если количество этой марки В увеличить на двадцать пять процентов, произойдет качественный скачок, и уровень выделившейся энергии возрастет настолько, что в термоядерной реакции примет участие водород, входящий в молекулу морской воды. Ведь ваша бомба помещена в океан?

— И тогда... — прошептал Кинг.

— Конечно! — воскликнул Джеральд.— Глобальная термоядерная реакция в Мировом океане. Земной шар превратится в гигантскую водородную бомбу! — Он захохотал.— Веселенький ребус! Земля расколослась бы, как яйцо.

— Этого не может быть! — вырвалось у Кинга.

Джеральд выставил перед камерой ладони:

— Только не говорите, что вы этого не знали. У меня волосы на лысине дыбом встали, когда я наткнулся на такое решение.— И, посерьезнев, добавил: — Но ведь это не более чем курьезная задачка, правда?

— Да, курьезная задачка,— как эхо, отозвался Кинг.

— Что же вас беспокоит, сэр Томас? — спросил Джеральд, внимательно посмотрев на экран.— Результат известен только мне.

— Все в порядке, старина,— ответил Кинг, с трудом изобразив на лице улыбку.— Спасибо за все.

— Не стоит! — Джеральд снова был весел.— Подбрасывайте такие ребусы почаще. Прекрасная гимнастика для ума.

Первым движением Кинга, когда изображение Джеральда исчезло с экрана, было потребовать разговора с Президентом по правительственному каналу связи и отложить эксперимент. Но тут же подумал, что об этом непременно пронюхают журналисты. Пресса поднимет вой: «Рони Кауфман вместе с выжившим из ума Кингом хотели взорвать земной шар!»

Нельзя терять ни минуты, но Кинг все же сидел неподвижно до тех пор, пока не прекратилось сердцебиение. Стало жарко, и лоб покрылся испариной. Это означало, что приступ паники миновал. Тогда он вызвал мисс Гримбл и попросил заказать разговор с Антарктидой по экспресс-тарифу.

— А обед? — спросила старушка.

— Обед к черту! — кратко ответил Кинг, на что мисс Гримбл ничего не сказала, лишь внимательно посмотрела на экран.

До взрыва осталось три часа с небольшим. Кинг настроил хронометр. Через час раздастся сигнал. Если к этому времени его не соединят с Антарктидой, он обратится за помощью к Президенту.

Приняв решение, он успокоился. Но время от времени в его теле возникала дрожь. Тогда он раздражался проклятьями, не в силах справиться с яростью, охватывающей его при мысли о трагической беспечности, с какой включил он утром телевизор, дав возможность Хогану применить свой злодейский излучатель, испортивший всю аппаратуру. Подумать только, искажены всего две буквы, две какие-то жалкие буквы, а из-за них угроза нависла над планетой!

И хотя хватало воли подавлять в себе приступы бесцельного отчаянья, нервы были настолько перенапряжены, что даже легкий щелчок, произведенный откидной крышкой транспортера, заставил вздрогнуть.

Транспортер выкатил на столик поднос со стаканом апельсино-

вого сока. Тут же лежала на блюдечке зеленая таблетка, запечатанная в целлофан.

— Выпейте, сэр, это успокаивающее,— послышался голос мисс Гримбл.

— А с чего вы взяли, что мне нужно успокоиться? — вскинулся Кинг.

— Сэр, ведь я работаю у вас пятнадцать лет.

— Спасибо, мисс Гримбл,— тихо сказал Кинг.

Он выпил сок, а таблетку швырнул в окно, оставив, однако, облопочку на подносе, чтобы мисс Гримбл подумала, что лекарство пошло по назначению.

В комнате стемнело, и автомат включил освещение.

— Уже вечер, мисс Гримбл, а вы так никуда и не пошли,— сказал Кинг.

— А куда идти? — откликнулась старушка.— Да и не люблю я.— И, помолчав, добавила: — Так же, как и вы.

— Ну, я-то другое дело.

— Совершенно верно. У вас мысли, поэтому вам никто не нужен. А я.. Я привыкла одна.

Кинг посмотрел на экран — в обычной своей позе, чуть-чуть подавшись вперед, старушка сидела перед маленьким телевизором, хотя могла бы смотреть свои вечерние программы на большом экране. Но тогда пришлось бы отключить канал Кинга, а она понимала, что нужна ему сейчас.

— А как получилось, что вы остались одна, мисс Гримбл? — спросил Кинг.

— Неужели непонятно, сэр? — ответила старушка, не повернув головы.— Я некрасива.

— Простите,— пробормотал Кинг.— Я сам не знаю, что говорю.

Он хотел сказать мисс Гримбл что-нибудь хорошее, а получилось, что обидел ее. Но сама мисс Гримбл отнеслась к его словам гораздо спокойней.

— Пустяки,— сказала она, верно истолковав молчание Кинга.— Я давно привыкла. И в молодости тоже не роптала. Такой уж выпал мне жребий.

— Но это же несправедливо — лишать человека семьи из-за формы его лица,— возразил Кинг.

— Значит, богу угодно, чтобы люди были красивыми.

— Причем здесь бог! — Кинг начал злиться.— Это все проклятая Природа.

— У каждого свой бог, сэр. У меня всевышний, у вас Природа. Ничто так не раздражало Кинга в людях, как эта покорность.

— Пусть так,— сказал он.— Всевышний или Природа, все равно.

Я говорю о реальной силе, которая довлеет над нами, подчиняя своим прихотям все наши поступки! Это она устроила мир таким, что в нем счастливы лишь те, кто может принести здоровое и полноценное потомство.

— На то воля всевышнего,— отозвалась мисс Гримбл.

— Да что вы заладили одно и то же! — сказал Кинг с досадой.— Человек не должен склонять головы перед кем бы то ни было. Природа превратила Землю в селекционную ферму по выведению высокопродуктивного человеческого скота, и мы покорно шепчем: «На то воля всевышнего!»

Мисс Гримбл повернулась к телекамере и укоризненно покачала головой.

— Грех говорить так о людях, сэр!

— А я не могу иначе! — крикнул Кинг.— Человечество — это стадо баранов, покорно бредущее туда, куда их гонят. Пройдут века, люди распространятся по всей Вселенной, но что изменится? И голод и несправедливости останутся. Потому что так угодно Ее Величеству Природе.

— Сэр, не волнуйтесь, вам вредно,— сказала мисс Гримбл, поглядывая на свой экран.— Я пришлю вам еще одну таблетку.

— К черту! — Кинг вскочил с кресла.— Это позор! Мне не хочется жить, когда вспомню, что отличаюсь от мухи только тем, что благодаря способности мыслить лучше приспособлен к безграничному размножению! Боже, получить такой мыслительный аппарат только для того, чтобы лучше плодиться.

— Я перестала вас понимать, сэр,— заявила на это мисс Гримбл.— Лучше я позвоню в межконтинентальную связь и напомню об Антарктиде.

— Оставьте! — Кинг подошел вплотную к телекамере, как наклоняются к собеседнику, желая втолковать ему то, что он отказывается понять.— Лучше послушайте меня. Вот Рони — гигантский ум, но, в сущности, он та же муха...

— Простите, сэр,— перебила его мисс Гримбл,— но у меня разболелась голова.

Кинг бросил гневный взгляд на экран, он не привык, чтобы с ним обходились столь небрежно, но вместо мисс Гримбл увидел на нем себя. Старушка отключилась, замкнув канал Кинга на его же телекамеру.

— Вот! — саркастически сказал Кинг.— Она не понимает и отключилась. Точно так же отключился Рог, хотя он не экономка, а философ. Природа позаботилась и об этом: как только дело касается запретных тем, люди отключаются автоматически. Хулить человечество — грех, отключись! Не любить свое дитя — грех, отклю-

чись! А подчинять свою жизнь воспитанию будущих производителей, это заслуга! Надежно устроено, не пробьешь!

В запасе у него оставалось еще много гневных слов, когда на экране он снова увидел удивительно знакомую фигуру в позе гневного оратора.

— Неужели это я? — тихо сказал Кинг.

Фигурка на экране стала обмякать, рука опустилась. Лишь седой хохолок, украшавший его голову, заодно торчал над пустынной поверхностью вместилща мыслей, которым всегда так гордился его обладатель. Прядка волос имела правильные очертания вопросительного знака. Зачем? Для чего? Для чего эта голова с мощным лбом, если порождаемые ею мысли превращаются в жалкие порции звуковой энергии, годные лишь на то, чтобы сотрясать воздух в объеме комнаты? Бесцельная пальба, ненужное громыханье — вот что представляют на деле его гневные проповеди. Но они не стали бы ценнее, если бы даже удалось довести их до слуха людей. Забились бы чаще хоть одно сердце? Разве раскрылись бы шире хоть чьи-то глаза, и человек увидел бы себя в истинном обличье?

— Нет! — вздохнул Кинг.

«Чего требовать от миллионов изнуренных людей, покорно исполняющих обряд размножения, — думал он, — если даже такие умы, как Рот, чей смысл жизни состоит будто бы в борьбе с Природой за лучшую долю людей, не могут понять, что их война — это игра в солдатики. Из самом деле каждый из них нанят Природой и играет ту роль, какую ему назначили. Каждый...»

— Значит и я? — прошептал Кинг. — Неужели я тоже?

Да, с горечью признал он после недолгого размышления, у него тоже была своя роль, которую сыграл блистательно. Природа избрала его, Кинга, на роль гения, которому предстоит совершить великое открытие и вручить его толпе. И он вручил: даровой строительный материал, дешевые дома, в которых люди будут рождаться еще интенсивней, ибо их силы удвоит пища, полученная за счет экономии средств на строительные материалы. Да, он служил Природе так же верно, как служат ей все остальные.

И в отчаянном порыве саморазоблачения Кинг заставил себя признать, что его поза отшельника, не желающего потворствовать Природе в ее глумлении над людьми, — лишь жалкий фарс. И даже то, что он понял и признал это, не может служить ему оправданием. Рабская преданность Природе неотделима от его сознания. На словах предавал Природу анафеме, но как только узнал, что ее селекционной ферме угрожает гибель, засуетился, задрожал. Земля в опасности! Звонить Президенту!

Земля в опасности! А ведь Природа проявила беспечность. Кинг

саркастически усмехнулся: стоит ему отключить телевизор, через два часа в Антарктиде нажмут кнопку, и вся эта прекрасно оборудованная ферма превратится в пар! Вон шнур от розетки к телекомбайну, натянуть его и...

Он сделал шаг вперед, взял провод в руку, но тут же отпустил его.

Жалкая игра, ехидство злобствующего ничтожества, он все равно не решится на это, о чем Природа прекрасно знает, иначе бы она не рискнула предоставить ему такой случай.

А случай великолепный. Единственный! Натянуть провод и... И он докажет, что его манифесты и проповеди не были фарсом, что все годы затворничества он терпеливо дождался случая, готовил себя к нему. Так неужели, получив его, он не сможет совершить этот последний и единственный настоящий поступок, для которого он, может быть, и появился на свет?

Ладонь ощутила легкое тепло, источаемое пластиковой оболочкой провода, и, натягивая его, Кинг подумал, что аппаратура в самом деле работает неисправно, если провод нагрелся...

Он видел свое лицо, теперь занявшее весь экран, потому что стоял вплотную к телекамере. Можно было разглядеть даже капельки пота, выступившие от напряжения на верхней губе, и то, как бьется на виске вздувшаяся жилка. Он успел связать ритм ее сокращений с частотой ударов пульса, глухо отдававших в голову, и вилка выскользнула из розетки и упала на пол. Погас свет — от шнура питался бытовой блок компьютера, управлявший освещением и вентиляцией комнаты. Смолкло жужжание кондиционера, и стало слышно, как в кроне вяза вздыхает ночной ветер.

Когда глаза привыкли к темноте и на стене выделился синий прямоугольник окна, Кинг шевельнулся, сбросив оцепенение. Было так тихо, что его пугал звук собственных шагов. Стараясь производить как можно меньше шума, словно кто-то мог следить за ним, Кинг подтащил свое кресло к окну. Из сада тянуло свежей сыростью, запахом увядшей травы. Робко просверчал ночной кузнечик, ему ответил другой. Потом перед окном пролетел светлячок, вспыхивая и пропадая, как мерцающий в небе спутник.

Кингу показалось, что он плавно поднялся в пространство вместе с креслом и повис на огромной высоте, отделившись от Земли и ее атмосферы. Закрыв глаза, он без труда представил, как медленно вращается под ним огромная планета с континентами и морями. Белое пятно Антарктиды с яркой искоркой на краю... Там командный пункт эксперимента. Уже начался отсчет времени, и люди, вдохновленные близостью свершения, самозабвенно готовят свою гибель.

На затемненной стороне планеты ночь, и люди ложатся в постели, чтобы исполнить главный завет Природы, а там, где в лучах солнца сияют облака,— день, и, почувствовав голод, люди идут работать, чтобы добыть славу, хлеб и жилище. По всей земле цветут деревья, колосятся нивы, идут дожди...

Под Кингом вращался земной шар в голубой и зеленой дымке. Лишь один он во всей Вселенной знал, что через час в этой точке безграничного пространства вспыхнет новая звезда.

Но он был не над планетой, а на ней, и сознание, что он разделит гибель вместе со всеми, давало ему силы спокойно размышлять о великом решении, которое принял он. Вот для чего он появился на свет, к чему шел долгие годы сквозь туман сомнений, поисков и отчаяния, он, Томас Кинг, гений или чудовище, этого теперь не узнает никто!

Если б была возможность, он обратился бы ко всем людям, которых презирал и сторонился, которых всегда любил.

— Люди! — сказал бы он. — Я подписал вам приговор. Ибо жить так, как живем мы, человек не должен. Верьте мне: никто из вас не услышит грохота, не почувствует боли. В доли секунды, не успев взмахнуть ресницами, все мы обратимся в звездную пыль, из которой возникли когда-то, из которой появимся вновь где-нибудь в другом месте Вселенной, в другом, лучшем и подлинно человеческом мире. И я верю: так будет!

Капля упала ему на руку. Он поднес ладонь к губам и ощутил вкус солоноватой влаги.

— Да, я верю, — повторил он, — так будет!

В дверь постучали. Он давно ждал этого.

— У меня сломался телевизор, мисс Гримбл, — крикнул он.

— Тогда спуститесь ко мне, — донеслось из-за двери. — Рони ждет вас.

Кинг почувствовал, как по щеке скатывается еще одна капля, оставляя на коже холодящую дорожку. Горло сжал спазм.

— Передайте Рони мой привет, — с трудом выговорил он. — Скажите, я всегда любил его... Как любил всех вас, всех людей на Земле. И всем вам я желаю спокойного сна.

— Значит, вы ложитесь спать и не хотите узнать, чем кончится эксперимент Рони? — спросила мисс Гримбл.

— Я знаю, чем он закончится, — ответил Кинг. — Спите спокойно и вы, мисс Гримбл.

Шаги старушки отдалились от двери и затихли.

«Она повернулась и пошла, в последний раз пробормотав «Упрямый старик!» — подумал Кинг с доброй усмешкой.

Он уже успокоился, но ожидание все же тяготило его, тем бо-

лее, что со всей аппаратурой он отключил и хронометр, и теперь не знал, сколько осталось до взрыва.

Над садом возник луч портативного прожектора и уперся в вяз. Журналисты стойко несли вахту за оградой. Можно было представить, какое недоумение вызвал у них погасший в окне Кинга свет. Очередное чудачество упрямого старика, наверное, решили они. Он настолько уверен в себе, что даже выключил телевизор и не хочет смотреть, чем закончится эксперимент в Антарктиде.

Кинг встал, нашел на полу провод и на ощупь вставил вилку в гнездо. Вспыхнул яркий свет, в телевизоре послышалось тонкое жужжание — начал прогреться кинескоп.

Хронометр показал, что до взрыва осталось около часа, но Кинг оценил, что просидел в темноте час и еще минут сорок пять, а хронометр бездействовал, значит, до взрыва осталось минут десять — пятнадцать. Теперь можно было не опасаться, что его побеспокоят. Разговор с Антарктидой снят. Рони на командном пункте замер над красной кнопкой под прозрачным кожухом, который снимут за минуту до взрыва. Потом начнется отсчет секунд, на шестидесятой единице Рони нажмет кнопку и тогда...

Именно для того, чтобы увидеть, что произойдет тогда, и включил Кинг свой телевизор. Уже подведен баланс всей его жизни и уплачено по всем счетам. Душа как бы стерилизована: ни сомнений, ни страха, ни жалости. Единственное, что осталось, — профессиональное любопытство ученого. Смешно, но в последние минуты, оставшиеся до гибели, его занимала пустынная мысль о соотношении скоростей глобальной термоядерной реакции и электромагнитных волн, несущих изображение на континент от берегов Антарктиды. Что случится раньше? Смерть? Или он успеет увидеть на экране пламя взрыва и лишь потом погибнет вместе со всей Землей?

«Тоже ценный эксперимент, — подумал он. — Жаль только, не с кем будет поделиться мыслями о результате».

Из телевизора грохнула торжественная музыка, и на экране появился океан. Телекамера, видимо, была установлена на корабле, изображение создавало подлинную иллюзию качки. Бесконечные гряды волн с потоками пены на хребтах уходили к горизонту. Туда были нацелены телекамеры.

— Внимание! — послышался взволнованный голос диктора. — Работают телестанции всего континента. Сейчас вы видите на своих экранах безжизненную равнину океана. Не пройдет и четверти часа, как над холодными его волнами, освещенными скудным светом антарктического солнца, взойдет новое светило...

То ли диктор был мастером своего дела и его голос обладал магической силой внушения, то ли он сам был возбужден из мень-

ше, чем телезрители, но его волнение передалось даже Кингу.

— Его лучи,— захлебывался диктор,— упав на почву, возделанную гением человеческой мысли, зародят в ней ростки вещества, доселе не существовавшего в природе. Абицелла! Порожденная мирным взрывом укрощенного атома, она положит начало новой эре в истории человечества.

— Какая чепуха! — с грустью сказал Кинг.

— До взрыва осталось несколько минут,— уже деловым тоном сообщил диктор.— А пока посмотрите на человека, гений которого бросил вызов великой Природе.

И Кинг увидел на экране себя. Нет, зря включил он телевизор. Даже в эти считанные минуты, оставшиеся до гибели мира, люди не могут обойтись без пошлостей.

— Вы видите на экране Томаса Кинга,— упивался диктор.— Этот снимок сделан сегодня нашим корреспондентом Гарри Хоганом. До взрыва осталось совсем немного. В эти несколько минут перед вами выступит известный писатель-публицист Поль Рот. Прошу вас, мистер Рот.

Какое-то время Рот молча смотрел в телекамеру, и Кингу показалось, что пристальный взгляд писателя обращен только к нему.

— Сейчас вы видели лицо Томаса Кинга,— начал Рот,— лицо гения.

И Кинг поморщился, испытал разочарование. Он ждал, что в такую минуту Рот скажет нечто более значительное.

— За свою историю человечество смогло родить немного таких людей,— продолжал Рот.— Их можно пересчитать по пальцам.

От неловкости за Рота Кинг опустил голову и закрыл глаза ладонью.

— Вы спросите, почему их было так мало? — Рот сделал паузу.— Отвечу: человеку некогда было думать. Лишь единицы из миллиардов путем полного самоотречения, которое нам, обыкновенным людям, казалось уродством, отклонением от нормы, развивали свои мыслительные способности настолько, что смогли бросить вызов самой Природе.

Кинг услышал характерный звук, каким сопровождается глотание, Рот отпил воды из стакана. Он тоже волновался.

— Человеком повелевало одно стремление — выжить. И люди боролись с голодом, время от времени выдвигая из своей среды людей, чьи мысли простирались дальше повседневных забот о куске хлеба. Их усилиями были раскрыты многие тайны Природы. Сегодня мы стоим на пороге события, которое докажет, что отныне нам по плечу еще одно из дел, бывших до того Ее привилегией.

Кинг хотел было сказать что-нибудь язвительное, но, вспомнив,

какой нелепой представилась ему два часа назад его привычка спорить с телевизором и расточать проклятия Природе, махнул рукой, решил терпеливо дослушать до конца.

— Растения! Живые растения! — воскликнул Рот. — Природа создала их по своей прихоти. Сегодня человек получит свое растение — Абицеллу. Вдумайтесь в эти слова: из безжизненной, мертвой материи, как когда-то Природа из камня и воды, человек создаст вещество, обладающее свойством живого растения, способностью расти.

— Черт! Странная мысль! — подняв голову, пробормотал Кинг.

— Если пророчество великого Кинга сбудется, — продолжал Рот, — за этой победой последует бесконечная цепь побед.

— Каких? Кем побед! — крикнул Кинг.

— Абицелла даст человеку столько хлеба и жилищ, сколько ему нужно. — Голос Рота звенел. — Освобожденный от унижительной заботы о куске хлеба, человеческий ум достигнет невиданных высот...

— Освобожденный от унижительной заботы о куске хлеба, — как эхо повторил Кинг.

— И тогда человек навсегда освободится от власти Природы. И залогом тому станет новое вещество-растение, созданное не богом, не Природой, а человеком.

Выговорив последние слова, Рот перевел дыхание, как будто сбросил с плеч тяжелую ношу. Кинг растерянно смотрел на экран. В его сознании мелькали обрывки фраз: «растение, созданное человеком», «освободившись от голода», «человек освободится из-под власти Природы».

— Что, если Рот прав? — прошептал он. — А я ошибся?

На экране появилось улыбающееся лицо диктора.

— Благодарю вас, мистер Рот, вы высказали поразительную мысль.

Рот снял очки и, улыбнувшись своими близорукими глазами, поклонился зрителям.

— Внимание! Смотрите на экраны! — завопил диктор. — До взрыва осталась минута!

Весь экран заняла бугристая пустыня океана.

— Внимание! Начинаем отсчет времени! До взрыва шестьдесят секунд, пятьдесят девять, пятьдесят восемь...

— Ошибся! — вскрикнул Кинг. — Жалкий тупица, упрямец, маньяк! Что ты натворил! Мисс Гримбл! Мисс Гримбл!

— Что случилось, сэр? — послышался из динамика встревоженный голос.

— Немедленно свяжите меня с Президентом!

- Сорок две, сорок одна, сорок...— считал диктор.
- Но ваша аппаратура повреждена,— сказала мисс Гримбл.
- Скорее! — закричал Кинг.— Иначе все поггло!
- Я попытаюсь,— ответила мисс Гримбл без всякого, впрочем, энтузиазма.

— Речь идет о гибели человечества!
 — Бог с вами, сэри Вы больны!
 — Пятнадцать, четырнадцать, тринадцать...— с неумолимостью метронома считал диктор.

- Я умоляю вас, мисс Гримбл! — прошептал Кинг.
- Девять, восемь, семь...— отдавалось в висках у Кинга.
- Все! — выдохнул он и рухнул в кресло.

С каждой цифрой голос диктора звучал громче и громче.

- Шесть! Пять! Четыре! Три! Два! Одна! Ноль!

Кинг увидел, как вздрогнула на экране мгла над горизонтом, поверхность океана вспучилась и, увидев ослепительно яркое пятно, которое мгновенно расплзлось во весь экран, он успел подумать, что изображение долетело сюда быстрее, чем взрыв, но тут раздался громкий хлопок и треск, как от крупной электрической искры, и все погрузилось в темноту.

В пространстве, наполненном звоном и глухими ритмичными ударами, витали обрывки сознания Кинга.

— Значит, это и есть смерть? Тишина... Тьма... Но почему я должна думать? И вот мое тело, одежда, кресло... Пятно окна, проступившее во тьме... Неужели загробный мир существует? В таком случае он не что иное, как инерция сознания. Интересно, как долго она продлится?

Откуда-то донесся шорох, затем громкий стук. Кинг вздрогнул.

— Сэр Томас! — раздался знакомый голос.— Откройте!

— Кто это? — прошептал Кинг.— Мисс Гримбл?

— Да, я. Откройте.

— Значит, мы оба на том свете?

Дух мисс Гримбл рассердился не на шутку.

— Откройте сейчас же, сэри! — потребовала она.— Я принесла вам свечу.

«Какие яркие галлюцинации!» — подумал Кинг и крикнул:

— Нас с вами уже нет! Потому что мы мертвы...

— Не знаю, как вы, сэри, а я уверена, что жива,— ответила мисс Гримбл и в подтверждение своих слов стукнула в дверь.— Откройте!

Галлюцинации становились чересчур реальными. Кинга начали

одолевать сомнения. Он попытался встать, ноги исполнили приказание. Еще одно движение — и он наткнулся на что-то твердое и острое. Это был угол телекомбайна. Вытянув перед собой руки, Кинг добрался до двери и распахнул ее. Перед ним со свечкой в руке стояла мисс Гримбл.

— Ой! Что вы делаете, сэри — вскрикнула она, когда Кинг сунул ладонь в пламя свечи.

Острая боль пронзила его руку. Теперь никаких сомнений в реальности происходящего быть не могло: кожа на пальцах даже подкопtilась.

— Так что же произошло? — скучным голосом, чтобы скрыть замешательство, спросил Кинг.

— Замыкание, — ответила мисс Гримбл.

— Замыкание?

— Да, замыкание.

И мисс Гримбл объяснила, что вследствие неисправности в аппаратуре автомат безопасности отключил освещение. Внизу уже все наладилось, а в комнате Кинга, должно быть, перегорела проводка. Мисс Гримбл говорила с такой уверенностью, как будто всю жизнь она только и делала, что устраняла последствия замыканий.

— Значит, мы живы? — неуверенно спросил Кинг.

— Охота вам дурачить старую женщину! — с досадой сказала мисс Гримбл. — Идемте лучше на кухню, там светло.

Кинг ощутил первый толчок радости.

— Значит, Земля цела?

Старушка посмотрела на него с тревогой.

— Здоровы ли вы, сэри?

— Еще как! — Кинг обеими руками взял старушку за плечи. — Милая вы моя, мисс Гримбл! Как я вас люблю!

И, наклонившись, он поцеловал ее в щеку, в сухую старческую щеку с чистой кожей, покрытой пушком, которая была бы так же нежна, как кожа младенца, если бы не сеть изрезавших ее морщинок.

Старушка оцепенела.

— Пожалуй, я вызову врача, — прошептала она, не поднимая головы.

— Кого хотите! Я счастлив! — выкрикнул Кинг. — Идемте! Идемте на вашу кухню, ведь я не был там вечность!

Он взял ее за руку, и они стали спускаться по лестнице.

От многого отвык Кинг за пятнадцать лет своего добровольного затворничества. Ощущая в своей ладони тонкую кисть старушки, он испытал умиление.

«Рука человека! Какой великолепный инструмент, — думал он,

время от времени чувствуя, как мисс Гримбл напрягает пальчики, боясь оступиться.— Что может быть прекраснее пожатия руки!»

Мисс Гримбл, естественно, ничего не могла знать о состоянии Кинга. Мысли ее вращались вокруг злосчастной неисправности в проводке.

— Как будто это не могло произойти в другой момент! — ворчала она.— Едва раздался взрыв, как все погасло. Так и не увидела, получилось у Рони то, чего он хотел, или нет.

— Получилось! — весело ответил Кинг.— Раз мы живы, значит, получилось.

«Да, получилось, но как? — тут же подумал он.— Значит, взрыв был недостаточно мощным, чтобы вызвать термоядерную реакцию в океане? Но почему?»

— А! Какая разница, — сказал он вслух, и мисс Гримбл тревожно покосилась на него.— Главное, что Земля осталась цела, правда? Они спустились в холл, где светился экран телевизора.

— Смотрите, сэр! — воскликнула мисс Гримбл.— Вас уже вызывает Антарктида.

На экране скучала девушка-связистка. Должно быть, они вошли в зону действия телекамеры, потому что девушка подняла голову и раздраженно сказала:

— Что с вашей аппаратурой? Никак не можем соединиться. Если бы было можно, Кинг расцеловал ее.

— Милая вы моя! У меня случилось маленькое замыкание.

— Прислать техника?

Кинг покачал головой.

— Он уже не нужен. Дело в том...

Но она перебила его:

— Ответьте Антарктиде. Мистер Кауфман ждет уже десять минут.

На экране появился Рони. Рыжая его шевелюра стояла дыбом, как будто ее наэлектризовали, а глаза источали и вовсе сумасшедший блеск.

— Мой мальчик!.. Ты жив? — только и смог выговорить Кинг.

— Не знаю! — Рони рассмеялся.— Я где-то между небом и землей.

«Мы все чуть не очутились там», — едва не сказал Кинг, но спохватился.

— Ну, рассказывай, быстро! Что у вас там произошло?

Улыбка на лице Рони стала еще шире.

— Мы сделали все, как вы сказали, сэр, и взрыв получился аккуратным, как яичко!

— А какой углеводород вы заменили? В или С?

Рони почему-то смутился.

— Ну? — поторопил его Кинг.

— С нами связался Дынин, из Москвы, — посмотрев куда-то вбок, ответил Рони. — И я изменил состав смеси по его инструкции. На вашей карточке было очень нечетко.

— Ах, Дынин! — Кинг ощутил страшную усталость.

— Короче, все в порядке! — голос Рони обрел прежнюю звучность. — Корабли прочесывают район взрыва. Как только найдем сгустки, сообщу немедленно.

Видно было, что Рони торопится. Кинг не стал задерживать его.

— Хорошо, малыш! — сказал он. — Вернешься — поговорим обо всем. А пока прощай!

— До встречи, сэр Томас! До встречи!

Лицо Рони растаяло на экране, но Кинг все стоял перед телевизором. От прежнего возбуждения не осталось и следа. Он не мог понять, что с ним происходит. Да, роковую его ошибку исправил другой человек. Земля была спасена от гибели Дыниным. Но ведь Земля осталась цела! Почему же вместо радости он не ощущает ничего, кроме уныния? Не от ревности же к Дынину? С этим мальчишеством покончено много лет назад. К тому же, вряд ли вмешательство Дынина можно поставить ему в заслугу. Оно не было случайным. Это сработал один из предохранителей, которыми Природа надежно защитила этот мир, населенный людьми. Но для чего же существует он, этот надежно защищенный от гибели мир? На этот вопрос Кинг не мог дать ответа.

«Великий ученый, гений которого оплодотворяет науку наших дней, — вспомнил он слова диктора из утренней телепередачи. — Оплодотворяю, а ответить на такой простой вопрос не могу!»

— Мистер Кинг! — раздался из телевизора голос девушки. — Вас вызывает Москва.

И прежде чем Кинг успел посоветовать, как нектати этот разговор, — Дынин наверняка начнет поздравлять его, а он сможет ответить лишь кислой улыбкой, — на экране появилось лицо русского. Кинг, как мог, постарался оживить собственную физиономию.

Лицо Дынина скорее можно было назвать мрачным.

— Господин Кинг! — начал Дынин. — От имени и по поручению Академии наук передаю вам наши горячие поздравления и благодарность за все, что сделали вы для человечества.

— Ах, — устало отмахнулся Кинг. — Это я должен благодарить вас, что связались с Рони.

Дынин тут же убавил торжественности.

— Я знал, что вы и без меня сделаете все, как нужно, — как бы извиняясь, сказал он. — Но такова натура; решил перестраховаться.

Он сказал это с такой подкупающей искренностью, что Кингу вдруг захотелось открыться ему во всем.

— Если б вы знали, чего я хотел...— начал он, но Дынин перебил.

— Мы знаем.— В его голосе зазвучали суровые нотки.— Об этом прекрасно сказал ваш писатель Поль Рот.

И Кинг, замерший было от того, что в голосе Дынина ему слышалось осуждение, облегченно вздохнул. Нет, никак не мог привыкнуть он к манере этого русского говорить так, как будто они находятся на заседании Генеральной Ассамблеи ООН.

— Я запомню слова Рота навсегда,— продолжал Дынин.— Освобожденное от унижительной заботы о куске хлеба, человечество достигнет невиданных высот развития и навсегда освободится от капризных прихотей природы.

— И вы верите в это?— спросил Кинг.— Не боитесь, что оно закирует?

— Эта уверенность основана на примере моей страны,— ответил Дынин.

— Ваша страна освободилась от голода?

— Да.

— И вы продолжаете идти вперед? Или топчетесь на месте?

— Идем, господин Кинг, идем,— улыбнувшись, ответил Дынин.

— Что же движет вами?

— Ведь еще столько не сделано.

Каким-то образом они поменялись ролями. Теперь серьезным стал Кинг, а Дынина, казалось, смешили вопросы, которые он ему задавал.

— Я слишком долго сидел взаперти,— сказал Кинг.

Дынин обрадовался:

— Приезжайте к нам! Конечно! Господин Кинг! Вы все увидите собственными глазами.

И так заботливо прозвучали его слова, что Кинг растрогался.

— Спасибо!— с чувством сказал он.— Спасибо за все.

И только после того как они распрощались и экран погас, Кинг вспомнил, что главный вопрос так и не задал.

Из кухни вышла мисс Гримбл.

— Будете завтракать, сэри?— спросила она.— Или ляжете спать?

— Завтракать?— переспросил Кинг, уставившись на ее белый крахмальный фартук.— Да, завтракать, спать, обедать, делать все, что полагается человеку. Но вы ответьте, скажите мне, для чего существует он, человек?

Мисс Гримбл пожала плечами. Началось утро, а с ним — и чудачества старика.

— За всех не отвечу, а что касается меня, то я живу, чтобы жить.

— А для чего жить? Может быть, это зря?

— Нет, не зря! Не зря, раз мы появились на свет.

— Да я не о нас с вами! — сказал Кинг с досадой. — Я о всем человечестве. Для чего оно?

Мисс Гримбл смерила его взглядом — заросшие щетиной щеки, покрасневшие от бессоницы глаза, пузыри на коленях, там, где вытянулись брюки...

— Так будете пить кофе или сперва приведете себя в порядок?

— Пойду к себе, — ответил Кинг.

Еще вчера он взлетел бы по лестнице одним махом, а теперь поднимался тяжело, опираясь на перила. Груз неразрешенного вопроса сгибал его.

Распахнул дверь в свою комнату, на него повеяло затхлым запахом табачного дыма. Кондиционер не работал, а раскрытого окна было недостаточно, чтобы очистить прокуренное за ночь помещение. Переступая через груды книг, он пробрался к окну.

Вот-вот должно было встать солнце. Серый отсвет лежал на земле, а в небе уже атели легкие перья облаков.

Вздохнул под ветром старый вяз, а ветер полетел дальше шуршать листвой и волновать нивы. И тут прозвенела над садом та же незамысловатая птичья трель, которая взволновала Кинга прошлым утром.

А может быть, это и есть то вчерашнее утро, и все случившееся за эти двадцать четыре часа молниеносно пронеслось в его воображении? Вадь у него некоторая эйфория, как объявил «Эскулап». И сейчас он еще раз услышит птичку и пожелает спросить о ней у Нокса, но передумает и после завтрака усядется в кресло с томом Брема в руках. А потом включит телевизор. И в комнату ворвется Хоган. А Дынин взволнует его результатами своих исследований. И все начнется сначала? Но телевизор можно не включать, тем более что он испорчен... Значит, снова покой на долгие годы!

— Нет, — сказал Кинг, — не будет покоя, пока не найду ответа на этот проклятый вопрос.

За кустами произошло движение, и на лужайку перед домом вышел Нокс. Привычно оглянулся на окна второго этажа, как бы не попасть на глаза хозяину, и встретился взглядом с Кингом. От испуга Нокс едва не выронил косу.

— Нокс! Почему вы сторонитесь меня? — спросил Кинг сверху.

Лицо садовника отразило крайнюю степень растерянности.

— Вы сами не велели попадаться вам на глаза, сэр, — пролепетал он.

— Забудьте об этом,— сказал Кинг устало.— Давайте станем друзьями.

— Эх! — Нокс в восторге взмахнул косой, словно единым махом захотел выкосить всю лужайку.— Я ни о чем не мечтал так, как об этом, сэри!

«Еще одно открытие,— подумал Кинг.— А я почему-то считал, что его удерживают здесь деньги...»

— Скажите, Нокс,— спросил он,— что это за птичка каждое утро поет под окнами?

— Какая? Вот эта: тин-тирли-лю-ли-тинь!

— Да, да: лю-ли-тинь...

— Это малиновка, сэри.

— Малиновка! — повторил Кинг.— Какое слово!

— Я столько могу рассказать о птицах, сэри! — загорелся Нокс.— И о деревьях, и о том, как трава растет...

— Обязательно,— сказал Кинг,— обязательно.

Наверное, от бессонницы у него закружилась голова, земля вдруг качнулась перед ним, как поворачивается морской горизонт, когда корабль валит катка, и снова возникло то ночное ощущение, будто он парит в пространстве, а земной шар с океанами, горами и равнинами медленно вращается далеко внизу.

— Я пойду косить дальше? — донесся снизу голос Нокса.

— Идите, Нокс, идите,— ответил Кинг машинально, а сам все не мог оторваться от почти сказочного видения; в черном пространстве вращается бело-голубой хрустальный шар с ювелирным узором континентов и морских побережий, шар, густо населенный людьми.

Сколько времени потребовалось, чтобы создать это? И еще человека, с руками и с головой? Нет, наверняка есть цель, ради которой во Вселенной появился человек. И гигантская эта работа была проделана не зря.

работают ловко и бесшумно, ненавязчивы, почтительны без противного подобострастия, словом, очень милы. Непонятно только, зачем было придавать им такую нелепую наружность. Дать современной эстетике, потуги на оригинальность.

— Эй, робби, еще два кофе!

Сойерса не покидало ощущение, что визит Воронихина обернется неожиданностью. Утром, когда журналист позвонил к нему в номер и предложил встретиться, он был озадачен. Приятно, конечно, что в первый же день появления в столице мною интересуется не какой-нибудь начинающий репортер, а обозреватель со вселенским именем, с необыкновенным даром предугадывать значительные общественные проблемы, человек, каждое слово которого ловят, как откровение. И зачем, спрашивается, ему понадобилась моя скромная персона? Не для того ведь, чтобы сочинить эссе об одном из рядовых трудяг космоса или о благородной семейной традиции. Впрочем, почему бы и нет? В конце концов не такой уж я рядовой.

Сойерс попытался встретиться взглядом со своим собеседником, но тот следил за ловкими движениями белки, карабкавшейся по стволу изящно изогнутой лиственницы. Веранда была превращена в лесной участок с маленькими лужайками для отдыха и деловых встреч. После кратковременного увлечения закрытыми интерьерами с постоянно изменяющимся зрительным фоном, который создавал иллюзию движения, архитекторы вспомнили о моде XXXI столетия, когда господствовал лозунг «Назад, к природе».

Сойерс выждал, пока белка скрылась в листве, и сказал с оттенком вызова:

— Почему вы не спрашиваете о моем хобби? Этим, кажется, принято заканчивать интервью с бывалыми людьми.

Воронихин улыбнулся.

— Я слышал о вашем увлечении, вы пишете исторические повести. Слышал — не то слово, я их читал.

— Но это невозможно! Они были изданы ничтожным тиражом на Марсе и не удостоились упоминания даже в местной печати, не говоря уж о межпланетных изданиях.

— Чистая случайность. Кто-то приобрел вашу книжку, чтобы скоротать время в ракетоплане, и оставил в гостиничном номере, который достался мне. Кстати, это у вас единственная?

— Честно сказать, я до сих пор колеблюсь, стоит ли продолжать.— Сойерс виновато улыбнулся.— Я ведь сознаю, что недалеко от графоманства.

— Ваши повести не относятся к числу литературных шедевров, это верно. Вы неумело выписываете характеры и еще хуже мотиви-

руете действие. Зато в них бездна настоящего историзма. У вас способность угадывать детали, которые помогают зримо представить дух эпохи. От мебелировки, утвари, одежды до лексикона и манеры рассуждать.

Воронихин сжал виски ладонями, вспоминая. Когда Сойерс пытался было заговорить, остановил его взглядом.

— Вы слышали что-нибудь о «Безмолвни красного утра»? Нет? Я так и думал. О нем знают лишь немногие специалисты. Эта иллюстрированная книжка с пышным названием содержит самое точное описание быта и нравов конца второго — начала третьего тысячелетия, то есть, как раз того периода, который вы описываете в своем «Начале начал». И вы ухитрились почти дословно воспроизвести такие подробности, что я просто дивился.

Сойерс был польщен и одновременно чуточку задет.

— Надеюсь, вы не думаете, что я заимствовал эти подробности у древних авторов и позволил себе обойтись без ссылок.

— К сожалению, нет,— возразил Воронихин,— вы сумели их угадать. И знаете, почему я в этом убежден? Потому что рядом с достовернейшими деталями у вас встречаются дикие ошибки. Да вот пример. Ваш герой пользуется электрической бритвой. Это в тридцатом-то веке, когда успели забыть о таких неуклюжих приборах и научились начисто снимать щетину прикосновением ароматической губки.

— Непростительная оплошность,— признался Сойерс.— Результат спешки. Знаете, литературными опытами я занимаюсь в перерывах между полетами.

— Ладно, не оправдывайтесь. Разговор сейчас не об этом.

Наконец-то, подумал Сойерс, но собеседник молчал. На его лице и во всем облике живо отражалось движение мысли. Сколько ему может быть лет? Кажется, еще в школе зачитывался его очерками, он уже тогда был знаменит. Кстати, почему он так странно выразился: «К сожалению»? Словно хотел сказать, что предпочтительнее заимствовать, чем угадывать? Вот уж, право, налепая мысль.

— Именно это я и хотел сказать,— улыбнулся Воронихин.— Пусть вас не смущает моя пронизательность. У меня нет с собой мыслеулавливателя, не люблю прибегать к помощи этого аппарата. Да, я намеренно употребил слово «к сожалению».

Он поднялся, обошел столик, подтянул к себе свободное кресло и придвинул его вплотную к Сойерсу.

— Так вот, я действительно думаю, что в исторической романистике плагиат лучше изобретательства, даже если оно удачно и опирается на изощренную интуицию. Почему я так думаю, вопре-

ки, казалось бы, очевидным нравственным постулатам, вы поймете позднее. Скажите, Сойерс, что вы читали из Брокта?

— Все. Решительно все. Не пропустил ни строчки. Тридцатитомное академическое издание плюс отдельные вещи, изданные позднее. Вот вы сделали мне комплимент, но я ведь жалкий его подражатель. Что меня больше всего поражает в его таланте, так это эффект присутствия. Наш современник, человек четвертого тысячелетия, он описывает события любой исторической эпохи с такой поразительной достоверностью, будто сам в них участвовал. Этот волшебник заставляет поверить в возможность ясновидения.

— Что вы больше всего любите у него? — спросил Воронихин.

— Трудный вопрос. Пожалуй, это «Хаджи Мурат», «Фиеста», «Шагреновая кожа», из пьес — «Кориолан», «Лиса и виноград». Из поэм — «Торжество Сиды», «Мцыри», а впрочем, и все остальное.

Воронихин кивнул:

— Я тоже испытал это чувство восторга и поклонения. Да, так, вероятно, думают все. На протяжении последних пятнадцати лет выяснение общественного мнения о самом гениальном писателе современности неизменно оканчивались одним единодушным ответом — Брокт. Вчера он умер.

— Не может быть! — сказал Сойерс. — Не должно быть. Какая потеря!

— Да. Он был очень стар и к тому же вел нездоровый образ жизни. Дни и ночи проводил за чтением старинных книг, копался в микротеках, пренебрегал правилами физиологической и умственной гигиены. Странно, что его хилый организм так долго выдерживал перегрузки. Но всему приходит конец.

— Какая потеря! — повторил Сойерс.

— Да, но потеря восполнимая, — возразил Воронихин. — Нет, нет, не перебивайте. Выслушайте меня до конца. Около года назад я связался с Броктом по видео и попросил согласия встретиться с ним. Он сказал, что не любит отвлекаться от своих занятий и к тому же не нуждается в очередной хвалебной оде, но я заверил, что речь идет не об этом, у меня к нему весьма важное дело. В конце концов Брокт уступил.

Мы встретились на другой день, для чего мне пришлось сделать довольно утомительное путешествие. Он живет, прошу прощения, жил, в одном из тех уединенных местечек в горной местности, которые служат приютом для поэтов и влюбленных, желающих хоть на время отключиться от мирской суеты. Приходилось ли вам бывать в Одиноком?

— Нет, никогда, — ответил Сойерс, — хотя слышал о нем немало и даже как-то врач рекомендовал мне провести там свой отпуск.

— Это очаровательный поселок,— продолжал Воронихин.— Виллы цепью растянулись в горах, далеко отстоя одна от другой. Район закрыт для полетов, туда нельзя добраться и на машинах. Единственный способ — двадцатикилометровая прогулка, а если вы немощны, то вас снабдят древней колесницей, запряженной парой лошадей.

Меня встретила милая старушка, его жена, угостила чаем, заставив попробовать пироги домашнего изготовления — как видите, не все в этом мире доверяется механизмам. Когда я стал выказывать признаки нетерпения, она сообщила, что Брокт ждет меня в кабинете. Не стал спрашивать, почему меня не провели к нему сразу. Видимо, женщина не разделяла стремления мужа к одиночеству и рада была даже моему обществу.

Брокт встал из-за широченного стола, заваленного кипой бумаг, небрежно протянул руку и вместо приветствия сказал: «Могу уделить вам не более получаса, мое время слишком ценно». Потом, заметив гримасу укора на лице жены, добавил: «Это не от чванства, поверьте, у меня действительно остался слишком малый срок, чтобы тратить его попусту». — И взглядом дал понять жене, что ее присутствие не обязательно.

«Собираюсь задать вам всего один вопрос»,— сказал я.— «Спрашивайте». — «Почему вы опубликовали под своим именем поэму, принадлежащую перу Есенина?»

Эффект был совсем не тот, какого я ожидал. Никаких признаков удивления, или страха, или гнева. Ничего похожего на то, что должен испытывать вор, пойманный с поличным. Секунду он пристально глядел мне в глаза, потом отошел к окну и уставился на череду зеленых холмов. Он был очень высок и худ, с узкими плечами, шею почти не было видно, и голова, казалось, росла прямо на туловище. Брокт явно не принадлежал к образцам человеческой расы на высшей ступени ее развития. Я терпеливо ждал, твердо решив не раскрывать рта, пока не дождусь ответа.

— Я ничего не понимаю,— сказал Сойерс.— Старинный поэт... Какая-то литературная кража в наше время...

— Я просил вас не перебивать, Сойерс,— сказал Воронихин.— Постараюсь быть кратким.

— Нет, нет, продолжайте, мне некуда спешить.

— Потом Брокт сказал, не оборачиваясь: «У вас есть доказательства?» Я был готов к этому вопросу: — «Нет, но при желании их нетрудно найти, и вам это известно лучше, чем мне».

«Да, вы правы,— сказал он.— Что ж, когда-нибудь это должно было случиться. Странно, что так поздно.— Брокт отошел от окна, повернулся ко мне лицом и спросил: — Разумеется, вы намерены

передать свое открытие гласности?» Слово «открытие» он произнес с подчеркнутой иронией.

«Не знаю,— ответил я.— Прежде всего хотелось бы знать мотивы».

«Ах, да, мотивы... Естественно. Вы имеете на это право. Садитесь.— Он указал мне на овальное кресло, а сам прошел к своему месту за письменным столом, сел, выставил вперед костлявые локти и уперся пальцами в виски.— Я, Николай Брокт,— сказал он торжественно, будто пародируя официальные заявления на межпланетных конгрессах,— опубликовал за свою жизнь сорок четыре выдающихся литературных произведения. И все они не мои. В старину это называли плагиатом — изысканное выражение, обозначавшее литературное воровство. Сейчас вы узнаете, почему я это сделал. Кстати, не хотите ли записать мою исповедь?» — Он достал из ящика миниатюрный автописец и щелчком подтолкнул ко мне.— «Благодарю,— сказал я,— пока в этом нет нужды. К тому же у меня отличная память».— «Как хотите,— бросил он равнодушно.— Для начала придется выслушать нечто вроде предисловия. Приношу извинения, если все или хотя бы часть того, о чем я собираюсь сказать, вам известно. Без этого не обойтись».

Одна из наиболее сложных проблем, стоящих перед человечеством и приобретающих все более серьезный характер для каждого нового поколения,— это проблема сохранения накопленных знаний. Впрочем, слово «сохранение» не совсем точно выражает суть дела. Хранить можно, в конце концов, что угодно, от овощей до запасов воздуха. Современная техника позволила сделать практически вечными такие неуязвимые творения человеческого духа, как Пизанскую башню или Монну Лизу. В микрофильмах сохраняются все книги, изданные со времени изобретения книгопечатания. Но подавляющее большинство этих ценностей мертво, ибо не потребляется разумом. Да, это именно то слово, которое здесь уместно. Не проблема сохранения, а проблема потребления накопленных знаний.

Первые признаки неблагополучия стали обнаруживаться в конце второго тысячелетия. Вам любопытно будет узнать, что наши пращуры уже к 1970 году издавали в год полмиллиона названий книг. Разумеется, в их числе было много переизданий и переводов. Но поток новинок нарастал. В 1980 году на Земле издавалось около 700 тысяч названий, в 1990 — примерно миллион, а когда человечество вступило в третье тысячелетие — в свет было выпущено свыше полутора миллионов названий книг».

Не стану утомлять вас цифрами. Позволю только напомнить, что в прошлом году, по данным Вселенского статистического инсти-

туда, на Земле и других планетах, населенных людьми, опубликовано почти 10 миллиардов названий, причем третью часть этой книжной лавины составляют новые произведения. Я говорю «книжной», потому что форма публикации не имеет значения, идет ли речь о видео-, звукозаписи или наборной книге».

Брокт теперь расхаживал по комнате, заложив руки за спину, говорил монотонным назидательным тоном, словно профессор, читающий популярную лекцию в студенческой аудитории.

«Вернувшись к рубежу второго и третьего тысячелетий,— продолжал оратор,— мы узнаем, что уже в те далекие времена подавляющее большинство вновь созданных литературных произведений жило два-три года, от силы пять лет. В сущности, они производились для разового потребления, как пища или одежда. Ремесленнические поделки, служившие средством скоротать или даже убить время, как тогда говорили, быстро выходили из моды, пылились в подвальных помещениях публичных библиотек, а затем шли на макулатуру.

Я далек от намерения морализировать на сей счет и упрекать наших предков в недостатке культуры. Литература, как и всякая другая сфера деятельности, призванная удовлетворять определенную общественную потребность, не может обходиться без массовой продукции. Разве не так обстоит дело и в наше время?.. Разумеется, сегодняшний читатель несравненно более взыскателен, а средний уровень литературных произведений гораздо выше, чем когда-либо в прошлом. Это естественный результат развития цивилизации. Но соотношение между поделками и шедеврами остается почти без изменений. Вполне вероятно, что какой-нибудь проходной роман, изданный в наши дни, был бы признан выдающимся несколько веков назад. Для нас он остается проходным именно потому, что воспринимается в сравнении с подлинными шедеврами четвертого тысячелетия».

Брокт остановился, на секунду задумался, потом подошел ко мне и уже с оттенком дружеской доверительности, сказал:

«Кстати, о мотивах. Первая идея, которая совершенно неожиданно пришла мне в голову, заключалась в следующем: если наша средняя книга была бы принята древними как шедевр, не следует ли отсюда, что средняя книга древних будет принята как шедевр людьми нашего времени?»

«Нет,— ответил я.— Эта идея абсурдна. Вы только что изволили заметить, что наш средний роман был бы признан в прошлом шедевром. С этим еще можно согласиться. Но наоборот... Прошу прощения, подобная инверсия кажется мне бессмысленной».

«Вовсе нет, вовсе нет! — возразил Брокт.— Как раз потому,

что речь идет о ценностях духовных, а не материальных. Действительно, если бы нам вдруг пришло в голову предложить своим современникам, скажем, примитивные наручные часы XXIV столетия, нас бы подняли на смех. Иное дело книга, пусть даже посредственная для своего времени. Она любопытна и привлекательна, потому что позволяет войти в незнакомый нам духовный мир, удовлетворить тот неистребимый интерес к прошлому, который всегда живет в человеке и на котором зиждется преемственная связь поколений... Не согласны? Мысль об инверсии, как вы удачно выразились, пришла ко мне откуда-то из глубин подсознания. Поначалу я ее попросту отбросил. Да, отбросил. Она показалась мне такой же нелепицей, как и вам».

— Вы не устали, Сойерс? — перебил свой рассказ Воронихин. — Извините, что я многословен и упоминаю малозначущие детали. У меня странная память. Могу изложить события любой давности, однако с обязательным условием не нарушать последовательности. Стоит опустить какое-нибудь промежуточное звено — и не ручаюсь, что вместе с ним не пропадет важная мысль.

— Хотел бы я обладать такой памятью, — сказал Сойерс. — Суть дела запоминают все, но иногда ценней всего оказываются как раз детали.

— Тогда я продолжаю. Брокт вновь принялся рассказывать по комнате. Уже знакомым движением он приложил пальцы к вискам:

«Если бы вы знали, как медленно и мучительно я шел к осознанию своего долга. Не один десяток лет жизни был потрачен на изучение клада, погребенного в хранилище знаний. В его бесчисленных лабиринтах я ориентировался не хуже расторопных роботов, которые заботились о сохранности архивных материалов, вели учет, давали справки редким посетителям. Среди этих посетителей было немало подлинных энтузиастов, но никто не мог сравниться со мной в самоотвержении.

Я пропустил через свой мозг гигантское количество книг. Поначалу в моей работе не было сколько-нибудь продуманной системы. Сегодня смотрел античных поэтов, завтра знакомился с прозой XIX века, послезавтра — с героями Великой Революционной эпохи. Собственно говоря, я занимался тем же, чем занимаются тысячи и тысячи историков и литературоведов, собирающих материалы для своих монографий. Однако определенная цель ограничивала рамки их поиска, я же брал все, что попадало под руку.

Единственным результатом тогдашней моей работы было обнаружение некоторых забавных закономерностей художественного творчества, о чем я написал в своей первой и последней научной брошюре. Вряд ли многие ее прочитали. Она того и не заслужи-

вала. То, что показалось мне тогда открытием, было всего лишь банальностью. Помню, я пытался доказать, что все литературные сюжеты сводятся к 12 основным и 64 вариантным. Позднее узнал, что существует по крайней мере несколько тысяч литературоведческих работ, в которых сообщается о той же закономерности, однако каждый исследователь называет свою цифру.

Я зашел в тупик и решил уже бросить свои бесплодные занятия. Помешала случайность. Зайдя однажды в помещение, где хранились знания XIX—XX веков, я, по привычке, назвал наугад серию и какой-то десятизначный номер. Через несколько секунд автомат выдал мне названное произведение и, устроившись поудобней в видеокамере, я начал его просматривать. С первых же страниц почувствовал, что передо мной великий художник. Мастерски построенный сюжет, глубина и многогранность мысли, редкостное понимание человеческой психики и умение передать несколькими штрихами самые сложные ее состояния — все это властно меня захватило. Даже лишенный блеска и фантазии машинный перевод на современный язык не помешал мне ощутить красоту и поэтичность слога. Это была повесть Льва Толстого «Хаджи Мурат» — первое опубликованное мною под своим именем художественное произведение».

Заметив мое движение, Бронк поднял руку: «Погодите, не перебивайте. Повесть Толстого я выдал за свое произведение, потому что другого способа вернуть ее людям не существовало».

Любое произведение, как бы ни было оно принято современниками, подвергается суровому испытанию временем. Оно выносит беспристрастный приговор, отбирая крупинцы вечного и отбрасывая шлак. Иными словами, в литературе шел и продолжается жестокий естественный отбор. Но на определенной стадии развития цивилизации его оказалось недостаточно. Человечество произвело гораздо больше художественной продукции, чем оно в состоянии потратить. Возникла опасность, что в результате неконтролируемого выбора люди будут проходить мимо значительной части того, что издавна принято называть золотым фондом литературы. Первые попытки искусственно регулировать процесс потребления художественных ценностей нашли выражение в специально подобранных библиотечках мировой классики. Издавать их начали еще в XIX веке. Солидное по тому времени научное издание такого рода было предпринято, например, в Советском Союзе в тридцатых годах XIX столетия. В семидесятых годах того же века это издание было повторено. Специалисты, отбиравшие произведения для включения в издание классиков, обладали мужеством и, я бы сказал, готовностью к моральному подвигничеству, принимая на себя бремя

ответственности за погребение ценностей духа из-за невозможности сделать все достоянием современников.

Год назад завершена публикация очередного собрания шедевров. Благодаря современным техническим средствам оно умещается в небольшом чемоданчике. Но миниатюризация нисколько не облегчает прочтения пятнадцати тысяч томов, отобранных при крайне высоких требованиях. Если читать в день по книге, оставив все прочие занятия, то понадобится больше сорока лет, чтобы проглотить этот океан художественных ценностей. Современная аппаратура облегчила процесс чтения, нам не приходится тратить время на перелистывание страниц. Конечно, теперь есть методы интенсивного поглощения информации. Но все это не имеет принципиального значения: возможности человеческого мозга не безграничны.

Когда вы учились в школе, вам рекомендовали три романа Толстого: «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение». В последнем собрании уже отсутствует «Воскресение». Не исключено, что в следующем издании не найдется места и для «Анны Карениной». Я возвращаюсь к Толстому, чтобы иметь некий эталон для уяснения тенденции. Конечно, «Анна Каренина» еще некоторое время будет находиться в обращении, но очередным поколениям просто будет не до нее: надо ведь овладеть официально отобранным золотым фондом, да вдобавок поглощать огромное количество текущей информации. Как бы ни влекло к классикам, мы не можем обойтись без чтения новинок, даже тех, которые не относятся к числу шедевров. Что поделаешь, такова жизнь...

Сейчас специалисты обсуждают проект радикального сокращения золотого фонда литературы. Именно радикального, потому что рекомендовать пятнадцать тысяч томов — все равно, что вовсе отказаться от рекомендации. Одни называют цифру пять тысяч, другие призывают ограничиться всего одной тысячей. Страшно подумать, чего мы лишимся! Именно лишимся.

После встречи с Броктом я наводил справки в хранилище знаний, причем не в лабиринте, а в верхних отсеках, где содержатся книги, которые числятся в читательском обиходе. Мне сообщили, что многие из них в последний раз спрашивали 200—300 лет назад. Если книга остается без спроса более 500 лет, она отправляется в лабиринт.

Теперь примите во внимание, что до сих пор речь шла о чтении вообще, о свободном процессе приобщения к ценностям культуры, удовлетворении потребности в эстетическом наслаждении. Несравнимо сложнее проблема обязательного образования. Правда, мы уже давно признали негодными попытки унифицировать сознание, навязывать каждому новому члену человеческого общества строго

определенный набор знаний.

Возможность широкого выбора в соответствии с природными склонностями и вкусом — предпосылка того многообразия индивидуальностей и талантов, которое позволяет человеческому роду умножать свой коллективный разум, делает его способным ставить и решать самые головоломные задачи.

С другой стороны, индивид не может стать человеком, если каким-то способом не ощущает свою слитность с человечеством. И таким средством не способны послужить ни инстинкт, ни даже общность языка; всегда можно забыть свой язык и выучиться чужому. Мы с вами, Сойерс, понимаем друг друга прежде всего потому, что нас объединяет культура, выросшая за тысячелетия развития земной цивилизации. Как бы ни различались люди по профессиям, интересам, склонностям, они объединены Гомером, Шекспиром, Микеланджело, Бетховеном, Достоевским и известными вам великими сынами Земли третьего тысячелетия.

Знаете, Сойерс, в наш век специализация настолько углубилась, требует такого предельного сосредоточения, что представители разных профессий давно перестали бы понимать друг друга, не будь у них этого чудесного духовного родства. Вот почему с полным основанием можно сказать: человек стал человеком благодаря труду, приобрел могущество благодаря науке, но остался человеком благодаря искусству.

Простите, я увлекся. Так вот, никто не может поручиться за художественное чтение взрослого человека, тем более, если он маниакально увлечен своим делом. Поэтому решающее значение имеет тот запас литературных впечатлений, какой мы приобретаем в детстве и юности, когда чувства свежи и всем существом нашим владеет неутолимая жажда познать мир, жизнь, самих себя. Какой бы экзотический род занятий человек потом ни избрал, это останется в нем навсегда. Но молодой человек не может поглотить тысячи названий, поневоле приходится ограничиться тремя-четырьмя сотнями. И мы оставляем для юности шедевры из шедевров, беря от самых гениальных самое гениальное. Все прочее с болью в сердце выбрасывается за борт, иначе лодка будет перегружена и не пригодна к плаванию.

Теперь вы понимаете, что когда Брокт напал на «Хаджи Мурата», его первым побуждением было — вернуть человечеству утраченное сокровище. Но как? Сообщить об этом в печати, поставить вопрос перед центральными планирующими организациями? Этот путь не обещал успеха. Ведь, по сути дела, речь шла о попытке вызвать неконтролируемый процесс извлечения из лабиринта сотен и тысяч забытых произведений, что неминуемо привело бы к утере найден-

ного равновесия, перечеркнуло результаты естественного отбора и огромной избирательной работы.

Я и не заметил, что вновь говорю словами Брокта. Как сейчас вижу его: уставившись взглядом в какую-то точку над дверным косяком, он рассуждает, а который раз судит себя и ищет оправдание своему поступку.

«Легче всего,— говорил он,— было бы махнуть рукой и отправить повесть туда, где она пролежала без движения почти пятнадцать веков. Поначалу я так и сделал. Но уже через неделю прибежал в лабиринт, затребовал тот же номер и опять с наслаждением погрузился в чтение. Меня не покидало ощущение, что нашел исключительную ценность и держу ее для себя, утаивая от человечества. Утаить — значит украсть. И вместе с древним словом «вор» мне пришла в голову счастливая идея: а что если опубликовать книгу заново, под своим именем? Она получит право на жизнь как исторический роман, созданный в наше время, и ее наверняка прочитают десятки тысяч людей, следящих за литературными новинками. Тщательно отредактировать машинный перевод, сознательно внести в речь героев несколько модернизмов — пусть потом критики отмечают, что автору не везде удалось передать речевой колорит эпохи, заручиться отзывами специалистов, вот и все дело.

Долго и мучительно размышлял, имею ли моральное право на такой поступок. Плагат — одно из самых отвратительных преступлений. Для меня всегда оставалось загадкой, почему в древности за него карали так легко. Ведь присвоить себе чужую мысль несравненно хуже, чем украсть вещь. Впрочем, вещи тогда ценились дороже, и, видимо, слишком разные у нас с ними точки зрения.

«Но разве,— возражал я сам себе,— можно назвать актом присвоения действие, имеющее целью дать шедевру вторую жизнь? Разве такое возрождение не важнее, чем абстрактное понятие честности?» Я даже пытался вообразить, что сказал бы сам Толстой. Истинный художник, он, не задумываясь, предпочел бы, чтобы его творение жило под чужим именем, нежели отлеживалось в хранилище знаний. В конце концов столь ли важно, какому имени будет воздана хвала? В древности ставили памятники неизвестному солдату, олицетворяя тем самым общий подвиг народа, сражавшегося за свободу. Может быть, следует воздвигнуть монумент неизвестному художнику, отдавая тем самым дань признания человеческому гению вообще...»

«Почему вы не прибегли к псевдониму?» — спросил я.

«У меня была такая мысль, но по размышлении пришлось от нее отказаться. Псевдоним практически никогда не остается

нераскрытым. В наши дни его используют чрезвычайно редко и всегда по каким-то особо деликатным соображениям. Псевдоним привлек бы ко мне излишнее внимание, что, конечно, помешало бы делу. А всплыви секрет наружу, сделал бы мое преступление еще более отвратительным. Нет, полурешений здесь быть не могло. Надо было либо вовсе отказаться от затеи, либо браться за нее без оглядки.

Первое издание я считал своеобразным экспериментом. Если обман обнаружат, выступлю с саморазоблачением, изложив мотивы, и пусть меня судят по всем законам морали. Если же не обнаружат — буду продолжать. Теперь все было просто, и оставалось действовать: искать забытое из творчества признанных классиков, редактировать машинный перевод, модернизировать, издавать — словом, рутинно.

«Не могу понять одного,— сказал я,— каким образом могло случиться, что никто не обнаружил плагиата. Просто невысказано».

«А кто вам сказал, что не обнаружили? — возразил Брокст.— Кстати, это сделали и вы».

«Чисто случайно и притом только сейчас, на сороковой вашей книге...» Я поперхнулся, произнес слово «вашей». Он заметил это и пожал плечами. Встал, походил по комнате, опять вернулся к своему месту. Теперь уже напряженности не чувствовалось, он явно устал и тяготился разговором. «Плагиат,— сказал он,— был раскрыт первым же человеком, к которому я обратился за отзывом. Я не вправе называть вам его имя, могу лишь сказать, что это был крупный историк, один из лучших знатоков той эпохи. В самом обращении к нему содержался рассчитанный риск».

«Вы изложили свою аргументацию, и он решил вам не препятствовать?»

«Да. Он сказал, что я беру на себя грех ради благородного дела, и если обман раскроется, а это обязательно случится, то я все равно заслуживаю памятника с надписью: «Величайшему из плагиаторов Броксту — благодарное человечество».

Я не удержался от улыбки, которая привела моего собеседника в состояние крайнего раздражения.

«Над чем вы потешаетесь? — закричал он.— Неужели вы не можете понять, что лично для себя я ничего не искал. Мне не нужна слава, я-то хорошо знаю, что ее не заслужил! всю жизнь я провожу в уединении, избегаю общаться с людьми именно потому, что стыжусь принимать от них знаки уважения и признательности. Разве одного этого мало, чтобы искупить вину?»

«Простите, я вовсе не хотел вас обидеть,— сказал я. И, чтобы как-то преодолеть возникшую неловкость, добавил: — Поверьте, я

не только не осуждаю, но, напротив, высоко ценю ваше мужество».

«Я сам должен просить у вас прощения за свою аспльчивость,— сказал он, смягчившись.— Но поймите мое состояние. Как бы я ни был убежден в своей правоте, вот уже двадцать лет каждый день встаю с предчувствием, что сегодня буду разоблачен. И, даже оправдав мои действия с точки зрения нравственной, люди все равно будут смеяться: «Он пытался перехитрить все человечество».

«Почему же...» — начал было я возражать, но он, не слушая, продолжал: — Впрочем, мне это безразлично. Пусть смеются. Я свою задачу выполнил, а это, в конце концов, самое важное. И знаете, что я вам еще скажу? Я глубоко убежден, что и другие специалисты обнаружили плагиат. Иначе не могло быть. По моим предположениям, по крайней мере три-четыре человека должны были это сделать. Почему же они молчали? Видимо, по той же причине: соглашались и одобряли. А почему не дали знать хотя бы мне, что им известно все? Очевидно, не хотели становиться соучастниками... Так это или не так, во всяком случае мне никто не помешал. После удаче с «Хаджи Муратом» я выпускал книгу за книгой. Мог бы издать гораздо больше, но приходилось делать паузы: шедевры ведь не пекутся, как блины».

«Знает ли об этом ваша жена?» — спросил я.

«Нет,— ответил он,— не хотел осложнять ей жизнь, она и без того не очень сладкая. Вот, собственно говоря, и все. Что же вы намерены делать, имея на руках такую сенсацию?»

«Ничего. Молчать»,— ответил я, вставая. Мы пожали друг другу руки. Брокт проводил меня к выходу. У порога он сказал: «Знаете, о чем я больше всего жалею? О том, что у меня нет продолжателя».

— Теперь вы понимаете, Сойерс, почему я все это вам рассказываю?

— Еще бы не понять,— сказал Сойерс, откидываясь на спинку кресла.— Вы всерьез думаете, что я могу взяться за это?

— Да. Выбор на вас пал не случайно. Во-первых, вы уже начали пробовать силы в литературе, и появление новых работ будет выглядеть вполне естественно. Скажут, что ваш талант созрел и заблестел новыми гранями. Во-вторых, и это, может быть, еще более важно, люди вашей профессии обладают, как правило, мужеством и развитым чувством долга. Словом, у вас есть все необходимое, чтобы взяться за такое дело.

— А почему вы не беретесь за него сами?

— Я ждал этого вопроса,— сказал Воронихин.— Можете быть уверены, если бы это было возможно, я не задумался бы ни на минуту. Не в моем характере сваливать на других ношу, которую

способен поднять сам. Но я журналист со сложившимся стилем и, смею сказать, достаточно широко известен читающей публике. Никто не поверит, если вдруг Воронихин начнет выступать с историческими романами, пьесами и даже поэмами. Нет, моя кандидатура не подходит ни по каким статьям. Подумайте, Сойерс, подумайте и решайтесь.

— Я все еще не могу привыкнуть к мысли, что в наше время может существовать только такой, не знаю даже, как выразиться, странный, что ли, выход из создавшегося положения. Мы уже успели забыть само слово «плагиат», а тут...— Сойерс замолчал. Мимо их столика прошли девушка с мужчиной. Они оживленно беседовали о чем-то своем и, конечно, им не было никакого дела до чужих забот. Сойерсу же пришла в голову мысль, что впервые в жизни он боится быть услышанным.

Он встал, подошел к высокой прозрачной балюстраде, заглянул вниз. Там утопал в зелени огромный белый город. Насколько видел глаз, нескончаемой чередой тянулись здания самых причудливых форм и конструкций. Высота позволяла оценить совершенство спиралеобразной планировки, которая оставляла достаточно простора для движения и вместе с тем объединяла архитектурные комплексы в единое стройное целое. В столице, отстроенной заново полвека назад, была всего одна бесконечная магистраль. В чистом голубом пространстве мелькали аэроколяски, красочными пятнышками катились по подвесным дорогам мобили.

Всю жизнь быть готовым к разоблачению и осмеянию, утаивать от людей свое истинное занятие. А как он сможет скрыть это от близких, от друзей, как будет смотреть в глаза сыну? Нет, эта ноша не для него.

Воронихин молча ждал.

— Сожалею,— сказал Сойерс,— но я не смогу оправдать ваши надежды. Вот вы говорили о мужестве. Но ведь оно не однозначно. Одно мужество не похоже на другое. Я, не колеблясь, пойду в самый рискованный полет и отдам жизнь, если этого потребует долг. Здесь другое. Здесь нужно не бесстрашие, а готовность к мученичеству. Этого во мне нет...

Воронихин молчал.

— Нет ясности,— сказал Сойерс.— Не могу согласиться, что вы да я, несколько одиночек в состоянии решить проблему более разумно, чем все общество. Не рано ли мы успокоились? Ладно, он заставил людей прочесть некоторые забытые шедевры, так ведь других, не менее значительных, они не прочтут.

— Об этом я думал,— сказал Воронихин.— Шедеврами он вытеснил часть сегодняшних поделок.

— Все равно это паллиатив, полумера. Ведь объем человеческого мозга, возможности памяти, восприятия информации он не увеличил. Есть ситуации, когда не обойтись без выбора. Нам то и дело приходится от чего-то отказываться... Слушайте, не должна ли служить некоторым утешением мысль, что великие произведения прошлого, даже если они забыты, не пропали зря? Они вошли в пласт человеческой культуры, на который легли потом другие слои, более совершенные.

— Может быть,— упавшим голосом отозвался Воронихин.

— И вот еще что. Я сознаю, что, как литератор, не многого стою. Но это мое собственное, выношенное. У меня, как, наверно, и у каждого человека, есть свое маленькое тщеславие, оно не позволит заниматься переписыванием других. Лучше уж я буду сочинять сам. По-моему, Брокт именно потому смог пойти на это дело, что сам писать не умел.

— Может быть, может быть...— сказал Воронихин. Он вздохнул, развел руками.— Что поделаешь, видимо, суждено делу Брокта остаться без продолжения. Разве что найдется еще один такой энтузиаст. Или маньяк... Конечно, со временем будет найден другой путь. Простите, Сойерс, что напрасно отнял у вас время.— Улыбнулся и добавил: — Ну, а если все-таки передумаете, дайте мне знать. Я снабжу вас на первое время рекомендательным списком.

— Вам дал его Брокт?

— Да, он переслал его мне незадолго до смерти. Без всяких комментариев. Просто листок, на котором значится два десятка названий. До свидания.

— Одну минуту,— сказал Сойерс.— Объясните, пожалуйста, как вам удалось раскрыть обман.

— Видите ли, сомнения у меня возникли давно. Поражала разносторонность Брокта. В наше время не столь уж неожиданно сочетание в одном человека самых различных дарований. Но легче быть, скажем, выдающимся химиком и композитором, чем выдающимся композитором и легкой, и серьезной музыки или химиком-органиком и неоргаником. А Брокт был гением и в драме, и в поэзии, и в прозе, и в сатире. Вспомните знаменитый «Остров пингвинов». Кстати, его автор — французский писатель Анатоль Франс. Но все это были не более чем сомнения. Помог случай. Мои предки русского происхождения. Один из них был страстным любителем литературы, причем особенно преклонялся перед талантом поэта Есенина. Из поколения в поколение передавалась эта страсть, и, хотя старинные стихи постепенно забывались, уступали место современным, каждый передавал наследникам то, что осталось в его памяти. Отец как-то декламировал одно из забытых

стихотворений, и мне оно запомнилось. Особенно я был пленен необычайным лиризмом слов «И деревья, как всадники, съехались в нашем саду». Всего одна строка, Сойерс, но какая! Когда я встретил ее у Брокта, сомнений не оставалось.

— Да, но строку могли придумать заново. Теоретически доказано, что если дать обезьяне автописец и не ограничивать ее временем, то когда-нибудь она повторит дословно все творения, созданные гением человека.

Воронихин протянул руку для прощания:

— Знаете, Сойерс, я ценю математические абстракции, но при всем к ним уважении убежден, что такие строки сочиняются только раз.

УДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ

Р. ПОДОЛЬНЫЙ

СКРИПКА ДЛЯ ЭЙНШТЕЙНА

Телефонный звонок.

— Леру!

— Ошибка.

Телефонный звонок.

— Юлю.

— Извини, Лева, я жду очень важного звонка.

— Николая.

— Сейчас позову.

Брат берет трубку и говорит, говорит, говорит.

Я показываю ему кулак. Не обращает внимания. Кончил разговор. Ушел в свою комнату.

Я сижу у телефона. Ведь сегодня в «Комсомолке»... Это мог сделать только Витя. Значит, он в Москве.

Собственно говоря, его звали Витольдом. И он откровенно завидовал. Всем, носившим более человеческие имена. Он вообще многим завидовал. И будет...

Я помню Витю столько же, сколько себя. Лучший друг старшего брата. У одного костяшки на правой разбиты — значит, у другого скула рассечена. Но — ничего. Будто так и надо. У одного двойка — и у другого. Прогуливали вместе. И в классном списке фами-

лин рядом. Потом уже, классе в восьмом, Николай вырвался. Призы на олимпиадах. Курсы при МГУ. Физмат.

— Завидую! — сказал Витольд, засыпавшийся на экзаменах. (Мне всего было двенадцать лет, что я понимала, пигалица, но тогда в первый раз это слово меня обожгло. А сколько раз я его слышала раньше...

Помню:

«Люди в кино идут, а мы на уроки. Завидую. Пошли, Коля?»

«У людей змей летает, Завидую. Сделаем, Коля?»

«С какой девушкой парень идет? Завидую. Познакомимся, Коля?»

Отец бывал в командировках, мамы давно не было, Коля таскал меня за собой.

«Ну сестра у тебя! Не завидую», — говорил Витольд время от времени. — Завидую! — повторил Витольд. — У соседей папахан на Севере три года проработал, «Волгу» купил.

— Пока, пацанка! — кинул он мне. — До встречи через три года, Николай. Я уже завербовался.

— Легкий парень, — сказал отец. Непонятно сказал. То ли в осуждение, То ли...

Потом Витя приехал. Затискал Кольку в объятиях. Хлопнул меня по плечу. Стал рассказывать про парня с зимовки.

— Йог, настоящий йог. Час на голове стоит. Два — стоит. Завидую. Он еще и животом шевелить умеет.

— Как с автомобилем? — весело спросил Николай. — Скоро покатаешь?

— Автомобиль? — Витя удивился. — Ах, да! Так я ж его давно купить могу. Неинтересно. Вот у нас один парень в шахматы... по переписке мастером стал. Завидую!

— Сильно завидуешь?

— Не очень. У меня уже первый разряд. А вот Трофимов у нас на стометровке в десять и пять десятых укладывается. Завидую.

— Как решил с институтом? Куда поступать будешь? — озабоченно спросил Николай.

— Вспомнил! Да, я в этом месяце до отпуска должен последние экзамены на заочном мехмате сдать. Вступительные у меня в Магадане приняли, а потом в год по четыре семестра укладывал. Не хуже кого другого... Времени много было. Завидую!

— Кому?! — Николай откровенно любовался товарищем.

— Да тем, кто на зимовке на следующий срок остался. Сколько сделать можно! Я вот не выдержал. Москвичам позавидовал.

— Легкий парень,— сказал отец. Осуждения в его голосе теперь совсем не было.

Он исчезал, завидуя кому-то, и появлялся снова, продолжая завидовать, но уже кому-то другому. У аэродрома его охватывала зависть к уезжающим. У кинотеатра — к зрителям. У ресторана — к тем, кто сидит анутри.

— Ка-акого они цыпленка табака едят, Пойдем, ребята!

— Юлька молода еще,— возражал Николай.

— Молода! Завидую. Сколько ей еще жить-то! На семь лет больше нас, а если еще учесть, что женщины дольше ляжку тянут...

Он завидовал — не обидно ни для себя, ни для других — всему. Хорошему стихотворению и замшевому пиджаку. Значку альпиниста и портрету в газете. И сам печатал стихи. И тут же переставал их писать. А замшевый пиджак надел два раза. Значок альпиниста он даже получать не пошел. «Мой же он»,— пожал плечами, объяснил нам с Николаем.

Но однажды Николай вместо «молода еще» сказал: «Что ж, пошли». И мы ели этого самого цыпленка и пили какую-то кислятину.

— А сестра-то у тебя,— вдруг сказал растерянно Витольд,— завидую...

— Заведи себе,— засмеялся брат.

Но Витя не принял шутки. Он прикусил губу.

Я испугалась. Он ведь всего умеет добиться. Я его полюблю. Он на мне женится. А потом чему-нибудь еще позавидует. Чьему-нибудь мужу. Китобою. Разведчику. И влюбится. Уплывет. Исчезнет. Не хочу!

Надо пошутить. Сбить тон. А то вон Николай уже серьезное лицо сделал.

— Вить, а есть на свете кто-нибудь, кому ты никогда не завидовал?

— Дай подумать,— он не отводил от меня цепкого взгляда — ...Нет! Всем завидовал.

— И несчастным влюбленным? — хмуро спросил Николай.

— Так они же стихи пишут! Сонеты, как Шекспир. Поэмы. Завидовал!

— И калекам?

— Да. Иногда. Испытание! Вынес ли бы я! Болезнь, муку, страдание... Они знают. Я — нет.

— ...И этим лабухам, что для пьяных играют?

— Господи! Конечно! Они ведь столько видят всего. Бальзак бы им позавидовал, не то что я.

— А тому, что они музыку понимают? — спросила я.

— Да нет, пожалуй. Они — музыку, я — шахматы. Слыха нет у меня и не надо. Этюд Рети им, понимаешь, покажи — посмотрят, как баран на новые ворота. И — будто так и надо. Точно музыка вправду выше шахмат. Дискриминация! Каждому — свой вид любви. Как это у Маяковского:

И знал только бог седобородый,
Что это животные разной породы.

Вот и мы с ними — разной породы, Коленька. В детстве-то меня крутило из-за музыки, — он говорил это не мне, а Николаю, но смотрел на меня. — Кажалось, это заговор всего человечества против меня. Одного. Кто играет на скрипке, кто хлопает ему. Разделение труда. Выйдет этаким кудрявый баранчик, положит подбородочек на красный лоскуточек, лоскуточек на краю скрипочки приспособит — и пошли ерзать: подбородок по лоскутку, смычок по скрипке. Пальцы дрожат-дрожат, скрипка душу тянет. Не. Не завидую!

— Ты завидуешь только тому, что тебе под силу, — не без вхидства сказала я.

— А ведь верно, — обрадовался Николай.

— Музыка, значит, мне не под силу? — удивился Витя.

— Ты научишься играть на скрипке? — брат расхохотался.

— Он положит лоскуток на скрипочку, подбородок на лоскуток... — поддержала я. — Только, имей в виду, это не лоскуток, а подушечка.

— Ну, — Витя всегда легко загорался. — Хорошо. Я научусь понимать музыку и играть... Или...

— Что «или»? — Николай веселился.

— Или докажу, что это действительно заговор. Да! Человечество само себя обманывает!

Так это началось. В тот же вечер, едва мы вышли из ресторана, Витя негромко сказал брату: — Сегодня я завидовал тебе, а скоро ты мне будешь. Береги сестренку. Пока!

— Куда ты? Нам же по дороге.

— Нет. Тут неподалеку живет мать моего начальника зимовки. Хаастался, что она любит музыку, большую библиотеку о ней собрала. Еще раз — пока. И помни, чему у тебя я завидую больше всего.

Витя появился у нас через три дня. Стал меня допрашивать:

— Вот ты играешь. Что ты в это время чувствуешь?

Выслушал. Досадливо покачал головой. Сказал:

— Смутно. Смутно. А в книжках этих! Мелодия, понимавшь, это художественно осмысленный ряд звуков разной высоты. Ну, а что значит слово «художественно» — авторы энциклопедий не знают.

— Это чувствовать надо,— сказала я. И сама сморщилась: так высокомерно прозвучала фраза.

— Чувствовать! Тоже из ряда «художественного». Почему-то про литературу критики пишут точнее. И даже про живопись, когда не очень умничают. А тут—беспомощны. Ничего объяснить не могут.

— Гармония дает ощущение красоты,— попыталась объяснить я.

— Гармония? Да какая же в нынешней музыке особая гармония? Я тут поглядел учебники да справочники. Оказывается, еще древние греки с гармонией весьма вольно обращались. А затем ее все больше и больше калечили, саму музыку на шесть седьмых урезали. В октаве чистого строя должно быть восемьдесят пять звуков, осталось двенадцать. И это — ничтожная доля всех изменений. А радуются: гармония. Да она же искусственная. Картина, китайская или японская, мне нравится. Но что мне с китайской музыкой делать? Звукоряд у них другой! А тоже ведь художественно организованный. У нас октава, у них октава. У нас внутри нее лесенка из семи ступенек, у них — из пяти. Почему нам этого не много? Почему им того не мало? Аллах знает. Договорились — и все. Заговор!

Я забыла свою застенчивость, даже страх перед человеком, которого любила. Он оскорбил музыку!

Витя слушал меня молча. Время от времени делал заметки на своих листочках. Потом резко оборвал.

— Священнейшее из искусств! Древнейшее из искусств! Сумасшедших им лечат. Подумаешь! У меня тут цитатки покрепче. Аристотель, понимаешь, считал, что музыка раскрывает суть вещей.

— Правильно!

— Да ну! А то, что есть мелодии, которые сжигают певца и все, что его окружает, тоже верно? Индусы утверждают, что один человек спел такую песню, стоя по горло в море, и волна вынесла на берег кучку пепла.

— Легенд много. Не всем же верить.

— А каким именно верить прикежешь? Ладно. Спасибо. Пошел. Тут меня попросили полгода позимовать в одном месте. До встречи. Кончай свой десятый поскорее. Взрослей, взрослей, девочка. Кстати, у вас есть чистая магнитная пленка? Давай всю.

Ушел. Я подошла к книжному шкафу, взяла тоненькую книжечку.

Я люблю тебя давно,
Впрочем, это все равно.
Все равно ты не поверишь,
Как я жду тебя давно.
Шла я девочкой по саду,

Помню детскую досаду:
Дождь пошел, дед ушел, —
Сразу все нехорошо!
Кто-то встал надо мной,
Засмеялся передо мной:
«Что ты плачешь, слезы тратишь,
Слезы льются, как вода...
Ты не вырастешь, завянешь,
Ты красною не станешь,
Я не встречусь тебе,
Не женюсь на тебе!»

Через день я пересказала брату наш разговор. Он рассмеялся.

— Этими-то новостями Витька тебя так ошарашил, что двое суток, гляжу, места себе не находишь! Эх, ты! А еще в консерваторию собираешься. Азы он тебе выкладывал. Мы действительно играем и слушаем искаженную музыку—с точки зрения хоть Пифагора, хоть Палестрины. Про них ты слышала, надеюсь?

— Пифагоровы штаны,—бодро ответила я.—А Палестрина, по моему, служил композитором у какого-то римского папы.

— Точно. В XVI веке. А за два следующих столетия музыку и обузили. Слышала про такой термин—чистый строй?

Я пристыженно молчала. Слышала ведь и читала, а внимания не обратила.

— Это когда в мелодии звучат одновременно только тонá, по чистоте различающиеся в два, три, четыре раза. Звуки тогда кажутся чистыми, прозрачными. В музыкальном диапазоне рояля укладываются семь октав и двенадцать квинт.

— Ну, это-то я знаю.

— Слава богу. Так вот, семь октав не равны двенадцати квинтам, а их взяли да подравняли. Искусственно. Квинты подкоротили. Понимаешь? Исказили чистый строй, правильно твой Витольд говорит.

— Мой?

— Ну, мой. И Гендель то же говорил, и Чайковскому это время от времени ужасно не нравилось, и Шаляпину, а Сярябин от отчаяния пытался новый рояль сконструировать, с добавочными клавишами, чтобы брать естественные интервалы. Поняла?

— Так значит, он прав?!

Николай погладил меня по щеке:

— Чудачка, всякое искусство условно.

А через год он приехал. И сразу велел нам с братом собираться. Такси ждет!

— Теперь клуб Управления Главсевморпути,—сказал шоферу.

Концерт поначалу был так себе. Но третьим номером концерт объявил:

— Оригинальный номер. Витольд Коржиков.

— Я говорил ему, чтобы он назвал меня Виктором,—прошипел Витя мне в ухо. Поднялся на сцену.

Конферансье торжественно передал ему маленький магнитофон. Витя поставил его на крышку рояля. Вынул из кармана пиджака кассету, установил. Повернул к публике, объявил:

— Записи странных звуков, сопровождавших северное сияние 2 февраля 1974 года. Слушайте.

Меня словно ударило по ушам. Я невольно подняла руки, прикрывая их, оглянулась, увидела, что этот жест повторил весь зал.

Резкий звук сменила почти красивая мелодия, затем последовала серия разрядов, больше всего напоминающих радиопомехи... Снова та же мелодия, только на два тона ниже, потом скрежет... Шумовые звуки сменялись музыкальными и возвращались опять, пока эта чудовищная музыка не превратилась окончательно в какофонию. Витя быстро снял кассету, сунул в карман, прыгнул в зал, прошел к нам. Его сменил на сцене конферансье. Морщась, проговорил:

— Я позволю себе от вашего имени поблагодарить Витольда Коржикова. А теперь,—его лицо расплылось в довольной улыбке,— вы услышите настоящую музыку. И, надеюсь, исполнителя поблагодарите сами, не возлагая на меня и эту обязанность. Скрипач...— конферансье назвал имя, заставившее зал всколыхнуться, и отошел за кулисы. Щедрый аплодисменты оборвались. Скрипач поднял смычок.

Невыносимо фальшивым был звук, вырванный им у скрипки. И сам маэстро почувствовал это. Он торопливо передвинул пальцы на грифе. Несколько раз встряхнул смычок. Снова опустил его на струны. Зал застонал. Скрипач тоже. Он выронил... нет не выронил. Он бросил смычок! Кинулся за кулисы.

Взъерошенный конферансье выскочил на сцену:

— Артист почувствовал себя плохо. Трио баянистов попытается вознаградить нас за потерю такого номера,—конферансье был растерян и косноязычен.

Баянисты раздвинули меха. Пальцы заерзали по белым пуговичкам.

— Фальшь!—крикнул кто-то неподалеку.— Не умеешь—не берись,—возмущались из первого ряда. Баянисты смотрели друг на друга. На публику. Из-за кулис крикнули: «Занавес».

Мокрыми губами прошлепал конферансье о «технических причинах». Зал шумел. А мы с Витольдом пробирались к выходу.

Он был счастлив:

— Ну, что, музыкантша, получила! Вот уж не завидую всем

этим скрипачам, пианистам, барабанщикам! И композиторам тоже! Именно не завидую! И никто больше никогда им не позавидует. Никогда!

— Что ты сделал?

— Я лишил людей музыкального слуха.—Он посмотрел на мое перепуганное лицо и расхохотался еще громче.—Не бойся, нынешняя акция действует недолго. Завтра все будет в порядке, и у тебя и у других. Но стоит мне захотеть—и я, пожалуй, захочу—стоит только захотеть...

— Что ты тогда сделаешь?

Он смеялся от всего сердца, донельзя довольный своей победой.—Да, я уже знаю, что можно отбить у человека музыкальный слух и на месяц. А может, и на года. Может, навсегда.

— Но ведь сейчас было не так! Если бы ты отнял у нас слух, музыка была бы скучна, а она резала уши.

— Молодец! Ты наблюдательна. Это промежуточная стадия на пути к результату. Людям нравится музыка, к которой они привыкли, а непривычная кажется в лучшем случае странной. Европейцу—монгольская или национальная киргизская, например. Музыка, как человеческая речь, делится на языки, только у музыки их меньше. Ну, а я устроил музыкальное вавилонское столпотворение. У каждого артиста оказалось свое наречие. А публика состояла сплошь из иностранцев. Я не лишил людей музыкального слуха, а просто делал его другим—восприимчивым для другой музыки, сдвигая привычный настрой.

— Но у тебя же нет музыкального слуха!

— Я зато много читал. Думал. Да и разрушать—не строить... Ну, не бойся, не бойся. Не оставлю я безработными всех музыкантов мира. Пожалую. Тебя. Выйдешь за меня замуж?

Он обнял меня и поцеловал. Я не сопротивлялась, но и не ответила на поцелуй. Сейчас этот добродушный человек казался мне неким вселенским духом зла. Обнимавшие меня руки час назад запустили магнитофон с самой страшной музыкой, когда-либо звучавшей на земле. Поцеловавшие меня губы только что пригрозили уничтожить музыку мира... а потом снисходительно пообещали оставить ее в покое. Из жалости! И жалости не к кому-нибудь—ко мне, ко мне самой. Неужели он действительно властен стереть с лица земли целое искусство? Неужели это возможно?

А он был счастлив. Мое молчание он принимал за восхищение им, то, что я не прятала губ—за ответное признание. Он усадил меня на скамейку в скверике, сел рядом, обнял и говорил, говорил, говорил. О своей любви. О том, как давно он понял, что я для него—единственная женщина. О том, как уже пять лет он ждал, когда я

стану взрослой, как боялся, что он мне не нравится, как еще больше боялся (он был до предела искренним), что сам в кого-нибудь влюбится до потери сознания и женится, не дожидаясь меня. А я все молчала и молчала. Он встревожился. Снова заговорил о музыке.

— Не трону я ее, обещал же. А потом...—И он стал оправдывать самый свой замысел.—Да пойми же, девочка, это действительно заговор. Чистые звуки на самом деле не чистые. Все построения искусственны. Вас приучили (только не меня) наслаждаться тем, от чего ваших дедушек мутило.

— Но то же ведь и с живописью,—тихо сказала я.

— В живописи бывает что-то похожее, но то, что там исключение, для музыки—правило. Китайская музыка скучна французам, французская—китайцам. Это подлинный заговор, обернувшийся и против самих заговорщиков, потому что сами они во все верят. Ну, я ж их!..

— Что ты собираешься делать?

— Да просто предложу на радио свои записи. Найду, под каким предлогом. Пропустят разок пленку перед микрофоном — и каюк.

— Но не все же услышат.

— Первый раз, конечно, не все. Да ведь с каждой передачей у меня будет становиться все больше сторонников. Выступлю с открытым забралом... хотя нет, что я, я же тебе обещал... Ну, значит, останется на свете музыка—для тебя, девочка. И вообще, раз я знаю, что могу все это сделать, так делать уже и неинтересно. Хотя... ты не очень расстраивайся, но и успокаивать не хочу. Раз я открыл такую противомыслию, значит, и другие могут. Впрочем... Стоит ли охранять то, что так легко уничтожить?

И он опять засмеялся! Ему было смешно...

Луна вышла из-за туч, стало очень светло, я видела его лицо. Гладкая кожа щек кричала о здоровье, крупные белые зубы свидетельствовали о том же. Ровно лежал великолапный пробор. Лоб выглядел так, будто его только что выгладили, как парадную блузку. Ни тени сомнения не было в его взгляде. Он был уверен, уверен на сто процентов во всем. В том, что может уничтожить музыку. В том, что она достойна уничтожения. В том, что я его люблю. Надо было его остановить. Чтобы самой с ним не согласиться.

— И ты считаешь, что добился того, чего хотел?

— Да. Я ж не завидую.

— Ты позавидовал хозяину дворца — и сжег этот дворец! Красиво!

— Но дворца-то и не было!

— Тогда ты должен был строить другой.

Я сама знала, как мало логики в этом утверждении. Но мне было не до выбора слов. Я вспомнила один его разговор с моим братом.

— Ты ведь так и не узнал, почему Аристотель считал, что музыка раскрывает суть вещей. Да что там! Ты даже не узнал, зачем Эйнштейн играл на скрипке, почему это помогало ему думать.

— Ну, знаешь! Шиллеру помогал работать запах гнилых яблок. Привычка—и все.

— Да? Тогда назови мне хоть одного глухого гения.

— Бетховен.

— С твоей точки зрения, композитор гением быть не может.

— Ну, ладно. А все-таки? Как с Бетховеном?

— Оглох поздно, в зрелом возрасте. А гениев, глухих с детства, нет и не было.

— Ну и что?

— А слепые гении были. Гомер и Мильтон.

— И Паниковский,—он радостно рассмеялся.

— Ты подумай над тем, что я говорю. Зрение дает человеку четыре пятых сведений о мире, слух — в пять или шесть раз меньше. Но без зрения стать гением можно, без слуха — нельзя. Почему? Музыка.

— Ты можешь это доказать?

— А зачем? У нас же есть ты, великий теоретик! Завидуешь гениям? Но они музыкальны. Все до одного, я уверена. Вот иди и не возвращайся, пока не полюбишь музыку.

Радостная улыбка медленно ушла в уголки рта. Лоб, точно гладь пруда, подернулся рябью морщинок. Быстро-быстро заморгали ресницы. Ему было больно, и он не скрывал этого. Мне тоже было больно, но он не должен этого знать.

Упавшим голосом Витя сказал:

— Но ведь я этого не смогу...

— Ладно. Приходи, когда докажешь, что музыка необходима.

— А если...— у него не хватило дыхания и мужества, чтобы договорить эту фразу.

Но у меня-то мужества было хоть отбавляй:

— Тогда и ты не необходим. Мне.

Я знаю, что он чувствовал тогда. Не могу не знать. Ведь я его жалела. Он чувствовал себя на вершине. За весь наш разговор ни разу не произнес свое привычное «завидую». Ему ли, властному решить судьбу искусства, было завидовать кому бы то ни было?

И вот с этой высоты сбросили человека, чувствовавшего себя и гением, и любимым, и победителем, и открывателем.

И он растерялся. Потерял себя. Не знал, что делать. И все-таки делал.

До меня доходили, с опозданием, конечно, слухи о том, что он делал. То профессор в консерватории рассказывал про чудака, требовавшего выработать у него музыкальный слух под угрозой, что в противном случае он самого профессора лишит музыкального слуха.

То в ботаническом саду экскурсовод сообщил об энтузиасте, организовавшем концерты для растений с целью выяснить, какие мелодии они предпочитают.

А как-то меня пригласил в театр бывший одноклассник, ныне студент химфака. Он считал нужным развлекать меня самыми сногшибательными историями. В их число попал рассказ о том, как на кафедру, по теме которой он делал курсовую, явился какой-то Витольд Юрьевич. Витольд Юрьевич узнал, что два профессора занимаются здесь звукотехнологией — изучают возможности применения обычного звука для ускорения и направленного изменения химических реакций, и предложил им модулировать этот звук согласно нотам нескольких маршей, песен и танцев. Он даже принес ноты. Большого труда профессорам стоило от него отделаться.

Студент смеялся над этой историей, но в конце концов покачал головой и сказал: «А все-таки — вдруг! Я бы на их месте попробовал...»

Я понимала, что все это бессмысленно. Витя не хотел идти по прямому пути — слушать, слушать и слушать музыку, пока не поймет ее. Или — не мог! Что мне было делать? Я так хотела помочь ему...

Снова я увидела его через полгода в кафе «Молодежное». Мы с Петей (это и был тот студент с химфака) пошли в кафе ради «Синего джаза». Джаз играл неплохо, только вот танцевать было негде, столики стояли почти вплотную, стулья упирались спинками друг в друга.

— Сейчас руководитель оркестра поделится своими мыслями о музыке, — объявил саксофонист, оборвав мелодию.

Руководителем оказался юноша, задавшийся целью быть похожим на Паганини. Ему удалось обзавестись такой же шевелюрой. Взгляд его был не менее жгуч, фигура почти столь же стройна. И только розовые мальчишеские щеки упрямо торчали в стороны от острого носа двумя крепенькими яблочками. Да руки вместо смычка и скрипки держали барабанные палочки.

Он сразу начал кричать на нас. Он обвинял собравшихся в том, что музыка нужна им для танцев, для песен и для маршей.

Что мы сделали музыку развлечением и бытом, тогда как она — средство возвышения человека. Стиснув побелевшими кистями рук свои неразлучные палочки, джазист гремел обличениями:

— Я слышал, как тут выражали недовольство. Танцевать, мол, негде. А Аристотель — может быть, вы знаете это имя — говорил: «Ни один свободный человек не будет танцевать или петь, если он, конечно, не пьян». Музыка в его время была ключом к сути вещей (я вздрогнула, узнавая слова, слышанные от Вити). Музыкой лечили безумие и музыкой ввергали в него. Планеты звучали с неба, и физика, как наука, началась с создания теории музыки. В Спарте учили музыке вместо грамоты. Пифагор связал разные звуки между собой. Но его последователи обобрали музыку. Вы нищие, потому что у вас украли шесть седьмых музыки. У вас двенадцать музыкальных звуков в октаве, а должно быть восемьдесят пять. У вас...

— А у вас? — рассерженно крикнул какой-то посетитель.

— Вот что у нас! — и оратор почти упал на свой стул, резким движением ног развернул его, палочки обрушились на барабан, оркестр грянул вслед их удару...

Я ничего подобного не слышала. Описать это невозможно. Можно было только понять, что не зря в Древней Греции умели музыкой сводить с ума.

Под эту музыку нельзя было ни танцевать, ни петь, временами она резала слух, временами казалась некрасивой, порой превращалась в какофонию. Я узнала основную мелодию Шопеновского полонеза. Но это был не только полонез. В кафе повеяло чем-то древним и страшным. Казалось, тени прошлого сейчас затанцуют в узеньких проходах между пластмассовыми столиками. А когда я скользнула взглядом по своему соседу, мне показалось, что пиджак на нем сидит необычно лихо, а опущенная к бедру рука сжимает рукоять сабли. Посмотрела на оркестр. Набор инструментов был обычен, но на столике за спиной саксофониста стояли два включенных магнитофона. Я что-то поняла, едва увидела их, но не было сил вырваться из-под власти музыки.

Только когда она смолкла, я смогла быстро обвести глазами зал. Конечно, Витя был здесь. Он сидел у буфета, в стороне, но я видела, как он встретился глазами с недавно ораторствовавшим джазистом. И барабанщик снова вскочил на ноги.

Теперь он уже не обвинял, а прощал, не обличал, а благословлял. Мы были не виноваты в том, что нас ограбили. Средние века разорвали священную нить музыкального искусства. Возрождение увидело скульптуры Фидия и вернуло к жизни изобразительное искусство. Литература нового времени обрела образец во вновь прочтенных Гомере и Эсхиле. И только музыка не смогла воскреснуть,

ибо звуки нельзя закрепить в камне или на пергаменте. Даже наши ноты достаточно условны, а древние знаки для записи музыки не передавали и сотой доли ее смысла, не говоря уже о том, как мало таких знаков удалось найти. И, наконец... Витольд Юрьевич, встаньте. Пусть наши слушатели посмотрят на человека, который попытался своим телом закрыть щель между двумя музыками.

Витя поднялся, согнув плечи, с вытянутым хмурым лицом. Это же должно быть его торжество, он победил. Чем же он недоволен? Может быть, тем, что я здесь с Петром...

А оратор продолжал:

— Когда Шопен впервые сыграл наедине с собой этот полонез, он убежал из комнаты. Потому что увидел длинный ряд призраков. Рубаки XVI века шли мимо него под руку со своими красавицами. Шопен умел делать на рояле вещи, для рояля невозможные в принципе. Мы под руководством Витольда Юрьевича заставили музыку Шопена звучать так, как звучала она для автора. Вы услышали?

Зал ахнул.

— Ага, значит, и увидели. Слушайте еще.

Музыка стала тревожной, потом испуганной, потом стало страшно нам. Я схватила за руку своего спутника и почувствовала, что он тоже дрожит.

Музыка несла к нам древний ужас человека, окруженного всеми опасностями мира. Я зажмурилась. И тут почувствовала на плече чью-то твердую руку. Взглянула. Витя!

— А толку что? — спросил он меня. — Всех пугаю, только самому не страшно. Как там Николай? Очень по нему скучаю. До свиданья.

В этот вечер нас еще пугали и еще радовали, но прежней полноты ощущения страха и радости уже не было. Я думала о нем. И когда еще через год я увидела в «Вечерней Москве» короткое сообщение, что состоялся семинар на тему: «Музыка и научное творчество», я знала, кто был на нем докладчиком. И статья «Скрипка для Эйнштейна», появившаяся в «Комсомольской правде» через два дня (сегодня утром), не была для меня неожиданностью.

«Скрипка! Задумывались ли вы, почему она продолжает существовать как солистка рядом с полнозвучным роялем и мощным органом? Почему из всех музыкантов в легенды чаще всего попадают скрипачи? Почему именно скрипачом был Паганини? Почему, наконец, или, вернее, зачем играл на скрипке Эйнштейн?

Скрипка не знает власти клавишей, педаль, педалей! Ее мелодия свободна. Чистый строй такой же родной для нее, как и темперированный, который единственно признает почти вся современная музыка, от оперы до джаза. Обо всем этом напомнил нашему корреспонденту доктор физико-математических наук В. Ю. Коржиков.

Мы знаем, продолжал он, несколько музык, построенных на разных ладах, в разной степени отклоняющихся от естественного строя. Но это — только ничтожная часть всех в принципе возможных музык!

Европейский музыкальный строй сложился недавно, под сильным влиянием создававшихся в XVII—XVIII веках новых клавишных инструментов. Музыка зависела от них, как архитектура зависит от материала.

Но кто поручится, что самые красивые и единственно красивые здания можно строить только из дерева?

Скрипка тем и сильна, что она властна не только сохранять размер квинт или укорачивать их, но может и удлинять. Скрипка существует одновременно как бы в разных музыкальных мирах. В этом, как выяснили недавние исследования, секрет игры Паганини. Музыка, темперированная по-новому, несколько иначе действует на людей. В частности, она, по-видимому, в большой степени интенсифицирует творческие процессы.

Дело в том еще, что новая музыка, как и старая, может служить средством моделирования. И когда Эймштейн играл на скрипке, в ритмах и мелодиях его импровизаций проявлялись свойства времени и пространства. Можно выражать эти свойства линиями графиков, можно — уравнениями, можно — и музыкой».

Мне он даже не похвастался! Но теперь позвонит. Не может не позвонить.

— Юля?

— Прости, Тамара, я жду важного звонка.

Он позвонил уже вечером. И у двери, а не по телефону.

Как похудел! И сутулится. Пиджак помят.

— Уйдем отсюда,— сказал он.— С Колей мне говорить не хочется. Пойдем.

— Когда ты ел?

— Это неважно.

— Что ты ел?

— Какое это имеет значение? Пойдем.

— Сначала я тебя накормлю. Пойдем в мою комнату. А Николая я предупрежу, что ты плохо себя чувствуешь.

Коля только поднял брови, услышав, как я извиняюсь перед ним от имени его лучшего друга. И снова уткнулся в книгу.

Витя пил чай.

— Как ты похудел,— вырвалось у меня.

— Если бы только это...

— А что же еще? — я спросила весело. Даже игривым немного тоном. Но чувствовала, что с трудом заставляю губы шевелиться.

Вот сейчас он скажет что-нибудь о несчастной любви... и — о любви не ко мне.

— Измучился я.

— Конечно, ты ведь столько сделал.

— Откуда?.. А, вон у тебя «Комсомолка».. Великое дело.— Он чуть приободрился.— Академик Щербатов меня прилюдно целовал. Доктора дали без защиты. Творческую отдачу, говорят, утронить можно.— Витя чуть приподнял уголки губ в подобии улыбки.— Радь. Завидую.

Но это было уже не то зазорное «завидую».

Я возмутилась. Заставила себя возмутиться, потому что из всех возможных чувств испытывала сейчас только жалость.

— Ты столько сделал — и новшья! Перетрудились! Так бери путевку в санаторий.

— Санаторий! Мне бы в лесную сторожку. Транзистор разобью. Репродуктор, если есть, выкину. Знала бы ты, как мне надоела музыка! — он запнулся, нахмурился, глотнул воздуха и спросил:

— Мы поженимся?

— Да.

— Хорошо... Прости, но вот уже два года я слушаю музыку. Утром и вечером, днем и ночью. Я объелся, сыт по горло. Я задохнулся под тяжестью мелодий. Помнишь миф о Мидасе? Он все превращал в золото. Даже хлеб. Даже воду. Со мной — то же. Только все превращается в музыку, а она для меня несъедобна. Завидую! Завидую. Как никогда и ничему. Я всех уговаривал, что их обобрали. А обобран-то я. Чистая музыка, искаженная музыка, исправленная музыка,— а мне все равно.

— Но ты ведь столько сделал!

— А! То, что возможно много музык, видели до меня сотни людей. Яблоня уже сама роняла зрелые яблоки. Другое дело, что со времени Пифагора никому в голову не приходило заняться изучением полезности музыки. Первый же математик должен был снять урожай. Смотрели на иероглифы, радовались их красоте, читать не умели. И даже не подозревали, что иероглифы можно читать. Идиоты. Идиоты с музыкальным слухом. Миллионеры-скупердяи.

— Ты стал сварлив.

— А! Пустяки. Просто у меня даже от слова «музыка» судороги начинаются.

— Ну, и хватит, милый,— я взяла его за руку,— хватит с тебя музыки. Я никогда не потребую...

— Ты? А я?

Нет, у него испортился характер. И раньше он мог перебить меня, но не так резко.

— Отвернулась? Обиделась? Мне надо обижаться. Вспомни, как ты переживала за музыку, когда я сказал, что могу ее уничтожить. И за себя ведь переживала, да?

Я кинула.

— Ну, вот, а за меня не боишься. Я без музыки. Я ее не люблю. Тебе это все равно? Вот когда я по-настоящему завидую, Юлька.

Телефонный звонок в коридоре. Потом в дверь просунулось смущенное лицо Николая.

— Разыскали тебя, Витька. Не хотел звать, сказали: «Сверхважно».

Я вышла за ним в коридор. Слишком недавно Витя вернулся, чтобы оставлять его без присмотра.

— Да. Слушаю. Да. Не может быть!!! — Витя кричал так, что я скалась, притиснулась к стене.

— Резонанс, вы думаете? Но ведь сами структуры слишком различны... Статистика дает какие-нибудь результаты?.. Конечно, приеду. Но... завтра.

Трубка упала на рычаг. Он повернул ко мне преображенное восторгом лицо:

— Скалкин считает, что в случае с полонезом Шопена проявляется какой-то эффект, связанный с переносом энергии во времени. Он сейчас терзает на этот предмет «Синий джаз». Я ж говорю — прикосновение Мидаса. Но здорово закрутил старик Скалкин! Это главное.

— Ладно. Главное, что ты здесь.

Он засмеялся. Почти так, как два года назад. Быстро меняется у него настроение. Трудно с ним будет.

Николай снова вышел в переднюю — на Витин смех.

— Значит, родственниками будем, Витя?

— Кажется, да.

— Только кажется? Тут знаешь какая слышимость? Я все про тебя знаю. Мне в семье музыкально глухие не нужны.

— Шутить? — зло спросил Витольд.

— Что ты! Как бы я посмел. Вон Юлька тебе сказала то же, что я, так ты науку и искусство вверх дном перевернул. И на меня с кулаками готов наброситься. А между тем у меня есть для вас подарок.

Николай достал из кармана блокнот:

— Здесь копия программы, по которой обучает детишек профессор Микульский. Насколько я знаю, за пятнадцать лет ему почему-то ни одного музыкально глухого не встретилось. Так что, сестричка, дело только за тобой.

— Но ведь Микульский начинает работать с пятилетними...

— А сколько лет ты дашь этому доктору наук? В музыке-то он, во всяком случае, разбирается не больше пятилетнего.

— Коль! Ты и вправду считаешь, что я смогу?

— Зря я, что ли, хожу к этому Микульскому? Сможешь. Начнешь с одного музыкального строя, с обычного, а там, глядишь, и другие поймешь, открыватель. Только поработать придется. И тебе и Юльке. Пошли в комнату. Ну-ка, сестричка, к пианино. Открой блокнот. С чего там начинается, видишь? Действуй. А мы с Витенькой послушаем, поучимся.

Я опустила пальцы на клавиши. И они запели.

— Чижик-пыжик, где ты был?

СЮЖЕТ ДЛЯ РОМАНА

Я был по-настоящему счастлив. Тот, кто пережил длительную тяжелую болезнь и наконец почувствовал себя вновь здоровым, наверное, поймет мое состояние. Меня радовало все: и то, что мне не дали инвалидности, а предоставили на работе длительный отпуск для окончания диссертации, которую я начал писать задолго до болезни, и то, что впереди отдых в санатории, избавляющий от необходимости думать сейчас над этой диссертацией, и комфорт двухместного купе, и то, что моим попутчиком оказался симпатичный паренек, а не какая-нибудь капризная бабенка. Кроме того, меня провожала очаровательная женщина, которую я горячо и искренне любил.

Мне льстило, что она, такая красивая, не обращая внимания на восхищенные взгляды пассажиров, держит меня за руку, как девочка, боящаяся потерять в толпе отца. Впрочем, ее легко было понять. Сначала эти долгие месяцы болезни, а теперь, когда все уже позади,— разлука.

— А вы далеко едете? — обратилась она к моему попутчику.

— До Кисловодска.

— Вот как? Значит вместе до самого конца.— Она пустила в ход свою улыбку, перед которой не мог устоять ни один мужчина.— Тогда у меня к вам просьба: присмотрите за моим... мужем.— Она впервые за все время, что мы были близки, употребила это слово,

и меня поразило, как просто и естественно у нее оно прозвучало.— Он еще не вполне оправился от болезни,— добавила она.

— Не беспокойтесь! — Он тоже улыбнулся.— Я ведь почти врач.

— Что значит «почти»?

— Значит, не Гиппократ и не Авиценна.

— Студент?

— Пожалуй, это верно. Вечный студент с дипломом врача.

Он вышел в коридор и деликатно прикрыл за собой дверь, чтобы не мешать нам.

— Вероятно, какой-нибудь аспирант,— шепнула она.

Я люблю уезжать днем. Люблю постепенно входить в ритм движения, присматриваться к попутчикам, раскладывать, не торопясь, вещи, обживать купе.

Все было так, как я люблю, к тому же, повторяю, я был вполне счастлив. Но почему-то мною владело странное беспокойство, вызывавшее чрезмерную возбужденность. Я это чувствовал, но ничего не мог с собой поделать. Я то вскакивал и выходил в коридор, то, возвращаясь в купе, начинал без толку перебирать вещи в чемодане, то брался читать, но через минуту отбрасывал журнал, чтобы опять выйти в коридор. При этом я испытывал непреодолимую потребность говорить, говорить о чем угодно, но только обязательно говорить.

Не знаю почему, но в дороге многие люди готовы открыть свои сокровенные тайны первому встречному. Может быть, это атавистическое чувство, сохранившееся еще с тех времен, когда любое путешествие таило опасности, и каждый попутчик был другом и соратником, а может, просто дело в том, что у всякого человека существует потребность излить перед кем-то душу, и случайный знакомый, с которым ты наверняка никогда не встретишься, больше всего для этого подходит.

Вот тут-то, за обедом, я начал без удержу болтать. Уже мы давно пообедали, официант демонстративно сменил скатерть на столике, а я все говорил и говорил.

Мой компаньон оказался идеальным слушателем. Вся его по-мальчишески угловатая фигура, зеленоватые глаза с выгоревшими ресницами и даже руки, удивительно выразительные руки с тонкими длинными пальцами, олицетворяли напряженное внимание. Он не задавал никаких вопросов, просто сидел и слушал.

В общем я рассказал ему все, что было результатом долгих раздумий в бессонные ночи. О том, что в тридцать пять лет я почувствовал отвращение к своей профессии и понял, что мое истинное призвание — быть писателем, рассказал о пробах писать и о постигших неудачах, о новых замыслах и о том, что этот отдых в санатории

должен многое решить. Либо я напишу задуманную повесть, либо навсегда оставляю всякие попытки сделать это. Я даже рассказал ему сюжет повести. Непонятно, отчего меня вдруг так прорвало. Ведь все это было моей тайной, которую я не поверял даже любимой женщине. Слишком много сомнений одолевало, чтобы посвящать ее в свои планы. Впрочем, сомнение было всего одно: я не знал, есть ли у меня талант, и стыдился быть в ее глазах неудачником. Разочарование, если оно меня постигнет, я должен был пережить один. Кстати, и об этом я ему тоже рассказал.

Наконец я выговорился, и мы вернулись в купе. Тут у меня наступила реакция. Мне стало стыдно своей болтливости, обидно, что совершенно постороннему человеку доверил мысли, совсем еще не оформившиеся, и предстал перед ним в роли фанфарона и глупца.

Он заметил мое состояние и спросил:

— Вы жалеете, что рассказали?

— Конечно! — горько ответил я. — Разболтался, как мальчишка! Не помню, кто сказал, что писателем может быть каждый, если ему не мешает недостаток слов или, наоборот, их обилие. Боюсь, что многословие — мой основной порок. Сюжеты у меня ерундовые, на короткий рассказ, а стоит сесть писать, как я настолько запутываюсь в несущественных деталях, что все превращается в тягучую жвачку из слов. Вот и сейчас...

Он вынул из кармана какую-то коробочку.

— Я обещал вашей жене... Словом, примите таблетку. Как раз то, что вам сейчас нужно.

Этого только не хватало!

Видимо, гримаса, которую я скорчил, была достаточно выразительной.

— Вы правы, — сказал он, пряча обратно коробочку. — Вся эта фармакопея — палка о двух концах. Особенно транквилизаторы, хотя я сам к ним иногда прибегаю. В этом отношении народные средства куда как надежней. Проверено веками. Вот мы сейчас их и испробуем! — Он открыл свой чемоданчик и достал бутылку коньяка. — Армянский высшего кондиции! Погодите, я возьму у проводницы стаканы.

Меньше всего он походил на врача, какими я привык их видеть, особенно, когда с торжествующим видом вернулся, неся два стакана.

— Вот? — Он плеснул мне совсем немного, а свой стакан наполнил примерно на треть. — Согрейте предварительно в ладонях. Специалисты это называют «оживить напиток». Теперь пробуйте!

Я хлебнул, и приятное тепло прошло по пищеводу к желудку. Давненько же мне не приходилось пробовать коньяк!

— Странно! — сказал я. — Если бы вы знали, сколько пришлось выслушать наставлений по этому поводу. «Ни капли алкоголя» — все в один голос, а когда выписывали из больницы!..

— Э, пустяки! — Он небрежно махнул рукой. — В медицине множество формальных табу. Алкоголизм — социальное зло. Злоупотребление алкоголем дает тяжелые последствия, для некоторых — это повод объявить его вообще вне закона. А ведь в иных случаях он незаменим. Вот вы глотнули, и все прошло. Правда?

У него был такой серьезный вид, что я невольно рассмеялся.

— Правда! Но что будет потом?

— А я вам больше не дам, так что ничего потом и не будет.

Он с видимым удовольствием отхлебнул большой глоток.

— Опять же, для кого как, — продолжал он, разглядывая напиток на свет. — Вот один от кофе не спит, а другому он помогает заснуть. Человеческий мозг — хитрая штука. Вечное противоборство возбуждения и торможения. Кора и подкорка. В каждом отдельном случае нужно знать, на что и как воздействовать. Вот в вашем состоянии алкоголь успокаивает. Что, не так?

— Так. Но откуда вы это знали наперед?

— Ну, иначе я был бы плохим психиатром.

— Ах, так вы психиатр?

— Почти.

С непривычки у меня немного закружилась голова. Вагон приятно покачивало, и от всего этого я чувствовал удивительную успокоенность.

— Что значит «почти»? — лениво спросил я. — Давеча вы сказали, что почти врач, сейчас — почти психиатр. А если точнее?

— Точнее — психофизиолог.

— Что это такое?

— Как вам объяснить? Вот если бы вы прочли мою диссертацию...

Мне стало смешно.

— Мы, признаться, приняли вас за молоденького аспиранта, а вы, оказывается, уже кандидат.

— Доктор медицинских наук, — поправил он. — Впрочем, это к делу не относится. Вы хотели знать, что такое психофизиология?

— Да.

— В двух словах рассказать очень трудно, а вдаваться в подробности вряд ли есть смысл. Постараюсь ограничиться примитивным примером. Вот вы сейчас глотнули коньяку, и ваше психическое состояние как-то изменилось. Верно?

— Верно.

— Это — искусственно вызванное изменение. Однако в человеческом организме имеются внутренние факторы, воздействующие на психику, например, гормоны. Гормональной деятельностью управляет вегетативная нервная система. Существует множество прямых и обратных связей между мозгом и всем организмом. Это — некое целое, которое следует рассматривать только в совокупности. Словом, психофизиология, вернее, тот ее раздел, которым я занимаюсь, — наука, изучающая влияние состояния организма на психику и психики на организм.

— Вот, к примеру, желчный характер, — сказал я, — это, видимо, не случайное выражение? Вероятно, когда разливается желчь...

— Конечно! Хотя все обстоит гораздо сложнее. Иногда бывает трудно отделить причину от следствия. То, что принято считать следствием, часто оказывается причиной, и наоборот. Тут еще непочатый край работы, и работы очень интересной.

Он опять отпил глоток и задумался.

Я глядел в окно. Чувствовалось, что мы едем на юг. Вместо подлесков с кое-где сохранившимся снегом пошли зеленеющие поля. И земля, и небо, и солнце были уже какими-то другими. Меня снова начали мучить сомнения. Сумею ли я доказать себе самому, что не лишен литературного дарования? Сейчас сюжет повести, который я рассказал постороннему человеку, казался мне мелким и не заслуживающим внимания.

— А ведь я бы мог вам помочь, — неожиданно сказал мой путчик. — У меня есть занятный сюжет для романа. События, которые можно положить в основу, произошли на самом деле. Это — не выдумка, хотя многое выглядит фантастично. Хотите, расскажу?

— Конечно! — ответил я. — С удовольствием послушаю, хотя, по правде сказать, не уверен, что смогу даже из самого лучшего сюжета...

— Это уже ваше дело, — перебил он. — Я только должен предупредить, что есть такое понятие, как врачебная этика. Поэтому кое о чем я должен умолчать. В частности, никаких имен. Вам придется их придумывать самому, а в остальном... Впрочем, слушайте.

Вся эта история начинается в клинике известного ученого. Будем его называть просто профессором. Вам придется дать ему какую-то характеристику. Только, пожалуйста, не делайте из него ни сусального героя, ни маньяка из фантастического романа. Это — очень сложный и противоречивый характер. Великолепный хирург. Ученый с широким кругозором. Вместе с тем человек болезненно честолюбивый и упрямый, к тому же знающий себе цену. Внимательный и отзывчивый по отношению к больным, но часто неоправданно

грубый с подчиненными. Если хотите, можете по своему усмотрению наделить его еще какими-то качествами, это уже несущественно.

Можете также написать, что его работы по преодолению барьера биологической несовместимости тканей вывели клинику, которой он руководит, на новый и очень перспективный путь.

Дальше вам придется представить себе отделение трансплантации органов в этой клинике. От вас не требуется знания техники дела, но нужно почувствовать особую атмосферу, царящую там. Постоянное напряженное ожидание. Большой коллектив врачей самых разнообразных специальностей, находящихся всегда в состоянии полной готовности. Никто не знает, когда это может случиться. Может, через час, а может, через месяц. Не думайте только, что все они обречены на безделье. Параллельно идет большая работа в лаборатории. Проводится множество опытов на животных. Каждый опыт рождает новые планы, надежды и, конечно, разочарования.

Профессор напролом идет к поставленной цели — трансплантации мозга. Уже проделаны десятки опытов на крысах и собаках. Однако все делается не так быстро, как может показаться. Проходят годы. Наконец, решающий эксперимент. Мартышка с пересаженным мозгом живет и здравствует. Возникает вопрос, что же дальше? Наука не может останавливаться на полпути. Будет ли такая операция проделана на человеке? Вы, наверное, знаете настороженное отношение к трансплантации вообще, а тут ведь речь идет об эксперименте, связанном с новыми моральными и этическими проблемами. Профессор атакует одну инстанцию за другой, но никто не говорит ни «да», ни «нет». Все стараются под благовидными предложениями уйти от решения этого вопроса. Словом, нет ни формального запрещения, ни официального разрешения.

Между тем время идет, клиника успешно производит пересадки почек, сердца и легких, продолжается работа и в лаборатории над главной темой, но дальше все неясно.

Это, так сказать, прелюдия.

И вот однажды «Скорая помощь» почти одновременно доставляет двух человек. Оба в бессознательном состоянии подобраны на улице. Первый — без всяких документов. Неизвестны ни возраст, ни фамилия, ни адрес, ни профессия. Диагноз: обширный инфаркт легких. Положение практически безнадежное. Второй — преподаватель вуза, тридцати трех лет, холост — жертва несчастного случая. Открытая травма черепа с ранением мозга и глубоким кровоизлиянием. Тоже не жилец. Поражены участки, ответственные за жизненно важные функции. Оба лежат на реанимационных столах, два живых трупа, в которых поддерживается некое подобие жизни за

счет искусственного кровообращения и дыхания. Однако если второй — безусловный кандидат в морг, то первого можно попытаться спасти. Пересадка легких от второго. Такое решение принимает профессор.

Все готово к операции, но начать ее нельзя. Вы не представляете, какими ограничениями связан в этих случаях врач.

Во-первых, на такую операцию нужно согласие больного либо его родственников и уж, во всяком случае, согласие родственников донора.

Во-вторых, пересаживаемые органы можно взять только у мертвого, и пока в теле донора теплится хоть какое-то подобие жизни, врач обязан принимать все меры к ее поддержанию. За это время другой может умереть.

В-третьих... Впрочем, что там «в-третьих»! Можно без конца перечислять всяческие проблемы, с которыми сталкивается в это время хирург, но самая гнусная из них — это напряженное ожидание смерти больного. Остановка сердца, климическая смерть, высокочастотные разряды в область миокарда, снова чуть заметные пульсации, опять остановка, на этот раз разряды не помогают. Остается последнее средство: вскрытие грудной клетки и массаж сердца. Эта последняя мера дает результаты, хотя совершенно ясно, что ненадолго. Однако тут выясняется одна подробность, которая все сводит на нет. Туберкулезные каверны в легких.

Есть много людей, больных туберкулезом и не подозревающих об этом. Их организм выработал какие-то средства поддержания болезни в равновесии, так что она не прогрессирует. Но ни один врач не решится пересадить пораженный туберкулезом орган другому человеку.

В общем, можно было снимать перчатки и отправлять в морг два трупа.

Я не зря обратил ваше внимание на особенности характера этого... профессора. Без них не понять того, что произошло дальше.

Мгновенно было принято другое решение: пересадка мозга тому, второму. При этом, заметьте, без соблюдения всяких формальностей. Добиваться разрешения уже было некогда. По правде сказать, даже нет уверенности, что тут были соблюдены те нормы, о которых я уже упоминал.

— На что же он рассчитывал? — спросил я.

— Трудно сказать. Прежде всего, конечно, на успех. Люди такого склада, когда их обуревают какая-то идея, просто не желают считаться с возможностью неудачи. В таком деле всегда кто-то должен быть первым и взять весь риск на себя. Кроме того, он, видимо, справедливо полагал, что лучше один труп, чем два. А вообще

он, думается мне, действовал скорее импульсивно, чем рассудочно. Уж больно мало времени оставалось для всяких рассуждений.

Вы можете воздержаться от описания самой операции. Дело это до крайности тонкое, растягивается на несколько этапов и для непосвященного читателя вряд ли может представлять интерес. Да и вы, наверняка, наврали бы с три короба. Для писателя гораздо важнее психологические коллизии, а их тут хоть отбавляй!

Итак, операция сделана. На следующее утро жена донора разыскала следы через справочную «Скорой помощи» и опознала его в морге. Ей сказали, что он умер от инфаркта легких, что соответствовало действительности. Естественно, что в остальные подробности ее не посвятили. Это было бы для нее слишком сильным ударом. Он оказался журналистом, двадцати пяти лет отроду. Прожили они вместе всего год и очень любили друг друга. Поверьте, что самое трудное в нелегкой профессии врача — разговаривать с близкими умершего пациента. Даже если сделал все, что в силах, — все равно такое чувство, что в чем-то виноват. Поэтому простим профессору, что он не стал с ней говорить сам, а послал своего ассистента. Даже самые смелые люди иногда проявляют малодушие. Кроме того, не нужно забывать, что оставался еще тот, второй, за которого профессор нес ответственность не только перед обществом, но и перед своей совестью. Тут поводов для беспокойства было более, чем достаточно.

Что, собственно говоря, было известно из предыдущих опытов? Что у животных с пересаженным мозгом сравнительно быстро восстанавливаются двигательные функции, чувство равновесия, что условные рефлексы, выработавшиеся у донора, в большинстве своем, исчезают после пересадки, но восстанавливаются быстрее, чем вырабатываются у экземпляров контрольной группы, что особи с пересаженным мозгом вполне жизнеспособны. Вот, пожалуй, и все. Вряд ли этого достаточно, чтобы прогнозировать поведение человека после такой операции. Тут есть очень много факторов, которые на животных не проверишь. Что остается в памяти, а что полностью стирается? Что надолго, а может быть, навсегда, вытесняется в подсознание? Наконец, речь. Ведь она тоже — результат обучения. Характер. Я уже говорил, что деятельность мозга невозможно рассматривать в отрыве от организма в целом. Неисчислимо количество путей взаимодействия, большинство которых остается еще загадкой. Словом, человека с пересаженным мозгом нельзя считать неким симбиозом чьей-то индивидуальности с другим телом. Это — совершенно новый индивид. Как видите, сомнений больше, чем уверенности.

Однако операция сделана. В постели — человек. Он дышит,

реагирует на свет, глотает жидкую пищу, у него работает кишечник, почки и... ничего больше. Идут недели, месяцы, его учат ходить. Он даже выучивает несколько слов. Что же дальше? Дальше — одна надежда, что поможет время. Время идет. Он делает кое-какие успехи. С трудом, но разговаривает. Учится читать. Прошрое свое не помнит. Проходит год. Он свободно разговаривает, читает, пишет. У него появляется интерес к окружающей обстановке. Восстанавливается все, кроме памяти о прошлом. Все попытки ее пробудить остаются безрезультатными. Ему объясняют, что он перенес тяжелую травму мозга, вызвавшую полную амнезию. Он это понимает. Проходит еще какое-то время, и больничная обстановка начинает его тяготить.

Возникает вопрос: что с ним делать? По документам он — преподаватель вуза, но, сами понимаете, что ни о какой профессиональной пригодности в этой области не может быть и речи. От журналиста в нем тоже ничего не осталось. Учиться заново? Об этом еще рано говорить. Переводить на инвалидность, значит, внушить ему, что он неполноценен, и оборвать уникальный эксперимент в самой решающей фазе. Нужно дать ему возможность встречаться с людьми, ходить в театр, кино, держа его все время под наблюдением специалистов.

Я забыл упомянуть, что у этого преподавателя была возлюбленная. После произошедшего с ним несчастного случая она все время требовала, чтобы ей разрешили его навещать. Обращалась даже в горздрав, но профессор категорически запретил всякие посещения. В то время, кроме вреда, это ничего бы не принесло. Однако теперь ситуация была иной. Ей разрешили свидание. Он ее, конечно, узнать не мог, но появление свежего человека очень его обрадовало. Кроме того, она ему определенно понравилась. Это была красивая и обаятельная женщина.

Ей разрешили приходить каждый день. Они подолгу разговаривали. Она рассказала ему о его прошлой жизни, и бедняге даже казалось, что он начал кое-что вспоминать.

В конце концов она попросила разрешения взять его к себе. Профессор согласился на это.

Все складывалось неплохо. У нее не было никаких сомнений относительно того, что она берет к себе близкого человека, попавшего в беду. Материальных затруднений не предвиделось, у этого преподавателя были сбережения, а клиника имела возможность держать его на больничном листе неопределенно долгое время. Перемена же обстановки была ему просто необходима. Что же касается морального аспекта всей этой истории, то, как говорится, снявши голову, по волосам не плачут. Тем более, что оба они были

несомненно счастливы. Оставалось только ждать, что будет дальше.

К сожалению, дальше все шло не очень ладно. То ли у него действительно начала пробуждаться память, то ли что-то из прошлой жизни журналиста было попросту вытеснено в подсознание, но так или иначе, он стал уходить из дому и часами простаивал на лестнице возле квартиры, где этот журналист раньше жил. Его возлюбленная, естественно, встревожилась. Она даже обращалась за советом к профессору, но что он ей мог сказать?

Наконец, случилось то, что должно было случиться. Он встретил «свою» жену.

Я уже говорил, что они очень любили друг друга. Любовь! Сколько томов о ней написано, и все же, как мало она изучена! О, черт! — Он прервал свой рассказ и потянулся к бутылке. — Не будем ханжами! Право, вам еще один глоток не повредит. Ведь вы, так сказать, под наблюдением врача.

— Откуда вам известна вся эта история? — спросил я.

— Я... — он запнулся. — Меня несколько раз приглашали на консультацию к этому больному. Так что, продолжать?

— Пожалуйста!

— Значит, так. Они встретились. На него это произвело ошеломляющее впечатление. Видимо, ее образ все же где-то хранился в глубинах памяти. Он-то считал это любовью с первого взгляда.

— А она?

— Что ж она? Для нее это был посторонний человек, видимо, не в ее вкусе, к тому же еще не изгладились воспоминания о погибшем муже, так что она на него просто не обратила никакого внимания. Он начал ее преследовать. Поджидал у проходной, дома, заговаривал в метро, а если мужчина очень настойчив, то рано или поздно... Словом, все шло по извечным и непреложным законам. Не судите ее строго. Совсем еще молодая женщина, остро переживающая одиночество. Кроме того, ей казалось, что в этом назойливом поклоннике есть что-то, напоминающее человека, которого она любила. Конечно, не внешность. Просто нечто в характере, манере говорить, в десятках мелочей, из которых и складываются индивидуальные черты.

— Но ведь была еще та, которая взяла его из клиники, он что, ушел от нее? — спросил я.

— В том-то и дело, что нет. Он ее тоже любил. Здесь в описании их отношений от вас потребуется большой такт. Нужно понять его психологию. Это не вульгарный любовный треугольник. Это... Трудно объяснить... Точно так же, как в нем было два человека, так и они обе... Нет, не то! Скорее — одна женщина в двух ипостасях, духовной и телесной. Вот именно! Обе они слились для него в еди-

ный образ, расчленил который было уже невозможно. Может быть, специалист уловил бы тут начало психического заболевания, но разве все другие литературные герои, строго говоря, психически здоровы? Рогожин, Мышкин, Настасья Филипповна, Раскольников, Карамазовы... Уфф!

Он вытащил свою коробочку и отправил в рот таблетку. Вид у него был скаерный, глаза блуждали, лоб покрылся потом. Кажется, мне с ним предстояло поменяться ролями. Не хватало только, чтобы теперь я его успокаивал.

— Скажите,— спросил я,— этот второй, преподаватель, он что преподавал?

— Какое это имеет значение?! Пусть хоть физиологию. Я ведь вам излагаю сюжет, а не...

— Продолжайте!— нетерпеливо перебил я.

— Хорошо! Значит, эти две женщины. Ни та, ни другая с таким положением мириться не желала. Разыгрывался последний акт трагедии, в которой главные участники не знали своей истинной роли. Я не зря упомянул о начале психического заболевания. У мозга есть защитные реакции. Когда ситуация становится невыносимой, человек нередко уходит в вымышленный мир, реальность подменяется бредом. У специалистов это носит специальное название, но вы можете пользоваться термином «умопомешательство». Особый вид его, когда человек представляется себе кем-то другим. Итак, в финале вашего романа не исключена психиатрическая лечебница.

— Невеселый финал,— сказал я.— Признаться, я ожидал другого конца, а не пожизненного заключения в сумасшедшем доме.

— Почему пожизненного?— возразил он.— У медицины есть достаточный арсенал средств лечения таких болезней. Вылечить всегда можно, нужно только устранить причину, а это — самое трудное. Можно, конечно, на время убрать больного из конфликтной обстановки, но, сами понимаете, что в данном случае это всего лишь временная мера. Есть более радикальный метод — рассказать больному правду, чтобы он знал причину заболевания, как бы посмотрел на себя со стороны. Может быть, даже сам поведал потом об этом кому-нибудь... Однако тут накурено!.. Извините... больше не могу. Пойду в коридор.

Я подождал, пока за ним закроется дверь, налил полстакана коньяку и залпом выпил, потому что...

И как я мог не вспомнить раньше, что эту мальчишескую фигуру, облаченную в белый халат, эти внимательные зеленоватые глаза с выгоревшими ресницами я видел над своим изголовьем в клинике. Когда меня учили говорить. И потом, сказав пельцу бреда...

Теперь становилось ясным многое. И то, что начатая до болезни диссертация казалась мне китайской грамотой, и обуревавшее меня в последнее время стремление писать.

Впрочем, теперь все это уже отходило на второй план. Важно было, что провожавшая меня женщина по праву назвала меня своим мужем.

Все остальное не имело значения, даже три месяца, которые предстояло провести в туберкулезном санатории.

ТОЛЬКО ЛИ УЛЫБКА?

СОВПАДЕНИЕ

В сумерках темная масса космического корабля бесшумно опустилась на опушку леса. Ни прохожих, ни грибников, ни пастуха, никого не оказалось вблизи, кто мог бы заметить это. Так и было нужно. Так и было задумано. Три фигуры, отделившись от корабля, наблюдали, как его огромное тело начало плавно уходить под землю. Оно вползало в нее, как будто какая-то сила неодолимо затягивала его вглубь.

Когда корабль скрылся весь, кустарник и трава снова сомкнулись над этим местом, и ни одна былинка, ни один примятый листок, ничто не напоминало о том, что произошло здесь.

Операция «Вторжение» началась.

Трое выбрались на дорогу. Они шли в сторону города. Их походка была естественна, движения и жесты почти человеческие. И, если не вглядываться в их лица долго и пристально, невозможно было бы догадаться, кто они и с какой целью прибыли сюда. Прибыли из мира, который не был обозначен даже ни на одной из звездных карт Земли.

Они были опытные разведчики, эти трое, и планета эта была далеко не первой на их пути. Только три рода сведений интересовали их: пляски земных существ, их представления о добре и зле, и нечто, что они обозначили словом, для которого не было эквивалента ни в одном из земных языков. И что нельзя было поэтому

ни выразить, ни перевести. Все остальное не имело значения. Национальный престиж, военный потенциал, идеология и политика были столь же безразличны им, как и урожай укропа или правила игры в гольф.

Но не праздное любопытство владело ими. Задача их была: узнать для пославших их, как очистить эту планету от скверны, от того жалкого биологического вида, который прозябал на ней сейчас. Чтобы освободить этот мир для иных, более совершенных носителей бытия.

Все трое шли в ногу, руки их двигались в такт, и даже лица у них, казалось, были одинаковы. Они молчали.

Выйдя на улицы города, они разошлись, как и шли, молча, каждый своим путем.

Какое-то время спустя то одного из них, то другого можно было заметить в самых неожиданных местах, городах и странах. Они появлялись, чтобы пропасть и внезапно ненадолго возникнуть снова там, где, казалось, меньше всего можно было ожидать этого. Пока один представлял собой на конгрессе нудистов, другой потрошил трупы в анатомическом музее, третий участвовал в спевках или копался в рукописях какого-нибудь забытого музея, чтобы, найдя, наконец, какую-то потерянную и одному ему ведомую строку, радостно хмыкнуть и сделать пометку в блокноте, который постоянно носил с собой.

Они интервьюировали великих ученых. Они просматривали секретные досье. Но больше всего их интересовало то третье, чему не было ни выражения, ни слова в земных языках. И они долгими часами беседовали с умирающими, с приговоренными к смерти и с душевнобольными. Они искали ответ, и они, кажется, находили его.

Так рыскали они по странам и континентам, то появляясь, то исчезая снова, не ведая жалости к этому миру, который был обречен. Был обречен уже в тот миг и час, когда ступили они на эту землю.

Между тем близилось время, когда, узнав то, что надлежало узнать, они должны были покинуть эту планету, оставив ее обитателей играть в свои наивные игры, пока не наступит тот неотвратимый день и неизбежный миг, который должен быть последним. То, что осталось им еще узнать, были лишь детали, нюансы и последние штрихи, чтобы осуществить решение, которое уже созрело и было принято. И хотя они не вели между собой переписки, не звонили по телефону и не посылали телеграмм, каждый из троих знал, что делает другой, и знал, что близится срок, когда всем им пора будет возвращаться.

В какой-то из таких последних дней один из них был в библиотеке, где просматривал книги по научной фантастике. Здесь, среди прочих, попался ему рассказ А. Горбовского. Рассказ назывался «Совпадение».

По мере того как он читал, растерянность его возрастала, переходя в тревогу, отчаяние и ужас. Потому что речь в рассказе шла об их экспедиции и об их корабле! Когда же он дочитал до места, где описывалось, как, сидя в библиотеке, он наткнулся на этот рассказ, как растерянность его возрастала, переходя в тревогу, отчаяние и ужас, когда дочитал до этого места, он понял, что это конец. Конец не только их экспедиции, но, может, и мира, который послал их сюда.

Ибо они не высадились еще и даже не приблизились к этой планете, а сообщение об этом, в форме рассказа, уже существовало. Нигде-нигде, ни в одном из других миров не встречались они с такой способностью предвидеть будущее.

Перед лицом этого могущества им оставалось одно — бежать.

В бессильной ярости он зашипел на раскрытую книгу и, пофыркивая от ужаса, бросился к выходу.

С сатанинским топотом пронесся он по улице, роняя на асфальт ключья серного дыма и пламени, пока не исчез среди проходных дворов и заборов.

Книга, которую читал он, так и осталась лежать на столе.

«В бессильной ярости,— гласил текст,— он зашипел на раскрытую книгу и, пофыркивая от ужаса, бросился к выходу».

С сатанинским топотом пронесся он по улице, роняя на асфальт ключья серного дыма и пламени, пока не исчез среди проходных дворов и заборов.

Гонимые ужасом, они, как смерч, неслись над самой землей. Руки их плотно были прижаты к бокам. И лица у всех были, как у упырей.

Все трое достигли места, где ждал их корабль, почти одновременно. Его темная громада уже выползала им навстречу. Потом она проглотила их и, дернувшись, бесшумно рванулась вверх и ушла в небо.

Так завершилась попытка вторжения с одного из миров, который не был обозначен даже ни на одной из звездных карт Земли.

Так завершилась попытка вторжения с одного из миров, который не был обозначен даже ни на одной из звездных карт Земли.

Д. БИЛЕНКИН

ПОЕЗДКА В ЗАПОВЕДНИК

Город долго держал их в переплетении улиц, кружил по виадукам, ярусам, мостам, тоннелям, пока, наконец, не выпустил на открытое шоссе. Низко над шоссе стлалось губчатое, как поролон, желто-коричневое небо. Ржавой была земля с редкими пучками жухлой травы, угрюмо сменяли друг друга глухие фасады зданий, и всюду высились мачтовые опоры, откуда то и дело выбегали механические пауки, чтобы вплести еще одну прядь в густую паутину тросов, кабелей и подвесок.

Лив вертела головой, следя за действиями пауков, но мало-помалу внимание ее привлекло небо, где обозначилась лимонно-желтая проталина, которая разгоралась и вдруг брызнула ярким пучком света.

— Ай! — вскрикнула Лив.

— Очки, где очки? — засуетилась мама, шаря по карманам сиденья.

— Вот же они, — сказал папа. — Ничего страшного, просто не надо туда смотреть.

Все трое надели очки. Мир стал темнее, однако в нем появились контраст и объем, потому что солнце, хотя и слабо, просвечивало сквозь пелену. Место, где оно находилось, сияло, как выигрышный жетон.

— А оно вправду золотое? — тоненьким голоском спросила Лив.

— Нет, это просто очень сильная лампа,— ответил папа.

Дорога взмыла на пригорок, и Лив, обернувшись, увидела полужатянутый дымкой город. Он возвышался точно горный хребет. Зубчатые вершины терялись где-то там, за коричневой мглой; плоскость металлических скал прорезали ущелья, в чьей глубине мерцали тусклые огоньки; склоны сбегали уступами, и эту мощную цепь нельзя было охватить с одного взгляда, так как отроги ее были и справа, и слева, они уходили, растворяясь, куда-то за горизонт, в бесконечность. Все вокруг — строения, мачты, потоки машин, сама Лив казались маленькими перед дымными хребтами металла, стекла и бетонопласта.

— Вот,— сказал папа, накрывая ладонью руку девочки.— Смотри, это овегществленный труд наших отцов, дедов, прадедов, это все мы создали,— да, да, все эти горы, скалы, ущелья и пики, в каждой их клеточке частичка нашей жизни, и ты, когда подрастешь, прибавишь к ним свою...

— Ты удивительно понятно умеешь обращаться к ребенку,— недовольно заметила мама.

Разговор оборвался. Навстречу неслись рекламы. По обочине, не отставая, бежал тигр с гномиком в зубах. Над страдальческим лицом гномика витала надпись: «Страдает от болезни тот, кто диенол не пьет». Поперек полотна зажглась надпись: «Научный факт: уныние сокращает жизнь». Слова свернулись в огненный клубочек, он пропорхнул на капот, и за ветровым стеклом возникла очаровательная девчушка с бутылкой диенола в одной руке и лассо в другой. Смеясь, она отхлебнула диенол, швырнула лассо, тигр покатился и выпустил гномика. Замигала надпись: «Диенол — это информация и оптимизм на благо общества».

Лив сидела, не шелохнувшись.

Из-за горизонта выдвинулась горная цепь зданий, гочь-в-точь такая, как прежде, но то был уже другой город. Дорога пошла в обход, потом нырнула в тоннель, который вывел ее на дно залива. Вода была мутная, как зимний рассвет, и Лив заскучала, Папа и мама молчали, ритмично покачиваясь в креслах. Лив задремала.

Разбудило ее ощущение каких-то странных перемен. Она открыла глаза и тотчас зажмурилась: над прозрачным верхом машины висел ослепительный свод, похожий на пустой экран информвизора, но несравненно более яркий, огромный и пугающе голый...

Когда Лив вновь открыла глаза, по куполу проносились черные молнии помех. Она осторожно скосила взгляд и все поняла. Свод был небом, хотя и необычным, а за помехи она приняла мелькавшие в нем сучья.

— Выспалась? — заботливо спросила мама.

Лив не ответила. Безбрежность неба все еще пугала, но оттуда лилось какое-то необыкновенно ласковое тепло, с которым машинный климатизатор ничего не мог поделать.

— Скоро приедем,— сказала мама,— Пообедаем, и Лив поспит. Я же говорила, что дорога будет трудной.

— А как же послеобеденная передача про Рыжего Квантика? — спросила Лив.

— В Заповеднике надо смотреть зверей,— весело сказал отец.— После сна и отдыха, разумеется.

От огорчения Лив даже перестала смотреть по сторонам. Некоторое время она сжимала и разжимала ладошку, куда падал теплый лучик. Выяснилось, что в кулачке его удержать невозможно.

Машина замедлила ход. Показалась стоянка, а за ней домик, каких Лив еще не видывала: он был сложен из бревен и покрыт черепицей; резные, уставленные цветами балкончики верхнего этажа напоминали маленькие торты.

Перед тем как выйти, все надели маски. Лив не спрашивала зачем, потому что ей уже объяснили, что в Заповеднике совсем-совсем другой воздух, от которого может закружиться голова.

Из дома им навстречу шел человек в фуфайке с продолговатым костлявым лицом и растрепанной седой шевелюрой.

— Рад вас приветствовать в Заповеднике,— произнес он с заученной улыбкой.— Не требуется ли кому-нибудь врач?

Все посмотрели на Лив, а Лив молчала, потому что когда они только вышли из машины, ей показалось, что она оглохла, но потом она услышала голос и очень удивилась тому, что голос она слышит, а больше... ну, ровно ни-че-го!

— Врач не помешает,— категорично сказала мама.— Дорога, впечатления...

Лив затрясла головой. Слова отдавались в ушах гулко, как в пустой комнате.

— Не спорь! — вспыхнула мама, так и не поняв, в чем дело.

Лив уложили в постель, и вскоре пришел врач. Лив привычно протянула руку, чтобы он укрепил электронные присоски. Доктор пощелкал переключателями диагноста, мельком взглянул на девочку и весело улыбнулся. Папа и мама стояли у него за спиной.

— Все нормально, абсолютно здоровая девочка,— он с треском сдернул присоски и убрал их в ячейки диагноста.— Только ей здесь не следует бегать и прыгать.

— Она у нас никогда не бегает,— с гордостью сказала мама.

— Вне комнат обязательна маска. Всего хорошего. Желю по-видать.

— Что, разве бывают случаи, когда звери не показываются? — спросил папа.

— Бывают, когда людей слишком много. Но сегодня посетителей маловато.

От радости Лив запрыгала в постели.

— Лив! — воскликнула мама. — Ты слышала, что сказал доктор? Сейчас же перестань!

Мама накормила Лив и велела поспать. Ее оставили одну. За окном шевелились ветви деревьев, они были с листьями и походили на щупальца Резинового Мутанта, но Лив не было страшно, только слегка тревожно при мысли о том странном мире, который лежит за окном. Потом и тревога исчезла. Кровать успокоительно баюкала, тоненько шипел климатизатор, не хватало лишь Монотонного Рассказчика, но на этот раз Лив уснула и без Рассказчика.

Когда она проснулась, было уже время идти. Их собралось человек двадцать. Лив очутилась в середине, папа и мама крепко держали ее, за спинами почти ничего не было видно. Потом процессия растянулась. Вел ее человек в фуфайке. Он был без маски, тогда как все остальные были в масках. Лив очень хотелось чуточку приподнять свою маску, чтобы узнать, какой же тут все-таки воздух, но она боялась, да и руки ее были в плену папиных и маминых.

Запахи пробивались сквозь фильтр, они были сумбурные, и впечатления тоже, как это бывает, когда смотришь на ненастроенный экран. Все же Лив заметила удивившую ее несообразность: все, и она сама, шли нормально, а человек в фуфайке едва волочил ноги и все же опережал остальных.

Ее переполняли вопросы, но она не успела ни о чем спросить, потому что человек в фуфайке остановился и сказал:

— Пожалуйста, тише. Мы близко, из-за шума они могут не появиться.

«Здесь и так тише тихого!» — удивилась Лив.

— Верно, что они есть только в Заповеднике? — шепотом спросил кто-то.

— Да, мы их сохранили.

— Много ли их у вас?

— Одиннадцать.

— О-о!

— Предупреждаю, они могут появиться не сразу, надо запастись терпением. Больше вопросов нет? Тогда пошли.

По лицам окружающих было видно, что все взволнованы. Двигались гуськом, молча. Пластиковая дорожка кончилась. Справа и слева в кустах стояли скамеечки. Человек в фуфайке показал жестами: «Садитесь!» Все осторожно расселись.

За кустами оказалась песчаная площадка, песок золотился в косых лучах солнца, но Лив этого не видела, потому что темные очки делали песок коричневым. Площадка находилась на возвышенном месте, за ней открывался вид на туманную равнину и далекие городские массивы. Грязноватый туман делал неразличимыми основания городов, отчего их угловатые вершины тяжеломерно падали и даже как бы покачивались в неустойчивом равновесии. Оттуда исходил — нет, не шум и не гул, а шорох едва уловимой вибрации, которая освободила Лив от чувства глухоты.

Человек в фуфайке вышел на середину площадки и стал что-то разбрасывать, доставая из карманов. Может быть, от неестественной обстановки Лив показалось, что фигура служителя Заповедника выросла, стала огромной и вместе с тем невесомой. Но вот он окончил свое дело, вернулся и снова стал обыкновенным пожилым человеком с помятым продолговатым лицом и встрепанными волосами.

Люди сидели неподвижно, но площадка оставалась пустой. Все ждали, и Лив тоже, и понемногу сердце девочки учащенно забилося, — она не могла понять, отчего.

Она чуть не вскрикнула, когда в воздухе зашелестели крылья. Стайка птичек пронеслась над людьми, рассыпалась, коснулась земли.

Все оказалось правдой. Около десятка воробьев, забавно подпрыгивая, клевали корм. Ножки у них были тоненькие-тоненькие и сами они были маленькими, должно быть, теплыми комочками. И они не боялись людей, которые сидели неподвижно, с торжественными лицами.

Это было так трогательно, что у Лив на глазах навернулись слезы. Но она почувствовала и гордость — за родителей, за всех взрослых, которые не только создали прекрасные могучие города, но и устроили жизнь маленьких беззащитных птичек.

Глядя на нее сбоку, отец подумал, что они все-таки не зря привезли свою девочку в Заповедник.

**ЛИСТАЯ ПОЖЕЛТЕВШИЕ
СТРАНИЦЫ...**

Небольшой научно-фантастический очерк инженера А. А. Родных «Самокатная подземная железная дорога между С.-Петербургом и Москвою» был издан отдельной брошюрой в 1902 году. Шутки ради автор назвал свое произведение неоконченным романом, и, с его легкой руки, так оно и продолжает именоваться в нынешних статьях по истории русской фантастики.

Произведение это, разумеется, не художественное, а скорее научно-популярное. Самь десятилетия назад отечественная научно-популярная литература была еще в пеленках, и мы надеемся, что читатель извинит некоторые шероховатости стиля «Самокатной дороги», которые мы, разумеется, не можем сейчас исправить, орфографию же пришлось осовременить. Однако техническая идея, изложенная А. Родных, и сегодня представляет интерес, она весьма оригинальна, и — самое занятное — теоретически вполне осуществима, что и подтвердил своим авторитетом наш известный популяризатор науки Я. И. Перельман. Соответствующую главу из его «Занимательной физики» мы перепечатываем здесь вместо комментариев. Стоит еще отметить, что Александр Алексеевич Родных уже в советское время стал профессиональным научным журналистом и, в частности, наряду с Я. И. Перельманом одним из первых пропагандистов идей Циолковского, реактивной техники и космических полетов.

В. Ревич

А. А. РОДНЫХ

**САМОКАТНАЯ
ПОДЗЕМНАЯ
ЖЕЛЕЗНАЯ
ДОРОГА
МЕЖДУ
С.-ПЕТЕРБУРГОМ
И МОСКВОЮ**

Фантастический роман
пока в трех главах,
да и тех неоконченных

ПРЕДИСЛОВИЕ ЧИТАТЕЛЯ

«Вот и еще одно нелитературное произведение, погубившее массу невинной белоснежной бумаги! Великое счастье, что в нем нет пока конца третьей и прочих глав, так что со спокойной совестью можно уснуть безмятежно еще при чтении третьей главы».

ЛИХА БЕДА — НАЧАЛО

Розовыми надеждами украсились мысли Петра Георгиевича Таманова при виде только что присланного разрешения на постройку нового пути сообщения между Петербургом и Москвой. Упорных долгих и многих хлопот и любезностей, без чего не обходится ни одно малейшее желание на свете, стоило Петру Георгиевичу приобретение заветного разрешения.

«Наконец-то дело мое желанное, дорогое близится к началу, наконец-то разбиты человеческие преграды и явился свободный доступ к борьбе лишь с природой!» — радостно воскликнул Петр Георгиевич. Но он никому не мог поведать сейчас своей радости, так как был у себя один.

Живо представились ему картины прошлого: как был им подзи

проект, который тотчас же с пожиманием плеч был спрятан под сукно, где и пролежал бы бог весть сколько времени, если бы не был переименован столоначальник вместе с сукном. Новый столоначальник, любивший порядок, постиг, что прошло уже порядочно времени и пора настала подвинуть дело. Пошли затем писать комиссия, подкомиссия, и каких только тут не было высказано мнений о невозможности приведения проекта в исполнение!

Но в чем же заключался проект, встретивший столь много разноречивых преград? Ни более ни менее, как в проведении 600-верстного тоннеля, долженствующего соединить обе столицы по совершенно прямой подземной линии. Таким образом впервые явилась бы возможность для человечества совершать путь прямой, а не ходить кривыми путями, как это было до сих пор. И как бы в награду за такое нравственное совершенствование природа позаботилась устроить для человечества приятную забаву — катанье с гор. Да еще с каких волшебных гор! Гор-невидимок!

В самом деле, ведь воображаемые прямые, пересекающие землю, или земные хорды, испытывают на своем протяжении неодинаковую силу тяжести: именно части, ближайšie к центру земли, то есть срединны хорд, наделены наибольшею силою притяжения. Это-то свойство земной прямой линии и создаст в проектируемом тоннеле невидимые горы, причем подошва их придется на середине тоннеля, а вершины — в столицах.

Как водится, сначала отнеслись к этому проекту без всякой критики, а просто голословно восклицали, вопрошали: «Какая нелепость! Вот так дикая фантазия! Да кто даст средства на такую постройку?! К чему она?! Нет у нас, что ли, сообщения с Москвою, а?» Затем, несколько вникая в суть дела, стали ставить вопросы более существенные, которые свелись к указанию на невозможность пробития подобного тоннеля в виду сильного внутреннего жара земли, подземных источников воды, отсутствия достаточного притока свежего воздуха, и, следовательно, невообразимой духоты; наконец, кто же рискнет дать на такое безрезультатное предприятие свои капиталы, да и в осуществлении проекта нет никакой надобности и пользы.

Последние суждения особенно приводили в негодование Петра Георгиевича: «Как нет надобности в сооружениях подобного рода, когда лишь только таким путем может стать обширнейшая и величественнейшая из наук — геология действительно на свое место, а не скользить на поверхности?! В чем же бесполезность подземной железной дороги, когда при почти ничтожной затрате искусственной силы, благодаря уже существующей — в виде силы тяжести, действующей по наклонной плоскости, — скорости подземной железной

дороги далеко оставит за собою скорость обыкновенных железных дорог, да и в отношении безопасности, при постройке двойного пути и отсутствия закруглений, эта дорога сыграет благословенную роль?!»

«Что же касается до внутреннего жара, служащего якобы препятствием к пробитию тоннеля, постепенно проникающего в глубину почти до $7\frac{1}{2}$ верст, то жар не так силен, как кажется, или правильнее сказать, как казалось. Действительно, когда господа ученые с ледяным равнодушием слегка затрагивали вопрос о состоянии жара внутри земли, земля с необыкновенным жаром роптала на такую невнимательность, а лишь только господа ученые горячо приступили к сему вопросу и с жаром принялись за разработку его, как земля подарила их лишь только теплым вниманием. Так все на свете сем превратно. А что касается воды и духоты, то...»

Но далее продолжать Петру Георгиевичу не пришлось: жара и духота в зале делали понемногу свое дело, и комиссия с подкомиссией, не будучи более в состоянии бороться с ними, вдруг признали, что, в сущности говоря, не стоит продолжать беседу. Не все ли в самом деле им равно, будет ли строиться тоннель или не будет: капиталов ведь они не отпустят, а отчуждений земли для такой дороги не потребуется.

Прошло еще несколько дней, и вот, наконец, появилась возможность приступить к выполнению давно задуманного предприятия. Радостное настроение, охватившее все существо Петра Георгиевича, не давало ему покоя, и он поехал к своему другу Павлу Алексеевичу Демидову, чтобы поделиться с ним веселым настроением и побеседовать о дальнейших планах.

Петр Георгиевич Таманов подружился с Павлом Алексеевичем Демидовым в последних классах реального училища. С тех пор их дружба не прерывалась, несмотря на несколько различные выбранные ими пути жизни. В то время как Петр Георгиевич посвятил себя деятельности инженера путей сообщения, Павел Алексеевич избрал для себя горную деятельность и стал горным инженером. Служба развела их, но недолго были друзья в разлуке и переписке между собою: у Петра Георгиевича явилась творческая мысль о новом пути сообщения, оба друга вновь свиделись и совместными силами стали приводить план в исполнение. Пока Петр Георгиевич хлопотал о разрешении постройки, Павел Алексеевич, человек весьма состоятельный, прикупил к своему подмосковному имению, лежащему близ полотна Николаевской железной дороги, землю вплоть до самой дороги и также приобрел несколько десятин земли близ полотна той же дороги под Петербургом. Все это было сделано в виду будущих планов, по которым эти два имения должны были

быть соединены между собою туннелем, а близость выходов из туннелей к полотну Николаевской железной дороги дала бы возможность новой дорогой воспользоваться Петербургским и Московским вокзалам.

Друзья радушно встретились и между ними началась живая беседа о начале предприятия. Петра Георгиевича несколько тревожил вопрос о недостаточности капитала в 400 тысяч, имеющегося у них на это дело, но Павел Алексеевич пришел к тому заключению, что не стоит и приглашать новых компаньонов в это предприятие в виду того, что эта сумма вполне достаточна для начала дела; что же касается дальнейшего, то ведь мы имеем дело с землею, а земля есть капитал. Сама работа будет все время окупать себя, так как пред нами горные богатства, мало того — научные сокровища! Мы обогатим не только себя, но и науку, искусство! Притом не надо забывать, что устройство туннеля не представит особых затруднений в виду небольшого уклона: всего лишь на каждые 40 сажен длины подземный путь будет спускаться в глубину на 1 сажень. Так что вывозить ценную почву из этих новых горных шахт будет несравненно легче, дешевле и проще, чем это делается на ныне существующих горных рудниках, несмотря даже на то, что глубина, до которой мы дойдем, достигнет $7\frac{1}{2}$ верст.

Да что разговаривать, приступим-ка лучше к самому делу, а земля научит нас многому чему, чего и не снилось еще нам, горным инженерам и путейцам.

И друзья, как водится, приступили к делу, то есть стали чокаться пенными бокалами шампанского...

ДЕЛО ЗАКИПЕЛО

Не прошло и месяца, как в имени под Петербургом на пространстве около семи десятин по заранее вычисленному направлению было устроено полотно железной дороги длиною в 400 сажен с определенным уклоном; так что в конце этого полотна, имевшего две пары рельс для двойного пути, образовался откос вышиною до 10 сажен. Далее, предстояло уже войти в этот откос и начать работы по туннелю, который решено было устроить до 10 саженей в ширину и до 7 саженей в высоту.

Понемногу имение украсилось законченными домиками для рабочих и инженеров вдоль полотна железной дороги и оживилось двумя изящными электровозами, предназначенными для вывоза почвы из туннеля. Все же имение, обнимавшее площадь в 250 десятин, было разделено дорогами на несколько частей для складов

материала, добываемого при работах в тоннеле, как то: песку, глины, мела, известкового камня.

Когда же было припасено изрядное количество цемента для укрепления сводов в тоннеле и непроницаемости их от воды, а также стальных сводов для безопасности работ в тоннеле, и были приобретены сверлильные машины, то работы по тоннелю вступили в свои права, и дело закипело. Тройная смена рабочих и техников давала возможность производить работу непрерывно день и ночь.

Внутренность тоннеля постоянно была освещаемая электричеством. Из домов инженеров в тоннель были проведены телеграф и телефон, так же, как и по всему имению и окрестностям, где уже выросли, как грибы, кирпичные и цементные заводы, обрабатывавшие глину, песок, мел и известковый камень, которые давали самую подходящую пищу для их существования.

По мере удлинения тоннеля стала давать себя знать духота и мало-помалу увеличивавшаяся теплота, которая при длине в 8 верст и, следовательно, глубине до 100 сажен достигла 10° ; поэтому заранее были приняты меры для борьбы с духотою и увеличивавшеюся теплотою при помощи введения в тоннель к месту работ жидкого воздуха, который сразу достигал цели, обладая ценным свойством охлаждения. При дальнейшем вхождении внутрь почвы температура несколько понизилась, что служило признаком близости воды. Уже и раньше встречались на пути работ песчаные пласты, пропитанные водою, но в виду будущих и, по всем вероятностям, лучших вод предпочли пройти их мимо, закрыв воде доступ бетонными сооружениями. Новый водоносный слой не заставил себя долго ждать; из-за пробуровленного известкового камня — мрамора прекраснейшего качества, выбилась сильная и тонкая струя воды, качество которой немедленно подвергли исследованию, а отверстие закрыли длинною металлическою полою трубкою, дошедшею до противоположной стенки водоносного слоя благодаря своей 4-х саженой длине, причем конец трубки завили в противоположную стену почти на фут. Ширина водоносного слоя оказалась более 2 сажен.

Это обстоятельство заставило инженеров сильно призадуматься, так как принятый до сих пор способ борьбы с водою при помощи постепенного проталкивания в почву керамиковых и металлических труб все большего и большего диаметра теперь уже не годился благодаря чрезвычайно твердой почве и сильному давлению обильной воды. На время работы по тоннелю были оставлены, а рабочие занялись прокладкою по дну тоннеля керамиковых труб для проведения в столицу новооткрытой воды, оказавшейся минеральной и ничуть не уступающей Крейцнахской. Так что явилась возможность извлекать доходы не только из строительных материалов, а также

и из воды. Все это вместе создало близ Петербурга огромный промышленный уголок, и постройка самокатной подземной железной дороги не только оправдывала сама себя, но и покрывала расходы на начавшиеся подобные работы со стороны Москвы.

Однако приостановка работы в тоннеле под Петербургом из-за обильного водоносного слоя вызвала насмешки со стороны всему радующихся людей, и нашим инженерам необходимо было во что бы то ни стало выйти сухими из воды. И, как всегда бывает, ларчик открылся весьма просто: решено было пробить дальнейший путь, заморозив воду, для чего было просверлено в конце тоннеля, главным образом по краям, еще несколько отверстий, в которые по-прежнему ввинтили полые длинные трубки, доходившие до противоположной стенки водоносного слоя, и затем во все эти трубки был впущен жидкий воздух, отчего вода немедленно замерзла, и явилась возможность пройти уже не сквозь воду, а сквозь лед, который притом не мог всплыть вверх, так как его задерживали металлические трубки. Работа на морозе пошла оживленнее, и прошло немного времени, как мрамор, а затем и лед были извлечены из тоннеля, и рабочие, проникнув в противоположную стену, принялись за заделывание ледяной брешы при помощи цемента и металлических сводов.

КУДА ЕХАТЬ НА ДАЧУ?

— Послушай, дядя, а ведь нам пора решить, куда ехать на дачу; не искать же дачи, когда пройдет весна,— сказала молоденькая девушка, сама весенних лет, входя в кабинет Платона Тимофеевича Хомякова.

Платон Тимофеевич нежно посадил свою племянницу Ольгу Александровну Лугину рядом на кресло, а сам продолжал усердно читать газету «Общественное Мнение». Других газет, впрочем, и не существовало. Как веками образовалась на земле черноземная плодородная полоска земли, так и в человечестве веками создавалась светлочеловеческая благородная полоса. Различные оттенки и направления частной жизни, существовавшие в былое время в газетах и создававшие лишь общественное сомнение, сменились общественной жизнью, отражавшеюся, как в зеркале, в «Общественном Мнении».

— Что же, дядя, ты ничего не отвечаешь,— спросила Ольга Александровна.

— Погоди, душечка, дай прочесть еще строчку, а там поговорим всерьез.

Прочтя еще строчку, грузный Платон Тимофеевич встал с не менее грузного кресла, легким, но плотным шагом прошелся по кабинету и ответил решительными слогами:

— На да-чу не е-дем!

— Что с тобою? — только и могла выговорить обиженная племянница.

— Ничего, — вдруг весело заговорил Платон Тимофеевич, — решительно ничего! Отныне я хочу жить в подземелье, а ты, как хочешь.

— Нет, право, так невозможно; говоришь, дядя, ты какими-то загадками, видно, с тобою сегодня не сговориться, — сказала, вставая с кресла, Ольга Александровна.

— Видишь, в чем дело, — сказал Платон Тимофеевич, успокаивая свою племянницу. — Я получил вчера письмо из Петербурга от Павла Алексеича Демидова, ты ведь хорошо его знаешь, с приглашением осмотреть работы, совершающиеся в тоннеле со стороны Петербурга. Почему со стороны Петербурга, а не Москвы, где мы находимся, то об этом Павел Алексеич умолчал, а просил лишь внимательно прочесть сегодняшнюю статью в газете, которая разрешит этот для нас интересный вопрос, и также, быть может, наведет на некоторые мысли относительно дачи.

Прочитав сегодняшний номер газеты, я и решил поселиться на даче в подземелье. Вот, прочти газету, тогда и увидишь, стоит или не стоит пожить там, — и дядя, передав газету племяннице, покинул ее.

Ольга Александровна, мило усажившись в кресле, принялась за чтение статьи «В тоннеле под Петербургом», где ретивый корреспондент вычурно-загнутым слогом сообщал следующее:

«Благодаря необыкновенной, прямо-таки расточительной любезности Петра Георгиевича Таманова и Павла Алексеича Демидова, инженеров-строителей С.-Петербургско-Московского тоннеля, нам довелось побывать на месте работ, представляющих грандиозный муравейник человеческого труда и знаний. Прежде всего мы ознакомились с местностью, прилегающей к тоннелю; все здания из белого мрамора на гранитных основаниях весело и ослепительно блистали на весеннем Петербургском нерадном солнышке и легкой дымкой напоминали о римских зданиях и переносили туда, где возродились науки, искусство... Да, муравейник под Петербургом, казалось, принял в свои объятия Академию и Университет и оросил их животою водою знаний, выбравшихся на свет Божий из тьмы веков. По правую и левую сторону входа в тоннель красовались величественные бело-мраморные палаты, предназначенные для увековечения геологических и палеонтологических познаний, исходящих из недр тонне-

ля. Да, эти два музея явились гигантскими историками земли!

Молодые душой академики и по четыре года ищущие правды студенты одинаково жадно следили за раскрываемыми в глубине тоннеля еще теплыми страницами горячей истории земли, писаной огнем и водою, но, впрочем, истории не столь горячей, как история человечества, которая все еще пишется огнем и мечом.

Было бы весьма затруднительно в небольшой газетной заметке познакомить читателей с теми внушительными явлениями природы, какие довелось нам повидать при осмотре музеев, чему мы посвятим в будущем с благоговением несколько пламенных строк, а теперь мимоходом лишь заметим, что некогда сказочные и баснословные выражения «в плечах косая сажень», «а слона-то я и не приметил» стали отныне истиной святою.

Подавленные чувством изумления, мы покинули палаты естественных наук и направились к входу в широко-просторный тоннель. Там нас ожидал легкий изящный электромобиль. Отпустив тормоза, мы начали сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее скатываться в глубь тоннеля... Мимо нас мелькали перемежающиеся слои почвы: песчаные, глиняные, известковые, мраморные, гранитные, каменноугольные...

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПИСАТЕЛЯ

Проснитесь, Читатель, и, если кто из вас увидел сон прекрасный и желает видеть их и впредь, да благоволит сообщить свое желание о продолжении романа.

СКАЗОЧНАЯ ДОРОГА

Лет сорок назад* в Ленинграде появилась брошюра со странным заглавием: «Самокатная подземная железная дорога между С.-Петербургом и Москвою. Фантастический роман пока в трех главах, да и тех неоконченных». Автор этой брошюры А. А. Родных предлагает остроумный проект, с которым интересно познакомиться любителю физических парадоксов.

Проект состоит «ни более ни менее, как в проведении 600-километрового туннеля, который должен соединить обе наши столицы по совершенно прямой подземной линии. Таким образом, впервые явилась бы возможность для человечества совершать путь по прямой, а не ходить кривыми путями, как это было до сих пор». (Автор хочет сказать, что все наши дороги, подчиняясь кривизне земной поверхности, следуют по дугам, между тем как проектируемый туннель пройдет по прямой линии, — по хорде.)

Такой туннель, если бы его можно было бы прорыть, имел бы удивительное свойство, каким не обладает ни одна дорога в мире. Оно заключается в том, что любой экипаж в подобном туннеле должен двигаться сам собой. Вспомним наш подземный колодец, пробуравливающий земной шар. Ленинградо-московский туннель — тот же колодец, только просверленный не по диаметру, а по хорде. Правда... может казаться, что туннель прорыт горизонтально и что поезду, следовательно, нет причины катиться по нему в силу тяжести. Но... проведите мысленно радиусы к концам туннеля (направление радиуса есть направление отвеса) — вы поймете тогда, что туннель прорыт... наклонно.

В таком косом колодце всякое тело должно качаться, увлекаемое силою тяжести, вперед и назад, все время прижимаясь ко дну. Если в туннеле устроить рельсы, то железнодорожный вагон будет сам катиться по ним: вес заменит тягу паровоза. Вначале поезд будет двигаться очень медленно. С каждой секундой скорость самокатного поезда будет возрастать; вскоре она дойдет до невообрази-

* Ко времени пятнадцатого издания «Занимательной физики».

мой величины, так что воздух в туннеле будет уже заметно мешать его движению. Но забудем на время об этом досадном препятствии, мешающем осуществлению многих заманчивых проектов, и проследим за поездом дальше. Домчавшись до середины туннеля, поезд будет обладать такой огромной скоростью — во много раз быстрее пушечного снаряда! — что с разбега докатится почти до противоположного конца туннеля. Если бы не трение, не было бы и этого «почти»: поезд без паровоза сам доехал бы из Ленинграда в Москву. Продолжительность переезда в один конец, как показывает расчет, та же, что и для падения сквозь туннель, прорытый по диаметру: 42 мин. 12 сек. Странным образом она не зависит от длины туннеля; путешествия в туннеле Москва — Ленинград, Москва — Владивосток или Москва — Мельбурн продолжались бы одинаковое время.

То же повторялось бы с любым другим экипажем: дрезиной, каретой, автомобилем и т. д. Поистине сказочная дорога, которая, сама оставаясь неподвижной, мчит по себе все экипажи от одного конца до другого и притом с невообразимой быстротой!

(Интересующиеся математической стороной этой задачи могут найти подробный разбор ее в моей статье, напечатанной в журнале «Математика и физика в школе», 1936, № 3, стр. 106—107.)

ПОСЛЕСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Обычно составители пишут вступительные слова. Это, так сказать, пригласительные билеты к подобранным ими книгам. Читатель знает, что составитель не может быть объективным. Уж если он взял какое-нибудь произведение для включения в сборник, то, значит, оно ему нравится. Поэтому верить рекомендациям составителей нельзя.

Но теперь, когда уже книга все равно прочитана и сделанного не воротишь, можно со спокойной совестью сказать хорошие слова о произведениях и авторах, представленных в этом очередном выпуске.

«НФ» — издание сравнительно небольшое, поэтому трудно говорить о какой-либо полноте охвата современной советской фантастики, но тем не менее ее основные линии в той или иной степени оказались здесь задетыми.

Повсеместный интерес к этого рода литературе объясняется чаще всего не тем, что она представляет собой легкое, бездумное чтение. Запятая, которая зачастую ставится между словами «детектив» и «фантастика» при разговоре о так называемой «массовой культуре», в сущности, незаконна. И если по художественному исполнению еще очень молодая фантастика не всегда может конкурировать с достижениями «обыкновенной» прозы, то по остроте, глубине, масштабности поднимаемых проблем она нередко выходит на передовые позиции, рассматривая пути научного и социального прогресса, рассматривая современного человека в современном мире, в мире научно-технической революции, в мире, где происходят чрезвычайно быстрые изменения и потрясения. Может быть, больше, чем иным другим жанрам, фантастике присущ романтико-героический пафос. Совсем не случайно, например, фантастика любит иметь дело с космосом. И совсем не случайно интерес к ней особенно усилился после запуска первого искусственного спутника Земли. Но связь здесь и обратная — фантастика помогла лучше понять, осознать величие, грандиозность одной из самых трудных задач, которые ставило перед собой человечество.

Наверное, нелегко отыскать сборник фантастических произведений, в котором отсутствовала бы космическая тема. Есть она и в 12-м выпуске «НФ».

Космонавт Павлыш, герой повести Кир. Булычева «Великий Дух и беглецы», выступает в ней как носитель коммунистической морали, которая, в частности, утверждает, что люди более развитых цивилизаций не имеют никакого права распоряжаться судьбами людей, стоящих на более низкой ступени исторического развития, а тем более не имеют права ставить эксперименты над живыми существами, какими бы красивыми лозунгами эти эксперименты ни прикрывались. Необыкновенные приключения Павлыша отнесены в далекие просторы Вселенной, но идеи повести весьма актуальны и на Земле.

«Среди звезд нас ждет Неизвестное» — этот афоризм Станислава Лема можно поставить эпиграфом ко второму космическому рассказу сборника — «Эксперимент с неуправляемыми последствиями» А. Горбовского. Автору удалось передать, какое мужество требуется от землянина, чтобы встретить это Неизвестное грудью, можно было бы сказать — с открытыми глазами, если бы, как вы помните, по условиям задачи пилоту не нужно было бы как раз закрыть глаза.

Есть области, которые доступны только фантастике. Лишь она может нарисовать конкретные картины будущего коммунистического общества. И разве не прекрасен солнечный мир, в котором живут герои рассказа С. Жемайтиса «Тигровая звезда»? Этот рассказ — своеобразное продолжение повести «Вечный ветер», которая недавно вышла в «Золотой библиотеке» издательства «Детская литература».

Еще одно направление — фантастика, построенная на обличении противостоящего нам мира, мира купли и продажи, мира, растлевающего и опустошающего нестойкие души. Но нельзя не заметить, что среди многочисленных произведений такого рода у наших писателей удачи довольно редки. Видимо, виной тому недостаточное знание зарубежных условий; наши произведения часто проигрывают при сравнении с книгами таких страстных критиков капиталистического образа жизни, как Брэдбери, Шекли, Саймак и другие прогрессивные фантасты Запада. П. Пологребскому удалось избежать многих подводных камней, которые таились в избранной им теме. Он пошел по наиболее верному пути, направив свои усилия не на описание быта, а на раскрытие душевных движений старого, разочарованного в жизни ученого. Уж в этой-то области должен быть компетентным всякий, кто претендует на право называться писателем.

Особенно приятно, что «Абицелла» — это первое печатное произведение молодого автора.

Про второго дебютанта сборника, Г. Шаха, так сказать нельзя. Он по профессии журналист, но рассказ «И деревья, как всадники...» — его первый опыт в данной области. Тема рассказа необычна, что не так-то часто встречается в современной фантастике, и можно быть уверенным, что читатели будут неминуемо вовлечены в диалог и с автором, и с самими собой. Допустимо ли то решение, которое предлагает герой рассказа? Наиболее быстрый ответ, вероятно, будет отрицательным. Но что вы сможете предложить взамен?

Редкую и поэтому особенно ценную фантастику сегодняшнего дня разрабатывают в своих рассказах И. Варшавский и Р. Подольный.

За исключением уже упомянутых дебютантов, представлять авторов сборника нет особой необходимости. Любителям фантастики имена Кир. Булычева, Романа Подольного, Ильи Варшавского, Дмитрия Биленкина, Александра Горбовского, Сергея Жемайтиса хорошо известны. У каждого из них есть отдельные книги.

Составителю остается пожелать своим авторам новых и интересных произведений, которые поддержали бы лучшие традиции советской фантастики, а читателям — скорой встречи с этими произведениями.

В. Ревич

СОДЕРЖАНИЕ

Заглянем в далекое будущее

Кир. Булычев. Великий Дух и беглецы	4
С. Жемайтис. Тигровая звезда	87
А. Горбовский. Эксперимент с неуправляемыми последствиями	103
Д. Биленкин. Холод на Трансплутоне	115

Знакомьтесь: дебютанты

П. Попогребский. «Абицелла»	122
Г. Шах. «И деревья, как всадники...»	168

Удивительное рядом

Р. Подольный. Скрипка для Эйнштейна	186
И. Варшавский. Сюжет для романа	203

Только ли улыбка!

А. Горбовский. Совпадение	216
Д. Биленкин. Поездка в заповедник	219

Листая пожелтевшие страницы

А. Родных. Самокакая подземная железная дорога между С.-Петербургом и Москвою	227
Я. Перельман. Сказочная дорога	235
Послесловие составителя	237

47 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1972